

СНЕЖНЫЕ СКАЗАНИЯ

Снежные сказания

Том 2

2026

Предисловие

Дорогие читатели!

Перед вами — результат масштабного творческого союза, объединившего более 60 авторов, чьи произведения наполнили каждую страницу особым светом. Под одной обложкой сплелись десятки различных сюжетов: от эпических легенд, рождённых в самом сердце вьюги, до светлых рассказов о зимних чудесах.

Путь к созданию этой книги начался с конкурса «Снежные сказания». Мы получили колоссальный отклик — более 350 заявок! Путём долгих обсуждений и раздумий мы отобрали те произведения, которые наиболее точно отвечали тематике и настроению нашего сборника. В итоге сложился атмосферный коллективный проект, с участниками которого мы предлагаем вам познакомиться.

Мы верим, что это путешествие по заснеженным страницам воодушевит каждого из вас на создание своей собственной зимней истории. Приятного чтения!

Кристина Арт

Станция «Первое января»

В лесу стояла такая тишина, что было слышно, как на ветки елей ложится пушистый снег. Тимофей стоял на крохотном перроне. Станция эта была настолько маленькой, что на ней едва помещались один фонарь, одна скамейка и один очень сонный воробей, который спрятал клюв под крыло. Глядя на воробья, Тимофей поежился и поглубже зарылся лицом в свой красный вязаный шарф. Ему казалось, что если он замрет так же неподвижно, то мороз просто потеряет его из виду и перестанет кусать за кончик носа.

На этой крохотной платформе, затерянной среди бесконечных заснеженных елей, всё вокруг словно старалось сделаться как можно меньше, чтобы не тревожить спящий лес.

В умиротворенной зимней тишине всё вокруг казалось застенчивым, и лишь чемодан Тимофея никак не вписывался в общую скромность. Этот огромный кожаный «бегемот» примостился прямо у ног мужчины. Он был такой тяжелый и пугатый, что ему, честное слово, явно надоело стоять. Стоило Тимофею на секунду отвлечься, как старый ворчун начинал медленно заваливаться на бок, будто решил, что сейчас самое время прилечь и вздремнуть прямо посреди платформы.

— Ну уж нет, стой ровно! — упрямо шептал мужчина себе под нос, стараясь не вылезать из уютного тепла шарфа.

Как только чемодан начинал крениться, Тимофей тут же выставлял ногу, позволяя кожаной громадине упираться своим массивным боком ему в ботинок. Багаж казался неподъемным, хотя вещей в нём почти не было: пара рубашек, да шерстяные носки. Его нехитрые пожитки не могли столько весить, но мужчине чудилось, будто внутри лежат тяжелые гири.

Все дело в магии. Чемодан был волшебный. Он превращал обиды владельца в настоящие камни. Стоило Тимофею расстроиться, как на дно чемодана падал новый булыжник. За год их накопилось столько, что багаж тянул его к земле. Это был груз его памяти: снисходительные усмешки коллег за спиной и ядовитая критика начальства, обесценивающая годы его труда. Из-за этого чемодан стал таким тяжёлым, что даже старые доски перрона под ним жалобно поскрипывали.

Мужчина глубоко вздохнул и поднял воротник пальто, вглядываясь в густую ночную мглу, где рельсы растворялись среди заснеженных деревьев.

Вдруг из лесной чащи донёсся странный звук. Затем показался свет. Огромный, ослепительно-белый прожектор разрезал темноту, превращая каждую снежинку в летящий бриллиант. Из-за вековых сосен величаво выступил локомотив с ярко начищенными медными боками. Громкий

гудок эхом прокатился над лесом, предупреждая о прибытии. Тяжелые стальные колеса медленно замедляли свой бег по путям. С глубоким вздохом паровоз замер, выпустив густое облако пара, которое окутало перрон сверкающим туманом.

В тишине лязгнул стальной засов, и дверь вагона со скрипом открылась. На платформу с грохотом откинулась железная подножка. Туман завихрился у самого порога, открывая дорогу высокой фигуре. Из вагона вышел проводник в форме цвета самой глубокой ночи. На голове его красовалась высокая фуражка с серебряной эмблемой в виде песочных часов и лакированным козырьком, который бросал глубокую тень на верхнюю половину лица, скрывая глаза.

— Ваш билет, молодой человек, — негромко произнес проводник, протягивая руку в белой перчатке.

Тимофей протянул маленький прямоугольник плотной бумаги. Проводник поднял монокль в тонкой серебряной оправе и, прищурившись, внимательно изучил знаки на билете.

— Да, всё верно. Отправление 31 декабря в пол двенадцатого, пассажир Тимофей Селезнёв, можете проходить — сухо произнес он, опуская монокль.

Тимофей уже качнулся вперед, собираясь подхватить свою ношу, но резкий жест проводника заставил его замереть.

— Хотя нет, постойте! — Проводник нахму-

рился, вглядываясь в нескладный груз у ног мужчины. — А это ещё что у вас?

Его взгляд переместился вниз, на тяжелую машину, которую Тимофей придерживал ногой. Проводник удивленно приподнял козырек фуражки, чтобы получше рассмотреть и огромную поклажу, и самого путника.

— Учтите, в нашем поезде нет багажного отделения. Всё ваше имущество будет тесниться рядом с вами на посадочном месте весь путь. — проводник указал на чемодан.

— Ничего страшного, я справлюсь, — упрямо ответил Тимофей.

— Как пожелаете. Входите, но помните: в нашем поезде каждый фунт лишнего веса делает дорогу длиннее.

Тимофей ухватился за ручку, покраснел от натуги и, затаскивая чемодан по ступеням, ввалился в вагон. Дверь закрылась, поезд тихонько звякнул, и лесная станция вместе с сонным воробьём начала медленно уплывать назад, в прошлое.

Тяжелый багаж никак не хотел слушаться, и Тимофей боролся с ним, сопя и вздыхая от напряжения. Его прерывистое дыхание заполняло весь вагон, нарушая тот странный покой, что царил вокруг. Ему стало даже немножко неловко от того, что он словно единственный, кто здесь

мит, движется и по-настоящему живет.

Но вот, в самом конце вагона, он увидел спасение — свободное местечко у окна. Оно застыло там и как будто звало его к себе. Тимофей пробирався мимо других пассажиров и невольно оглядывался. Всё здесь было очень странным.

Люди сидели молча и неподвижно, словно восковые фигуры. Они не разговаривали и даже не шевелились. Их глаза, прозрачные и холодные, как стеклянные шарики, смотрели в окна. Но они не видели ни деревьев, ни облаков — они смотрели куда-то внутрь себя, в свою собственную пустоту. Лишь иногда, словно вспомнив что-то неприятное, они хмурили брови, и их лица покрывались глубокими бороздами, будто невидимый пахарь проводил по их лбам тяжелым плугом.

Стоило Тимофею опуститься на сиденье, как ледяной холод обивки мгновенно передался ему. Он беспокойно передернул плечами, ощущая, как внутри всё сжимается от этого ледяного прикосновения. В надежде на скорое прибытие, он бросил взгляд на механические часы, висевшие на запястье.

Сначала ему показалось, что он бредит от холода, но нет: секундная стрелка вдруг дернулась, замерла и начала вдруг ни с того, ни с сего, вращаться в обратную сторону. Минутная и часовая подхватили этот ритм, превращая циферблат в безумный водоворот, уносящий время в прошлое.

Тимофей в ужасе вскинул голову, ища поддержки, и только сейчас заметил её. На сиденье

прямо напротив, сжавшись в комок, сидела девушка. Он не видел её раньше — она затаилась так тихо и неподвижно, будто старалась стать невидимой, и безучастно смотрела в темное окно. На вид ей было лет тридцать, как и ему самому.

— Гляди, что это? — он встревоженно выставил руку с циферблатом прямо перед её лицом. В тишине вагона его хриплый возглас прозвучал неестественно громко. — Я же не сумасшедший, я не один это вижу? Это нормально вообще?!

Девушка медленно, словно нехотя, отвела взгляд от окна. Она посмотрела на часы, затем перевела пустой взгляд на лицо Тимофея и, ничего не ответив, снова уставилась в черноту за стеклом.

— Эй! Да что с тобой не так? — резко бросил он, задетый её равнодушием. — Тебе что, правда нет до этого никакого дела? Ты посмотри, время сходит с ума!

Она даже не вздрогнула.

— У меня есть дела поважнее, — отстраненно произнесла она.

Тимофей опешил.

— Поважнее? Что может быть важнее того, что время здесь идет назад?!

— То, о чем я думаю, — она нахмурилась, и в её глазах мелькнула застарелая горечь. — Я должна вспомнить. Вспомнить одну старую обиду... Должна понять, почему они тогда так со мной поступили. Я всё время думаю об этом и никак

не могу отвлечься. Пока не вспомню всё до конца — остальное не имеет значения. Я не могу успокоиться, пока не пойму, почему тогда со мной поступили несправедливо.

Она снова замолчала, погружаясь в свои мысли, и Тимофею показалось, что холод в вагоне стал еще более невыносимым.

Тимофею очень не понравился её тон. Это вызвало у мужчины смесь раздражения и безотчетного страха. Он на мгновение отвернулся и лихорадочно огляделся по сторонам в поисках кого-то другого, более «вменяемого», кому он мог бы рассказать про пугающе странное течение времени. Эти пассажиры казались окончательно оторванными от реальности, словно они уже давно перестали быть людьми и превратились в тени самих себя.

Один взгляд на застывшие фигуры в вагоне убедил Тимофея: его единственная надежда — эта девушка. Да, разговор не задался, но ведь он и сам вел себя бесцеремонно, размахивая часами перед её носом. Решив предпринять вторую попытку, он постарался придать лицу самое доброе и понимающее выражение. Если он сможет вытянуть её из омута этой тоски, у них вместе появится шанс разгадать природу этой временной аномалии и найти дверь обратно в нормальный мир.

— Послушай... — он заговорил мягче, почти шепотом. — Тебя кто-то обидел? Может быть, тебе нужна моя помощь?

Девушка медленно покачала головой, не отры-

вая взгляда от окна.

— Ничем уж тут не помочь, — отозвалась она.

— Но в чем всё-таки дело? — не отступал Тимофей. — Почему ты так говоришь?

Девушка не ответила сразу. Она долго смотрела куда-то сквозь стекло, словно видела там события, случившиеся очень давно. Тимофей уже подумал, что она больше не произнесет ни слова, но вдруг она тяжело вздохнула, и этот звук в тишине поезда прозвучал пугающе отчетливо.

— Всё дело в вазе, — наконец произнесла она. — Её разбила моя старшая сестра. Случайно, просто задела. Но она всё свалила на меня. Сказала маме, что это я. И мама... мама поверила ей, а не мне. Почему она тогда так сделала? Ведь это была не я! Наказали меня, а сестра просто стояла и молчала. Почему она так и не рассказала маме правду?

Тимофей на мгновение опешил. «Ваза? — пронеслось у него в голове. — Серьезно? Всего лишь какая-то разбитая ваза?» Ему хотелось встряхнуть её и закричать, что вокруг них творится настоящее безумие, что время сошло с ума, а они заперты в поезде-призраке. На фоне этой катастрофы старая детская обида казалась ему чем-то до смешного мелким, ничтожным пустяком, не стоящим и капли тех терзаний, что он видел на её лице. Какая разница, кто и что вообще там разбил, если они, возможно, никогда не выберутся из этого вагона?

Но, глядя в её полные отчаяния глаза, он осекся. Для неё эта ваза была не просто предметом, а точкой, где мир треснул навсегда.

Тимофей сглотнул ком, подкативший к горлу. Его раздражение сменилось странным, липким чувством вины. Он оглядел вагон другими глазами и вдруг понял: каждая застывшая фигура в полумраке теперь казалась ему пленником собственного прошлого. Вероятно, каждый здесь был прикован к своему моменту — к своей личной «разбитой вазе», которую невозможно склеить, сколько ни пытайся.

— А ты как здесь оказался? — неожиданно спросила она. — Девушка впервые прервала свои горькие раздумья и, повернувшись к Тимофею, посмотрела на него с явным интересом.

— В смысле? — Тимофей принялся усиленно растирать затекшую шею, стараясь не смотреть ей в глаза. — Просто зашел в вагон на платформе. Зашел — и вот я здесь. Обычное дело.

— Нет, здесь так не бывает. Просто так сюда не заходят. Может, ты злишься на кого-то? Или расстроен?

— Да нет же, — он непринужденно пожал плечами. — Всё как обычно. День как день, ничего особенного не случилось.

Девушка наконец полностью развернулась к нему. — Ага, ну как же. Вижу я твой чемоданище. Тяжелый, небось? Ты просто говорить не хочешь, на кого и за что в такой обиде, что тащишь

это за собой.

Тимофей замялся, пытаясь судорожно придумать оправдание.

— Ну... Не знаю даже. На прошлой неделе вот женщина влезла без очереди вперед меня в кассу, или вот друг детства сказал что не придёт со мной отмечать новый год, заболел мол, а на самом деле я-то знаю, что они большой компанией загородом собрались отметить праздник, но без меня вот... Из-за этого, что ли?

— Врёшь! — отрезала она, и в её голосе слышалась скука. — Из-за такой ерунды в такие поезда не попадают.

Тимофей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— В какие «такие»? Что тебе вообще известно об этом поезде?

— Только то, что он никогда не доедет до пункта назначения, — она снова кивнула в сторону черного окна. — Смотри. Видишь вон ту водонапорную башню у путей?

Тимофей прильнул к стеклу. Среди серых теней мелькнул силуэт кирпичной башни с обвалившейся крышей.

— Ну, вижу. И что?

— Мы проезжали её уже час назад.

— Может, просто похожая? — с надеждой

спросил он.

— Нет. Та же самая. С той же трещиной под крышей. Если ты еще не заметил, этот поезд ездит по кругу и мы застряли в этой петле видимо насовсем, — она равнодушно отвернулась.

— Ну уж нет! Быть такого не может! Ты в своем уме? — Тимофей решительно встал. — Хватит, устал я от твоих историй про вазу, про башню водонапорную. Не знаю как ты, а я выхожу на следующей же остановке.

Девушка даже не обернулась на его выпад. Её голос прозвучал тихо и почти сочувственно:

— Как поймешь, что отсюда нет выхода, и будешь готов смириться с неизбежностью — возвращайся. Будем вместе в окно пялиться.

Тимофей, не желая слушать этот бред, развернулся и зашагал прочь из вагона. Он твердо решил найти купе проводника и потребовать расписание.

Мужчина на мгновение замер, прикидывая, хватит ли у него терпения и сил волочить этот чемодан по узкому проходу в начало вагона.

— Присмотришь за ним, хорошо? — попросил он Вику.

— Господи, да кому он нужен? — отозвалась она с ленивым безразличием, в котором сквозило явное пренебрежение и к чемодану, и к его опасениям.

Тимофей замер у приоткрытой двери служебного купе. Проводник — немолодой мужчина в идеально отглаженной форме, которая казалась слишком плотной для душного вагона — даже не поднял головы от своих бумаг.

— Мне нужно выйти, — стараясь придать голосу твердость, произнес Тимофей. — Когда следующая остановка

Проводник медленно отложил ручку и посмотрел на него. Его взгляд напоминал объектив камеры: лишенный человеческого тепла, но фиксирующий каждую малейшую деталь с жуткой точностью.

— Остановка наступит тогда, когда придет время, — в его тоне слышался тот же холодный механический ритм, что и в стуке колес.

Тимофей опешил. Он ожидал чего угодно: ворчания, жалоб на задержку рейса, но не этой туманной фразы.

— Я не понимаю. Как так? — он сделал шаг вперед, чувствуя, как внутри закипает протест. — В поездах всегда есть расписание остановок. Это регламент. И вы должны по первому требованию мне его предоставить!

Проводник приподнял уголки губ в подобие улыбки, хотя взгляд по-прежнему напоминал застывшее стекло.

— Может быть, такое расписание и есть, —

мягко согласился он. — Но это касается обычных поездов, а этот...

— Да-да, — резко прервал его Тимофей. — Я уже понял. Вы что тут, сговорились все? Что ты, что девчушка эта... Говорите загадками, несете чушь про то, что поезд необычный.

— Совершенно верно, — невозмутимо ответил проводник, сложив руки на столе. — Самый необычный из всех, на которых вам доводилось ездить.

— А я тут каким боком оказался?! — Тимофей сорвался на крик. Он сжал кулаки так, что ногти больно впились в ладони. Лицо его начало багроветь от абсурдности ситуации. — Я просто ехал домой! Понимаете? Купил билет, сел на вокзале, я просто хотел попасть домой!

Проводник не шелохнулся. Он продолжал смотреть на Тимофея с тем самым выражением, с каким врач смотрит на тяжелобольного, который отказывается принимать лекарство.

— Раз так, — негромко произнес он, — тогда почему ваш чемодан весит больше, чем вы сам?

Тимофея будто ударило током. Вопрос был настолько нелепым и в то же время точным, что на секунду он лишился дара речи.

— Что ты такое несешь?! — наконец взорвался он, подаваясь вперед.

Тимофей рванулся вперед, сокращая расстояние в один шаг, и крепкой хваткой вцепился в

грудки иссиня-чёрного кителя проводника. Он сильно потрянул мужчину, так что фуражка того съехала на затылок, обнажая морщинистый лоб.

— Хватит! Слышишь?! Хватит шутки со мной здесь шутить! — Тимофей почти кричал ему в лицо, брызжа слюной от ярости. — Я заплатил за билет, я пассажир! Ты сейчас же скажешь мне когда мы приедем на мою станцию. Ясно тебе? Или я найду способ заставить тебя говорить!

Проводник не сопротивлялся. Он висел в руках мужчины, как тряпичная кукла, даже не пытаясь высвободиться. Его прозрачные глаза смотрели прямо в зрачки Тимофея — без страха, без злобы, с каким-то пугающим равнодушием.

— Сила здесь не поможет, — негромко произнес проводник. Его губы почти не шевелились, но голос раздался словно из самой головы Тимофея.

Тимофей посмотрел на свои пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в форменный китель, и ужаснулся собственной вспышке агрессии. Пальцы мужчины, судорожно вцепившиеся в плотную ткань, вдруг обмякли. Он почувствовал, как вся его ярость уходит, оставляя после себя лишь звон в ушах и тяжелую усталость.

Он медленно разжал пальцы и отступил на шаг, виновато опуская голову.

— Извините... — глухо произнес Тимофей, стараясь не смотреть проводнику в глаза. — Просто сил моих уже нет ждать эту остановку. Кажет-

ся, я на пределе. Но я не должен был применять силу, в руках не смог уже себя держать просто... Простите.

Проводник невозмутимо расправил смятый воротник, поправил лацканы и посмотрел на юношу — без злобы, но с какой-то тяжелой, усталой мудростью.

— Остановка будет тогда, когда нужно, — спокойно ответил он — Больше ничем помочь не могу, молодой человек.

— И когда же наступит этот момент, когда «нужно»? — с нескрываемым раздражением спросил Тимофей.

— От меня это не зависит, — едва заметно пожал плечами проводник. — Не ищите ответа у меня. Судьба этой остановки целиком и полностью зависит от вас.

Тимофей резко отвернулся от проводника. Если этот «призрак» в форме не желает давать прямых ответов, значит, нужно идти к тому, кто держит руку на рычаге. К машинисту. К самому началу этого бесконечного, кошмарного состава.

Он ожидал, что дверь будет заперта, но она поддалась с тяжелым вздохом, выпуская струю холодного, пахнущего гарью воздуха.

Тимофей шагнул в следующий вагон, и реальность здесь качнулась еще сильнее. Было темно и пахло застоявшимися духами. Здесь, прислонившись лбом к холодному стеклу, сидела женщина

в нарядном, но сильно поношенном платье.

— Простите, — голос Тимофея здесь прозвучал почти шепотом. — Вы знаете, как попасть к машинисту?

Женщина медленно повернула к нему лицо. Её глаза были подернуты туманной дымкой.

— Он обещал встретить меня на перроне, — произнесла она, глядя сквозь Тимофея. — Но за окном всё время одна и та же башня... Вы не видели моего мужа? У него был синий галстук.

Тимофея пробрало до костей. Теперь он осознал это со всей ясностью: люди в вагонах вовсе не были пассажирами — они оказались заложниками вечности, замурованными в своих мгновениях, точно мухи в кусках янтаря.

Охваченный паникой, он миновал остаток поезда на предельной скорости, избегая любого контакта с пассажирами — зрелище было слишком противоестественным и жутким.

Наконец, перед ним выросла массивная, литая из темного железа дверь. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины — только рельефное изображение часов без стрелок. За дверью слышался тяжелый, размеренный гул, похожий на биение огромного механического сердца.

Тимофей сжал кулаки.

— Эй! Открывай! — он изо всей силы ударил по железу. — Машинист! Я знаю, что ты там! Останови этот поезд!

Тимофей в исступлении ударил по тяжелой двери кулаком, потом еще раз, уже ногой. Гулкий, мертвый звук железа был ему ответом. Гул «сердца» поезда за дверью стал оглушительным, но кабина оставалась неприступной.

— Бесполезно, сынок. Не ломай сапоги, — раздался тихий, сухой голос откуда-то сзади.

Тимофей вздрогнул и обернулся. За его спиной стоял высохший от времени старик, похожий скорее на тень. Его борода, длинная и седая, казалась, вросла в дощатый пол, а глаза светились мягким, печальным светом.

— Я уже состарился, пока пытался выбить эту дверь, — старик слабо улыбнулся, обнажив беззубые десны. — Я пришел сюда таким же молодым и горячим, как ты. Я думал, что если схвачу машиниста за горло, он заставит колеса остановиться. Но за этой дверью нет машиниста,

— Откуда вам известно, как меня зовут? — спросил Тимофей, попятившись. В его тоне страх смешивался с нарастающим вызовом. — Я уверен, что не называл своего имени. Кто вы такой?

— О, это совсем не важно. Важно другое. Понимаешь, этот поезд... Это не просто транспорт. Это фильтр. Огромное сито, которое просеивает людей. Тех, кто навсегда останется с грузом прошлого в этом году и тех, кто достоин выйти на своей остановке. — Старик медленно поднял руку и указал пальцем в сторону груди Тимофея.

— Гнев в твоём сердце обладает колоссальной массой. Он создаёт гравитацию. И пока ты держишь в себе обиду или ярость на своих врагов, эта гравитация удерживает состав на кольцевых путях. Поезд просто не может вырваться из круга, потому что ты тянешь его назад, к своим старым счётам.

Тимофей замер. Слова старика падали в его сознание, как тяжёлые камни в глубокий колодезь.

— И что мне делать? — хрипло спросил он.
— Остаётся только вечно ехать здесь с вами?

— Ты сможешь беспрепятственно выйти на своей остановке, но для этого тебе нужно найти своего главного Врага в этом поезде, — ответил старик, пристально глядя Тимофеем в глаза. — Он здесь, среди нас. Может, в соседнем вагоне, а может, прямо перед тобой. Тебе нужно найти его и искренне, по-настоящему помириться с ним. Отпустить ту нить, которая связывает вас ненавистью. Только тогда гравитация исчезнет. Только тогда поезд замедлит ход.

Тимофей почувствовал, как холодный пот прошёл по его спине. Слова старика о гравитации гнева казались безумными, но всё в этом поезде было безумием, подчиняющимся своей пугающей логике.

— Нас не пустят в Новый год, сынок, — старик тяжело вздохнул, — Для нас 2026-й никогда не настанет. Мы будем вечно качаться на этих стыках, в этом вечном «вчера», пока не отыщем своего главного врага. Поезд просто не даст нам

сойти на перрон, где время движется вперед. Для него мы — лишний груз, балласт из старых обид.

Тимофей внимательно посмотрел на измощенное лицо старика. Глубокие морщины на его лбу казались трещинами в сухой земле.

— А вы? — спросил Тимофей, и его голос дрогнул. — Вы отыскиали своего врага?

Старик медленно поднял веки. В его глазах отразилось что-то такое, от чего Тимофею захотелось отступить на шаг.

— Да, — коротко ответил он.

— Так почему тогда вы всё еще здесь? Если вы его нашли, то почему не вышли на своей станции?

Старик криво усмехнулся. В этой усмешке не было радости — только бездонная, выжженная горечь.

— Потому что я его не простил, — отрезал он. Голос его вдруг окреп и стал жестким, как стальной трос. — Он всю жизнь мне испортил. Понимаешь? Всю. Жизнь. Он отнял у меня всё, что я любил, превратил мои мечты в пепел и заставил меня сомневаться в каждом моем шаге.

Старик отвел взгляд, и ярость в его глазах сменилась бесконечной усталостью человека, который слишком долго нес тяжелую ношу. Он посмотрел на Тимофея так, будто видел в нем самого себя много лет назад.

— Иди, Тимофей. Ищи ответы. Но запомни одну вещь: найти врага — задача нехитрая. Настоящее испытание начнется, когда тебе придется разжать кулак, в котором ты годами сжимал свое право на злость.

Тимофей развернулся и пошел прочь от железной двери. Теперь он знал, что его путь лежит не вперед, к мифическому машинисту, а назад — вглубь состава, где среди сотен лиц прячется тот, чье присутствие в жизни мужчины превратило его сердце в тяжелый якорь.

Тимофей шел обратно через вагоны, и теперь всё вокруг казалось ему иным. Теперь он не просто пробирался сквозь толпу — он всматривался в каждое лицо.

Он искал.

Вот промелькнул профиль, напомнивший ему строгого учителя физики, который когда-то влепил ему несправедливую двойку. А вот мужчина, удивительно похожий на соседа, который постоянно делает ему замечания про шум после десяти. Неужели кто-то из них — его Главный Враг?

Пассажиры казались тенями. Кто-то спал, кто-то тупо смотрел в темное окно, где в бесконечной метели не было ни огонька. 2026 год казался недостижимым материком, а они — потерпевшими крушение в океане времени.

Наконец он дошел до своего вагона. Девушка сидела на том же месте, сжавшись в комок и глядя в одну точку. Тимофей остановился напротив.

— Слушай, — начал он, переводя дух. — Я так и не спросил, как тебя зовут. Я вот, например, Тимофей. А как мне тебя звать?

Попутчица ничего не ответила, многозначительно наградив его безмолвием. Молчания затянулось, заставляя Тимофея продолжить, нарушая тишину.

— Да, я понимаю, — горько усмехнулся Тимофей. — Ты бы предпочла, чтобы я вообще тебя никак не звал. Чтобы меня здесь не было. Но мне нужно как-то к тебе обращаться... Давай я буду звать тебя, допустим, Аней.

Девушка медленно повернула голову. В её взгляде не было ни капли симпатии — только холодное пренебрежение.

— Я Вика, — бросила она, и это имя прозвучало как короткий щелчок затвора.

— Ладно, Вик, слушай, — Тимофей сел на край скамьи напротив неё. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Знаешь, хорошо всё-таки, что ты сидишь, иначе тебе пришлось бы сесть, чтобы не упасть...

Вика нахмурилась, в её взгляде ощущалось легкое волнение...

— В общем... — Тимофей понизил голос до шепота. — Сейчас в этом поезде, где-то в соседних вагонах, едет твоя сестра. Или мама. Или обе сразу. Честно говоря, я не знаю точно кто именно, но то, что твоя семья здесь — это факт.

Вика оцепенела. Её и без того бледная кожа приобрела мертвенный, почти фарфоровый оттенок. Тщательно выстроенная стена холода рухнула в одно мгновение, обнажив лишь полное замешательство и внезапный, пронзительный страх.

— Ты не понимаешь, что несешь, — выпалила взволнованная девушка — Это невозможно. Моя мать... она сейчас в Москве. Она накрывает стол. Она звонит гостям. Она не может быть здесь.

— В этом поезде нет ничего невозможного, — произнес с нажимом Тимофей, чувствуя, как внутри него самого растет странная уверенность. — Я встретил старика в первом вагоне. Он сказал, что поезд собирает «груз». Если ты здесь — значит, в твоём сердце есть огромный кусок обиды. И этот кусок притягивает того, на кого он направлен. Понимаешь? Это как гравитация.

Вика вдруг вскочила. Её лицо исказилось.

— Какая гравитация?! Какая обида?! — она почти перешла на крик. — Я просто хотела уехать! Просто хотела, чтобы меня оставили в покое! Если они здесь, то это... это просто издевательство. Это значит, что я даже на край света не могу сбежать от них! Моя сестра всегда была идеальной. А мама вечно хотела меня переkreпить, чтобы сделать похожей на неё. Она всегда знала, как мне лучше. С кем мне дружить, что носить, куда поступать. В этот Новый год я должна была сидеть с ними и улыбаться, делая вид, что я счастлива быть их маленьким никчёмным проектом.

Но я купила билет на первый попавшийся поезд. Я думала, что если я встречу 2026-й одна, то наконец стану собой.

Она посмотрела на дверь, ведущую в следующий вагон.

— И ты говоришь, они где-то там? Ждут меня, чтобы снова сказать, как я ошиблась, выбрав этот поезд?

— Я не знаю, что они скажут, — Тимофей поднялся и протянул ей руку, хотя не был уверен, что она её примет. — Но старик сказал: поезд не остановится в Новом году, пока мы не закроем счета. Мы застряли в этом «вчера», Вик. И если мы не пойдем туда сейчас, мы будем ехать вечно.

— Нет. Я никуда не пойду, — процедила она.

— Вика, ты не понимаешь! — Тимофей почти взмолился, — Послушай меня. Этот старик... он ясно дал понять, что поезд — это не просто транспорт. Это ловушка для тех, кто застрял в своей боли. Ты — наш ключ! У тебя всё на поверхности. Ты знаешь, на кого обижена, ты знаешь, от кого бежишь. Твоя мать и сестра — вот они, за этой дверью! Если мы пойдем туда, если вы... я не знаю... хотя бы просто поговорите, может быть, этот вагон починится? Может, метель за окном утихнет, и мы наконец приедем в свой 2026-й?

Он замолчал, тяжело дыша.

— А я? — тише добавил он. — Я даже не

знаю, кого мне искать. У меня в голове пустота, я не помню своего «главного врага». Моя обида кажется призрачным туманом, а твоя — осязаема. Ты — единственный человек, способный все исправить.

Вика посмотрела на него с такой неприкрытой неприязнью, что Тимофею стало не по себе. Она скрестила руки на груди, словно закрываясь от всего мира. Понимаешь? Ты можешь всё исправить для нас обоих.

— «Для нас обоих»? — повторила она с издевкой. — Ты решил использовать меня как отмычку для реальности? Решил, что я должна разыграть перед тобой семейную драму, чтобы ты смог выйти на своей станции?

— Я просто хочу выбраться отсюда...

— А я хочу, чтобы меня оставили в покое! — выкрикнула она. — Я не просила тебя меня спасать. И я видеть не хочу ни мать, ни сестру. Если они здесь — пусть едут в этом поезде хоть до конца времен. Это их выбор — преследовать меня даже в этом кошмарном поезде. А ты...

Она ткнула пальцем ему в грудь.

— Ты иди и ищи своего врага сам. Разберись в своей пустой голове. Может, твой враг — тот, кого ты так старательно вычеркнул из памяти, что теперь даже имя не можешь вспомнить? Иди, Тимофей. А я останусь здесь. Одна. В тишине.

Он посмотрел на Вику, потом на закрытую

дверь тамбура. Теперь он был один. Ему предстояло идти дальше по этому бесконечному составу, заглядывая в лица чужих людей, в надежде узнать в ком-то ту самую тень, которая не пускает его в будущее.

Тимофей почти пересек очередной вагон. Он шел быстро, не находя отгадки в случайных попутчиках. Его рука уже легла на холодную металлическую ручку тяжелой двери, ведущей в следующий тамбур, и он готов был потянуть её на себя, как вдруг замер.

Он увидел Лену. Некогда его Лену. Тимофей застыл, глядя на то, как изменились её черты. Теперь на ней был строгий деловой костюм, идеально сидящий по фигуре, а на столике лежали не привычные ему огрызки карандашей и разбросанные ластик, а дорогие инструменты. Она сосредоточенно что-то чертила, не замечая ничего вокруг. В её движениях сквозила уверенность, которой раньше не было — та холодная, отточенная уверенность профессионала, знающего себе цену.

Глядя на этот идеальный профиль, Тимофей провалился в прошлое.

Он вспомнил тот вечер пять лет назад. Лена пришла домой, буквально влетела в их маленькую прихожую, сияя так, что, казалось, в квартире стало светлее. Она не успела даже бросить сумку, как выпалила: её проект победил в международном конкурсе. Её приглашали на стажировку в самое крупное архитектурное бюро в Питере —

то самое, о котором она говорила шепотом, как о чем-то недостижимом.

— Это мой шанс, Тим! Поедем вместе, ты же тоже хотел сменить работу! — говорила она.

— Питер? — холодно ответил он тогда. — И вообще, ты - архитектор? Ну не смеши. Оставайся здесь, я договорюсь, тебя возьмут в отдел продаж к моему знакомому. Там хоть стабильность.

Он тогда убеждал, что «спасает» её от разочарования. На самом деле он просто боялся. Боялся, что она станет успешнее него. Что её мир станет шире, чем их общая съемная квартира на окраине города. Он методично внушал ей, что её мечты — это глупость, пока она не ушла. Он злился на неё годы, называя предательницей, которая бросила «стабильную жизнь» ради призрачных амбиций.

Глядя на неё сейчас — на настоящую, реализованную Елену, — Тимофей почувствовал, как его многолетняя «правота» рассыпается в пыль. Его обида была лишь щитом, прикрывающим его собственный эгоизм.

— Ты не предавала меня, — прошептал он, с трудом проталкивая слова сквозь спазм, сдавивший горло. — Ты просто спасала себя от меня. Прости, что я пытался сделать тебя маленькой, чтобы самому казаться больше.

В этот момент Лена на секунду замерла, словно почувствовала легкое дуновение ветра, и на её лице промелькнула тень блуждающей улыбки.

Он резко отвел взгляд и посмотрел на наручные часы. Секундная стрелка, которая до этого лишь конвульсивно дергалась, сделала один четкий, громкий «тик» вперед и... снова продолжила идти назад. Поезд не остановился. Стук колес стал чуть глуше, но движение продолжалось,

— Значит, это был только первый эпизод, — Тимофей тяжело выдохнул. — Что же там дальше?

Он поспешно открыл следующую дверь. Этот вагон уже пах старой кожей, табаком и чем-то неуловимо родным — так пахло отцовское пальто в те редкие вечера, когда он возвращался домой вовремя. Тимофей замер на пороге.

В первом купе сидел мужчина, который был ему очень хорошо знаком. Он заметно постарел, в волосах прибавилось седины, но это был он. Его отец. На коленях у него ерзал маленький мальчик лет пяти, увлеченно рассматривающий картинку в книжке. Отец улыбался ребенку и в этой улыбке было столько нежности, сколько Тимофей не помнил за все свое детство.

Сердце Тимофея пропустило удар. Он вошел и присел на противоположное сидение. Встретившись со мной взглядом, отец приветливо улыбнулся, но Тимофей понял: мужчина не узнал в нем родную душу, для него он был лишь очередным случайным лицом, к которому приличия обязывали проявить мягкую вежливость

— Сын ваш? Смышлёный парень, — негромко сказал Тимофей, кивнув на ребенка. Голос его

дрогнул, но он сдержался.

— Да, младший, — отец погладил мальчика по голове. — Дочка еще есть, старшая, но она уже совсем взрослая, в другом городе живет.

— Большая семья — это хорошо, — тихо произнес Тимофей, чувствуя, как каждое слово тяжелым камнем ложится на сердце.

— Да... — мужчина тяжело вздохнул. Он замолчал на мгновение, глядя в окно на мелькающие деревья, и его лицо вдруг подернулось облаком старой вины. — А ещё сын у меня есть, старший... Тимофей. Только он злится на меня, наверное. Сильно злится. За то, что бросил их с мамкой тогда.

Он набрал в грудь воздуха, словно это признание было физически болезненным.

— А вы хоть пишите ему, звоните иногда?

— С тех пор не объявляюсь. Столько лет прошло... Стыдно мне, парень. До смерти стыдно за то, что тогда ушел. Думаю, он и слышать обо мне не захочет. Имеет полное право ненавидеть.

— А вы за сына своего не решайте, — негромко, но твердо произнес Тимофей, по-прежнему не поднимая глаз. — Вы ему хоть открытку направьте. С Новым годом поздравьте, весточку дайте. Праздник ведь... может, он именно под Новый год и найдет в себе силы простить.

Отец горько усмехнулся и покачал головой, глядя куда-то сквозь стенку вагона.

— Да что там открытка... — выдохнул он. — Я бы сам себя за такое никогда не простил, если бы на его месте был. А ему уж куда прощать... Столько лет тишины, и тут — «здравствуй». Нет, парень, поздно уже.

— А вы всё-таки попробуйте, — настаивал Тимофей, чувствуя, как внутри всё натягивается, словно струна. — Просто отправьте весточку. Это ведь немного — просто дать знать, что вы помните.

Тимофей почувствовал, что воздух в купе стал слишком густым от концентрации невысказанных слов. Ему нужно было срочно уйти, чтобы не выдать себя.

— Кстати... А вагон-ресторан где, не знаете? — спросил он, резко меняя тему и поднимаясь с места.

Отец моргнул, возвращаясь из своих мыслей к реальности, и указал в сторону двери.

— В середине состава он. Идите прямо, это между восьмым и девятым вагонами, не ошибётесь.

В этот момент что-то огромное, тяжелое и ледяное, что он носил в груди долгие годы — ту самую жгучую, отравляющую обиду на человека, который когда-то предал их с мамой — вдруг рассыпалось в мелкую пыль. Он просто простил его. Без долгих раздумий. Глядя на этого растерянного мужчину, Тимофей вдруг понял, что прощение — это не подарок другому, а милосердие к

самому себе. Он больше не хотел быть заложником того далекого предательства. Вся горечь, копившаяся годами, испарилась, оставив после себя лишь звенящую, чистую тишину.

Он отпустил эту обиду. Он взглянул на циферблат. На циферблате стрелка совершила короткое движение вперед, отбила один «тик» в верном ритме, но тут же безнадежно продолжила свой бег в обратную сторону.

Тимофей встал с места, на прощание с натяжкой улыбнувшись человеку, который был его отцом и одновременно абсолютным незнакомцем, и направился прочь, вглубь состава, ведь главного врага ему еще предстояло найти. Тимофей шел долго, переходя из вагона в вагон, но ничто не цепляло взгляд, ни одна живая душа больше не отозвалась в его сердце. Он искал конец, предел этого пути.

В вагоне-ресторане, том самом, что находился между восьмым и девятым, он задержался лишь на пару минут. На столах в вазах лежали ярко-оранжевые, идеальной формы мандарины.

Тимофей подошел и наклонился к ним, ожидая почувствовать резкий, новогодний аромат детства. Но мандарины не пахли, а на вкус их и вовсе пробовать не хотелось — он заранее знал, что эти цитрусовые плоды окажутся совершенно безвкусными, раз уж не пахнут как настоящие.

Тимофей двинулся дальше, пока не уперся в последнюю дверь. Это был самый конец состава. Тяжелая металлическая дверь тамбура была наглу-

хо заперта, и сколько он ни дергал за массивную ручку, та не поддавалась. Никаких больше встреч. Никаких знаков или тайных смыслов. Этот вагон, этот странный поезд-призрак исчерпал себя до самого дна.

Еще несколько секунд он смотрел на безжизненную стальную поверхность запертой двери. В голове пульсировала одна единственная мысль: «Бессмыслица». Всё это — и болезненное прощание отца, и уже не его Ленка — казалось теперь нелепым аттракционом, затянувшимся спектаклем без финала.

Его вывернули наизнанку, заставили прожить заново самые темные моменты своей жизни, а поезд не собирался выпускать его.

Злость, чистая и горячая, внезапно вытеснила тоску.

Тимофей резко развернулся и рванул назад. Этот бег не был похож на прогулку по воспоминаниям. Теперь он буквально продирался сквозь нити своей жизни, которые тянулись за ним из каждого купе. Стены вагонов то сужались, то расширялись, звуки сливались в нестройный гул.

Ему казалось, что он бежит не по поезду, а по самому себе, разрывая кокон из старых обид и несбывшихся надежд. Легкие горели, сердце колотилось о ребра, требуя остановки, но Тимофей лишь прибавлял ходу.

Ему нужен был ответ. Почему, несмотря на всё пройденное, поезд продолжает свой бесконеч-

ный, ритмичный бег? Почему колеса всё еще стучат, унося его прочь от реальности?

Наконец, впереди показалась та самая знакомая дверь первого вагона. Последняя преграда. Тимофей навалился на нее всем телом, вырываясь из лабиринта прошлого в поисках того, кто знает ответы.

Он ворвался в первый вагон, где всё так же сидел седовласый старец, с которого и началось его странно-бессмысленное путешествие

— Почему? — выдохнул Тимофей, едва переводя дыхание. — Почему ничего не сработало?!

Старик медленно мешал сахар, и ритмичный звон ложечки о стекло казался гипнотическим, словно отсчитывая секунды времени, текущего вспять, а затем медленно поднял глаза. В них не было ни удивления, ни сочувствия — только холодная, бесконечная усталость.

— О чем ты, сынок? — тихо спросил он.

— Я сделал это! — выкрикнул он, нависая над столом. — Я нашел её, свою бывшую, и не стал ничего доказывать, извинился даже. Я нашел отца... я посмотрел ему в глаза и не выплеснул ту яд и желчь, что копил годами. Я отпустил все обиды!

Старик продолжал меланхолично помешивать чай, даже не вздрогнув.

— Отпустил, значит... — многозначительно протянул он. — Похвально...

— Так почему ничего не поменялось?! Почему я всё ещё в этом кошмарном поезде? Почему за окном всё та же чернота? Где мой выход? Я прошёл этот вагон вдоль и поперек, я заглянул в каждое купе, я переговаривал со всеми, кто мог иметь ко мне отношение. Здесь больше никого нет!

Старик наконец поднял на него взгляд. В его глазах блеснула странная, почти издевательская искра.

— Ошибаешься, — выдал он в ответ. — Ты просто ещё не встретил своего самого злейшего врага.

Тимофей оскалился в нервной усмешке.

— И где же он прячется? В вентиляции? Или, может, за обшивкой? Я же говорю вам — я проверил всё!

Старик на мгновение замолчал, а потом почти шепотом выдал:

— В туалете смотрел?

Тимофей замер. Нелепость вопроса на секунду выбила его из колеи.

— В туалете? Вы серьёзно? Это что, шутка какая-то? Что там может быть, кроме ржавой раковины и запаха дешевого мыла?

— А ты сходи. Сходи на разведку, — старик снова вернулся к своему чаю. — Проверь на всякий случай.

Тимофей, раздраженно фыркнув, развернулся и зашагал по качающемуся проходу. Он был уверен, что это просто старческий маразм, но, поняв, что терять ему уже нечего, вскоре нашел заветную дверь с надписью «WC» и уныло толкнул её. Та со скрипом поддалась. Внутри было тесно и душно. Тусклая лампочка раздражающе мигала, заливая крохотное помещение рябящим светом. Тимофей огляделся: заляпанный пол, железный унитаз, кран, с которого тяжело капала вода.

— Ну и? — прошептал он. — И что здесь...

Он поднял голову и уперся взглядом в небольшое, покрытое трещинами и мутными разводами зеркало над раковиной.

В ту же секунду Тимофей словно оцепенел. Стук колес в этот момент отошел на задний план.

Он ожидал увидеть своё измученное лицо, щетину и круги под глазами. Но из мутного стекла на него смотрел маленький мальчик лет десяти. Тонкая шея, испуганные глаза и белая рубашка, которая была явно велика ему в плечах. В руках мальчик сжимал серебристую флейту.

В ту же секунду стены тесного туалета раздвинулись, и на Тимофея обрушился запах кулис — пыли, лака и старого дерева. Это было его самое тяжелое воспоминание. То, которое он запер в самый дальний угол души, но которое всегда было рядом, незримым грузом в его чемодане.

Он вспомнил те месяцы изнурительной подготовки перед конкурсом. Он засыпал, едва кос-

нувшись подушки, а во сне каждую ночь он видел свой триумф: последняя завершающая нота затихает в воздухе, и зал взрывается восторгом, а он стоит в свете софитов, наконец-то по-настоящему значимый.

Но реальность раздавила его.

Тимофей снова почувствовал то оцепенение, как тогда, когда он вышел на сцену. Сотни глаз впились в него, ожидая чуда. Он же, стоя перед людьми, оказался скован ледяным волнением, не в силах извлечь ни единого звука.

Оглушительная, невыносимая тишина длилась, казалось, целую вечность. А потом тишину разрезал чей-то резкий, короткий смешок в глубине зала. словно по цепной реакции, смешок подхватили на задних рядах, и через секунду на маленького Тимофея обрушилась лавина хохота. Это был звук крушения всех его надежд.

Именно тогда его чемодан стал тяжелее на целую тонну. Внутри него появился гигантский, холодный валун, впитавший в себя весь жгучий стыд того вечера.

После того позора он больше никогда не при­трагивался к флейте. Он бросил музыку, стер мечту, но так и не смог простить себе ту минутную слабость. Все последующие годы он винил себя за то, что сдался, за то, что оказался «недостаточно сильным».

Взрослый Тимофей протянул руку к зеркалу, коснувшись пальцами холодного стекла там, где

было лицо маленького мальчика.

— Это всё из-за тебя. Из-за тебя я всё еще здесь, — прошептал он, глядя прямо в глаза своему отражению. — Я простил всех... Но я никогда не прощал тебя за тот вечер.

Мальчик в зеркале не вздрогнул и не отвел взгляда. Он просто стоял, а по его бледной щеке медленно покатила одинокая слеза. Ребенок не пытался её вытереть, он всё так же судорожно, до белых костяшек, сжимал свою флейту.

В ту же секунду Тимофей почувствовал, как в его собственных ладонях отозвалась холодная, фантомная тяжесть металла. Эта связь была настолько острой, что у него перехватило дыхание.

Глядя на это незащищенное отражение, Тимофей внезапно ощутил резкий укол совести. Гнев, который он копил годами, вдруг показался ему мелочным и несправедливым. Ему стало неловко от того, что он обрушил свои обвинения на этого маленького, напуганного человечка.

«Это всё из-за тебя» — эти слова эхом отозвались в его голове, и он понял, какую боль они причинили.

Мальчик и так десятилетиями живёт, запертый в моменте своего самого сильного страха, бесконечно коря себя. Добавлять к этому грузу еще и взрослую ярость было жестоко. Тимофей почувствовал непреодолимое желание утешить его.

Тимофей прижал ладонь к холодному стеклу,

и мальчик по ту сторону зеркала сделал то же самое. Их пальцы разделяла лишь тонкая грань амальгамы, но в этот миг она казалась проницаемой.

— Послушай меня, — голос Тимофея больше не дрожал, он стал тихим и удивительно нежным, каким никогда не был раньше. — Ты не виноват. Ни в чем. Слышишь?

Мальчик в белой рубашке всхлипнул, и его маленькие плечи опустились.

— Ты просто очень хотел, чтобы им понравилось, как ты играешь, — продолжал Тимофей, и по его собственной щеке скатилась горячая слеза. — Ты не виноват в том, что тебе стало страшно.

Тимофей замолчал на секунду, глядя в эти испуганные глаза, которые он так долго старался забыть.

— И ты прости меня. Прости меня, за то, что я винил тебя все эти годы. За то, что носил тебя в себе как позорное клеймо. Я называл тебя слабым, я презирал тебя за тот провал, но я был неправ. Ты был настоящим героем уже потому, что вышел туда.

Мальчик чуть заметно улыбнулся сквозь слезы, и серебристая флейта в его руках слабо блеснула.

— Знаешь... — Тимофей тепло усмехнулся. — А мне ведь правда очень нравилось, как ты играешь. Я помню те вечера, когда ты репетировал один, и как чисто звучали ноты, когда никто

не смотрел. Для меня ты всегда был лучшим. Ты большой молодец.

— А то, что ты больше не захотел перед ними выступать — это не трагедия, малыш. Это не проигрыш. Это просто твой выбор. Всё в порядке. У нас всё в порядке.

Мальчик в зеркале кивнул. Его образ начал медленно мерцать, становясь прозрачным. Он больше не выглядел брошенным или испуганным. Он выглядел свободным. В последний момент, прежде чем окончательно раствориться в свете, он поднес флейту к губам и извлек одну-единственную ноту — чистую, высокую и бесконечно радостную.

Тимофей убрал руку от зеркала и в очередной раз взглянул на запястье, скорее уже по выработавшейся привычке, не ожидая увидеть изменений в привычном ходе времени. Секундная стрелка его часов, которая до этого лишь бессильно дергалась на месте, будто застряв в невидимой преграде, вдруг сделала уверенный скачок.

Тик-Так. Тик-Так.

Внутри него наконец крепло осознание: эта бесконечная ночь действительно подходит к концу. Завтра — настоящее, живое завтра — наконец-то наступит и для него. Тимофей не мог поверить своим глазам: время наладилось. Оно больше не было петлёй, оно снова стало дорогой. Поезд плавно замедлял ход.

И почему-то сейчас больше всего на свете ему

захотелось обнять свою печальную попутчицу и разделить эту радость с ней. Он спешно побежал обратно в свой вагон.

В тамбуре он чуть не столкнулся с Проводником. Тот стоял у окна, за которым тьма начала рассеиваться, уступая место первым лучам настоящего, тёплого солнца. Проводник посмотрел на Тимофея, и на его лице застыла едва заметная, загадочная улыбка.

— Куда же вы так спешите, уважаемый? — мягко остановил он его. — Время теперь на вашей стороне. Больше не нужно бежать от самого себя.

— Мне нужно найти её... я должен рассказать, Вике, что я всё понял! — Тимофей тяжело дышал, но его глаза сияли.

— Сейчас это не важно. Важно другое — Проводник указал на выход. — Вам пора. Готовьтесь, Тимофей. Скоро ваша остановка.

Тимофей ворвался в вагон, в котором все так же на последнем месте с краю у окна сидела Вика.

— Вика! Посмотри! — он вытянул руку, демонстрируя циферблат. Секундная стрелка ритмично отсчитывала мгновения: раз, два, три... — Я разгадал её! Загадку времени! Я простил его, Вика! Я простил того мальчика в зеркале! Я простил себя!

Она медленно повернула к нему голову. В её глазах, обычно глубоких и непроницаемых, на миг отразилось что-то похожее на облегчение и глубокую, вековую грусть.

— Поздравляю тебя, Тимофей, — тихо сказала она. — Ты сделал то, что удастся немногим. Ты вернул себе право на «завтра».

В этот момент вагон вздрогнул. Протяжно раздался скрежет тормозов и состав, тяжело вздохнув, замер. Двери в тамбуре с грохотом разъехались. В проеме возникла высокая фигура Проводника.

— Станция «Первое января», — провозгласил он, глядя прямо на Тимофея. — Гражданин Тимофей, просим на выход. Время стоянки ограничено.

— Пойдем! — Тимофей, не помня себя от радости, схватил Вику за тонкое запястье и потянул на себя. — Пойдем со мной! Мы выберемся отсюда вместе!

Но вместо того чтобы вскочить, она резко дернулась назад. Её лицо исказилось от раздражения.

— Да отпусти ты меня! — выкрикнула Вика, пытаясь вырвать руку. — Куда ты меня тащишь?

— В завтрашний день, в новый год! Он наконец-то наступит для нас!

Вика уперлась ногами в пол, и Тимофею пришлось приложить немало усилий, чтобы буквально волочить её по полу вагона. — Мне и здесь хорошо! Понял? Чего ты ко мне прицепился со своим «завтрашним днем»? Иди сам, если тебе так приспичило!

Тимофей не слушал. Он был уверен, что она просто боится, что её нужно спасти, поэтому сил-

ком протащил упрямыцу до выхода. Он готов был уже выскочить из тамбура на бетонную платформу, почувствовать под ногами твердую почву. из последних сил дернул Вику за собой, надеясь рывком вытащить её из вагона. Но вместо того, чтобы поддаться, Вика словно выросла в пол вагона, а Тимофея обдало яростным давлением изнутри, будто сам поезд решил избавиться от него.

Пространство между ними превратилось в неосязаемый барьер. Эта стена удерживала Вику внутри, а его самого отринула с пугающей силой. Тимофей вылетел из вагона, словно его вытолкнул мощный поток воздуха. Падение было коротким и жестким.

Секунда — и он уже распластан на холодных плитах, а пальцы, еще хранившие тепло её руки, беспомощно скребут по шероховатому бетону.

Вика посмотрела на него через этот невидимый барьер. Раздражение в её глазах сменилось ледяным безразличием. Она даже не пыталась переступить порог.

— Я же сказала: мне здесь хорошо, — сухо повторила она. — Это твой перрон, Тимофей. А это — мой поезд.

«Осторожно, двери закрываются! Поезд отправляется в Вечность!» — прогремел над платформой механический, лишенный эмоций голос машиниста.

Поезд словно пробудился от спячки, содрогнувшись всем корпусом. Состав качнулся и

начал медленно, но неотвратно отдаляться от перрона.

Тимофей бежал вдоль уходящего вагона, спотыкаясь и задыхаясь. Вика смотрела на него из поезда, уже погружаясь в то сонное оцепенение, которое владело всеми пассажирами этого поезда.

— Вика! — закричал он, надрывая связки. — Вика, послушай меня!

Она едва заметно повела глазами, фокусируясь на его фигуре.

— Тебе не нужно признание сестры! — Тимофей бежал уже на пределе сил, платформа заканчивалась. — Слышишь? Тебе не нужно, чтобы она признала, что сделала это! Ты и так не виновата!

Стук колес становился всё чаще, заглушая звуки мира. Тук-Тук, Тук-Тук.

— Ты не разбивала эту вазу! — его голос сорвался на хрип, но он продолжал кричать в уходящую темноту. — Это была не ты! Прости себя за это, Вика! Слышишь? Отпусти эту боль! Перестань себя казнить!

На мгновение ему показалось, что её губы дрогнули, а в глазах блеснула живая искра — или, быть может, первая за много лет настоящая слеза. Но расстояние между ними росло слишком быстро. Туман, вечно висевший над путями, начал густеть, поглощая хвостовой вагон.

Тимофей остановился на самом краю плат-

формы, там, где бетон обрывался в пустоту. Дыхание со свистом вырывалось из груди. Он смотрел вслед уходящим огням, пока они не превратились в крошечные точки и не исчезли совсем.

Совсем некстати он вспомнил, что забыл свой багаж в ушедшем поезде. Но, может, оно и к лучшему. Шерстяные носки, как и пара рубашек — он купит их еще, а всё остальное пусть останется в уходящем году.

Тимофей медленно поднял руку и посмотрел на часы. Секундная стрелка больше не дергалась в конвульсиях, пытаясь вернуться назад. Она уверенно и четко шла вперед, отсчитывая секунды его новой, настоящей жизни.

Раз. Два. Три...

Тимофей закрыл глаза и глубоко вдохнул холодный воздух. Тяжесть, которую он носил в себе годами, начала таять. Он не знал, услышала ли она его до конца, но он знал одно: он сделал всё, что мог.

Первый день января прошёл как в тумане — день абсолютной тишины, когда город замер, переваривая праздничную ночь и свои старые воспоминания. Тимофей проспал почти сутки, а когда проснулся, обнаружил, что тяжесть в груди, ставшая за годы привычной, полностью исчезла.

Он долго смотрел в окно на пустые улицы, привыкая к мысли, что больше не нужно тащить

за собой невидимый груз. Весь вечер он прислушивался к этой новой тишине в груди, которая была созвучна безмолвию за окном. Он был один на один с этим обновлённым миром, пока тот ещё не успел набрать обороты. С этим чувством свободы он снова забылся крепким сном, а когда открыл глаза, декорации праздничного застоя уже сменились будничной суетой

Второго января мир наконец проснулся. С самого утра за окном послышался гул машин, а на дверях магазинов перевернулись таблички на «Открыто». Тимофей вышел на улицу. Воздух был морозным, но удивительно чистым. Ему хотелось чего-то простого, яркого и настоящего. Вкуса, который не был бы приправлен горечью прошлого. Ему захотелось мандаринов.

В магазине былолюдно. Люди с корзинками сновали между рядами, возвращаясь к привычному ритму жизни. Тимофей подошел к большим ящикам с цитрусовыми. Оранжевые плоды светились под лампами, и их резкий, бодрящий аромат озорно проникал в ноздри.

Он потянулся за крупным мандарином с подсохшим зеленым листком, и в этот же миг чьи-то пальцы коснулись того же плода.

Тимофей поднял голову. Сердце на мгновение пропустило удар, а потом забилось ровно и сильно.

Перед ним стояла она. Но это была не та призрачная Вика из застрявшего во времени поезда. На ней было уютное светлое пальто и пушистый

шарф, в который она прятала подбородок. Щеки покраснелись от зимнего холода, а в глазах — живых, ясных, без того смертельного серого тумана — читалось искреннее недоумение.

Она не отвела взгляд. Напротив, она смотрела на него так, словно пыталась поймать за хвост очень важный, но почти забытый сон.

— Простите... — начала она, чуть нахмурившись и наклонив голову вбок. — У меня такое странное чувство... Мы с вами раньше не встречались?

Тимофей чуть крепче сжал мандарин, чувствуя его прохладную, шероховатую кожуру. Он смотрел на Анну, и в его голове на миг промелькнул образ бесконечного перрона и уходящих огней, но теперь это казалось лишь декорацией к старому, забытому фильму.

— Может быть, — тихо ответил он, не отводя взгляда. — Может быть, мы были знакомы в прошлом году. Или когда-то еще, в какой-то другой жизни, которая закончилась всего пару дней назад.

Анна чуть прищурилась, словно пытаясь поймать ускользающий образ.

— В прошлом году... — эхом повторила она. — Знаете, прошлый год кажется мне каким-то бесконечно долгим. Будто он длился не триста пятьдесят шесть дней, а целую вечность.

Но сегодня я проснулась и впервые за долгое

время почувствовала себя... дома. Будто всё, что было раньше, было просто затянувшимся сном. Странно говорить такое незнакомому человеку у прилавка с фруктами, правда?

Тимофей улыбнулся. Он понял, что она тоже освободилась. Прошлое осталось в прошлом, запертое в вагонах поезда, ушедшего в никуда.

— Ничуть не странно, — ответил Тимофей — Но даже если в этом и есть капелька чего-то необычного, то я — последний человек, который станет вас судить. Меня и самого частенько величают чудачком.

Девушка смущенно хмыкнула, и на её губах промелькнула кроткая, едва уловимая улыбка.

— Совсем не странно, — сказал он, аккуратно складывая выбранные мандарины в пакет. — Но даже если в этом и есть капелька чего-то странного, то меня и самого часто называют чудаковатым.

Девушка неловко усмехнулась, кротко взглянув на него.

— Кстати, совсем забыл представиться — Тимофей.

— Вика.

— Знаете, Анна, — Тимофей кивнул в сторону больших панорамных окон, за которыми медленно и лениво кружился январский снег. — Тут за углом есть одна крошечная кофейня. Она сегодня открылась вопреки всем законам праздничного затишья. Там варят отличный двойной эс-

прессо. Пойдемте?

Вика на мгновение замерла, переводя взгляд с него на гору оранжевых плодов, которые они только что так увлеченно выбирали.

— А как же мандарины? — спросила она, и в её голосе послышалось искреннее недоумение. — Мы же их так старательно искали. Неужели бросим их здесь, в этом ящике?

Тимофей усмехнулся и начал быстро складывать выбранные фрукты в шуршащий целлофановый пакет.

— Зачем же бросать? Мы и их возьмем. Прямо так, с собой. Будем есть их вприкуску к кофе.

Вика забавно сморщила носик, и в этом жесте было столько естественности, что Тимофей почувствовал: мир окончательно встал на свои рельсы.

— Кофе с мандаринами? Вприкуску? — она недоверчиво качнула головой. — Тимофей, при всем уважении, это же какой-то гастрономический ужас. Кислый сок, кофейная горечь... Мои вкусовые рецепторы в шоке от одной только мысли об этом сочетании.

— Может быть, — согласился Тимофей, — С точки зрения высокой кухни это форменное преступление. Но вы только почувствуйте...

Он поднес пакет поближе к ней, и Вика невольно вдохнула резкий, бьющий в нос аромат.

— Они зато пахнут как настоящие мандарины,
— тихо добавил он. — Понимаете?

— В самом деле, как настоящие — улыбнулась
Вика.

Тершукова Елена

Оливье наоборот

Говорят, каждая девушка чувствует, когда ей должны сделать предложение. Именно поэтому Даша точно знала: нет, сегодня опять ничего не случится. Пусть это и трижды волшебная новогодняя ночь. Сколько уже их было, волшебных и романтических ночей, вечеров и прочих частей суток! Видимо, Даня так никогда и не созреет для столь ответственного шага.

Всем причитающим про часики Даша говорила, мол, глупости все это — колечко на пальце, штамп в паспорте. Главное — мы любим друг друга и нам не просто хорошо, а отлично. Она и себя в том же старалась убедить, но на всех рекламных картинках со счастливыми семьями ей почему-то чудились их лица — её и Данилы.

Чаще всего они проводили совместные выходные где-нибудь в отелях, на базах отдыха. Любимому не нравились уикенды ни у него дома, ни у Даши. Наверное, чтобы совсем не походило на семейный досуг. Но в заказанном заранее домике на базе отдыха за городом буквально за неделю до Нового года случился форс-мажор, и администрация с бесконечными извинениями и заверениями вернула деньги. Деньги — это хорошо, но как они ни пытались что-то другое найти, ничего

не вышло. Так что пришлось Дане соглашаться на празднование у Даши. Она в поддержку ему посокрушалась: ах, как жалко, а сама потихоньку радовалась. Все-таки Новый год — домашний праздник.

Поэтому вся предновогодняя неделя прошла у Даши в хлопотах. Нельзя, чтобы хоть намек на пыль, хоть малюсенькое пятнышко омрачило чудесную ночь! Или, еще хуже, выставило ее плохой хозяйкой. И каждый вечер после работы она мыла, драила, скоблила свою и без этого чистую квартирку без конца. Так что ее недавнее приобретение, Котя, то бишь Сирота Казанская, Рыжая бестия, Милое Мурлычное Солнышко готов был, кажется, выразительно покрутить лапой у виска. Во всяком случае, взглядом он выражал именно это.

Котя быстро привык к новому дому и к новой хозяйке, знать не знавшей, что помогла ему в этом серенькая подружка Мыша, тихо-мирно жившая в маленькой норке за плинтусом Дашиной кухни.

Даша совсем сбилась бы с ног, но спасибо Дане, взявшему на себя продукты. Просто сказал: «Напиши список» и притащил все в изумляющем количестве. Она серьезно подозревала, что на полках ближайшего супермаркета после Даниного визита свободно катались не только шары, но и другие круглые предметы. А ещё он привез и установил ёлку. Какое же удовольствие было её наряжать, особенно понимая, что не ты сама покупала-волочила и прилаживала, а любимый позаботился!

Вот только жаль, что макушку-звёздочку она разбила. Ладно, просто пушистый еловый кончик, обмотанный сверкающей мишурой, тоже неплохо смотрится.

Всё удалось, всё она успела. Новогоднее платье ждёт на плечиках, на голове бигуди с утра накручены. Потом всего лишь распустит волосы волной, ей такая причёска очень идёт. А лёгкий макияж сделает перед самым Даниным приходом. И всё остальное безупречно: квартира сверкает чистотой, ёлка наряжена, стол накрыт, угощение готово. Осталось только оливье майонезом заправить, и можно полчаса полежать, передохнуть.

Даша открыла холодильник и с недоумением пробежалась взглядом по полкам. Майонеза не было. Пошуровала руками – вдруг за продукты завалился? Тщетно. То ли Данька пропустил, то ли она не записала, какая разница? На «шубу» использовала остатки своего, а оливье, значит, остался без майонеза. Сметаной заправить – совсем не то.

И Даша приняла решение, которое потом обернулось судьбоносным: она быстренько сбегает в соседний магазинчик. Успеет. Даже бигуди снимать не станет, просто натянет берет, а поверх набросит капюшон. Кто там что разглядывать будет? У людей совершенно другие заботы в предновогодний вечер.

Мышь осторожно высунула носик из норки и принюхалась. Хозяйки, похоже, дома нет. А Котя

тут, на кухне.

Вышла, огляделась. Да вон он, на столе сидит. Возле салатника. Лапой оттуда что-то вытаскивает и ест, при этом недовольно фыркает и сердито дергает хвостом. Она проворно вскарабкалась по ножке стола. Котя вытащил очередной кусочек и принялся жевать. Явно мясо, но какой-то странной, слишком правильной, формы.

— Коть, а что это? — полюбопытствовала она.

— Да вот, Моя весь день какая-то сама не своя. И даже не умуркаешь, носится туда-сюда, будто ей на веревочку новый фантик привязали. От нервов даже мясо моё любимое испортила, напихала туда всякой ерунды. И на стол поставила. А потом сама же ворчать будет, что я по столам лазаю.

Котя брезгливо поморщился, облизал лапу и снова принялся выковыривать из салатника мясо.

Мышка задумчиво посмотрела внутрь и тронула лапкой маленький шарик:

— А это что такое зелёненькое? Бусы, что ли, рассыпала?

— Не, это горошек.

— Да ладно! Он же твёрдый, его грызть надо! А тут мягкий совсем.

— Варёный потому что.

Котя подцепил последний кусочек мяса с самого дна и принялся умываться:

— Ладно, помог я этой растяпе. Увидит, что я мясо сам достал и поел, так хоть порадуется. А мне ж, знаешь, это самое главное. Люблю ее. Хорошая она, хоть и рассеянная.

— Да, хорошая, — согласно кивнула Мыша. — Увидела меня как-то раз, ничего, не орала и тапкой не бросалась. Только пальцем погрозила, и всё.

Она чуть задумалась и просияла:

— Я тоже ее пораду! Знаю, как: этот горошек мягкий на нитку нанижу, сделаю бусы. На ёлке здорово смотреться будут!

Приятель почесал лапой в затылке — этому трюку он научился у Хозяйки. Она так делала всякий раз, когда не знала, как быть. Трюк помог. Кот сбегал в комнату и принес катушку ниток и иголку.

Маленьких зелёных шариков было много, но Котя и Мыша очень старались. И вскоре между нитями золотых бус протянулась ещё одна, горошковая.

Мыша так вдохновилась замечательным результатом, что решила смастерить ещё что-нибудь. Она внимательно оглядела то, что оставалось в салатнике. Понюхала.

— О, я поняла! Вот это оранжевое, это же морковка, да?

— Конечно, — кивнул кот. — Абсолютно бесполезный продукт. Не понимаю, зачем она нужна?

И ведь смотри, Моя её варила, а потом еще и резала! Время зря потратила, все равно выбрасывать.

Мыша сбегала в комнату и вернулась воодушевленная:

– Придумала! Там на верхушке какая-то блямба блестящая, а мы с тобой звезду сделаем. Из морковки. Яркая получится!

Кот одобрительно кивнул. И это хорошо, что он согласился. У него же лапки большие и сильные, Мыша ни за что одна бы не справилась.

Скоро у них получился оранжевый шарик. Сначала, правда, он рассыпался, но умный Котя догадался обмотать его несколькими полосками скотча. Объяснил, что видел, как Хозяйка так делает, когда что-то надо закрепить. И он же, держа Звезду зубами за кончик скотча, ловко приладил её на макушку елки.

А Мыша посмотрела-посмотрела, отгрызла от ветки несколько иголок и воткнула их в Звезду между полосками скотча.

– Смотри, Котя, как настоящая! С лучиками!

– И где это ты видела лучи у звезд? Глянь в окно, они все просто круглые.

– Ну и что, а наша пускай с лучиками, – просительно заглянула она в Котины глаза.

Тот пожал плечами и снисходительно кивнул.

Разошедшуюся Мышу было уже не остано-

вить. Увидев в салатнике кусочки картошки, недоуменно протянула:

— А вот с этим что делать, ума не приложу...

— Картошку! — оживился Котя. — Моя их очень любит!

— Из картошки картошку, — засмеялась Мыша, — ещё скажи «из яиц яйца». Кстати, яйца я заберу с собой. Ты их все равно не ешь, а я завтра в гости к девчонкам пойду, угощу. Нам редко такое лакомство перепадает.

— Эх ты, темнота заплинтусная! Пирожные такие есть, «картошка» называются. Моя их просто обожает. Это точно для них заготовка. Надо только в сахаре обвалять, чтобы сладко было, и все. Гадость, по-моему, но кто их, этих человек, поймет. Сидит, кусает свою картошку и аж мурлычет от удовольствия.

Мыша залезла в кухонный стол, прогрызла в пакете с сахарным песком дырочку. Вдвоём они обваляли в сахаре каждый картофельный кусочек и выложили из них на столе красивый узор. Пусть не только вкусно будет, а и глазам приятно!

В салатнике остались еще зелёные полупрозрачные кубики. Мыша понюхала. Пахло довольно резко и противно: то ли уксусом, то ли солью, то ли чем-то таким пряным, что она расчихалась.

— А это что? — сморщилась она.

— Это такая гадость, что лучше сразу выбросить в мусорное ведро, — передернулся Котя.

– Погоди в ведро. Зачем-то Твоя резала, старалась.

Котя снова почесал затылок. Результат не заставил себя ждать:

– Я понял! Смотри!

Котя побежал в комнату и поманил Мышу лапкой:

– Вот для чего! Она такие штучки делала зачем-то. Наверное, это как на ёлку украшение, только на стол. Вон они, в яблоке торчат.

Мыша забралась на стол, встала перед тарелкой с канапе:

– А правда, красиво ведь! На ёжика похоже.

– Вот. Видимо, она еще хотела сделать, из огурцов, да не успела. Ничего, сейчас поможем.

Котя снова прошел на кухню, и оттуда мяукнул:

– Жалко только, что разноцветные палочки закончились. Да ладно, вот эти возьмем.

Мыша подошла к нему. Котя доставал из коробочки деревянные зубочистки. Скоро палочки с нанизанными кубиками огурцов были готовы. Приятели решили разложить их вокруг яблока с канапе. Получилось отлично: ёжик сидит на зелёной полянке.

Кусочки яйца Мыша споро перетаскала в норку. Котя помогать отказался, заявив, что очень

устал от всей этой хозяйственной возни. И вообще, у него лапки.

Как назло, в небесной бюрократии, видимо, спохватились, что на конец отчетного года осталось слишком много нереализованных осадков. За вечер успели вырасти просто-таки невероятные для их не очень северного города сугробы. Снег в Новый год — это прекрасно, но Даша почти выбилась из сил, пробираясь через снежные кучи, горы и барханы. И, конечно же, опоздала. Она стояла перед закрытым магазинчиком. Прилепленный к двери листок радостно оповещал: «Магазин 31-го декабря работает до 20.00. Добро пожаловать в следующем году! С Новым годом, уважаемые покупатели!».

«Продавцы тоже люди, и им хочется праздника», — вздохнула девушка.

Что теперь делать? Оставить оливье без майонеза, выставив себя перед любимым плохой хозяйкой, или добежать до супермаркета?

Даша быстро соображала: салат заправить — минута. Душ, причёска, платье — еще десять. Магазин всего в двух кварталах, людей там много ходит, дорожки наверняка уже протоптали. Очередей сейчас наверняка нет. Успею.

У дверей её подъезда стоял какой-то парень. Пока Даша подходила, он то набирал номер на

домофоне, то пытался звонить по телефону. Всё понятно, хозяев дома нет. И на звонки не отвечают. А, судя по времени и по объемистой сумке возле его ног (могу поспорить, что там бутылки, улыбнулась про себя Даша) – явно явился Новый год встречать. И тут такой облом.

Парень, видимо, уже давно стоял: переминался с ноги на ногу, замёрз. Ладно, сейчас дверь открою, впущу в подъезд. Пускай там ждет. Всё-таки теплее.

Подходя к двери, достала ключи. И чуть не выронила их, когда увидела номер, который светился на экранчике домофона. Номер ее собственной квартиры!

Не нашла ничего лучше, как брякнуть:

– А там нет никого. Потому что я-то здесь!

Парень непонимающе уставился на неё.

Даша объяснила более вразумительно:

– Вы номер моей квартиры набираете. А там нет никого.

И спохватилась:

– А вы кто, вообще? Вроде я никаких доставок не заказывала.

– Как это вашей? Это квартира моего друга.

После недоумённых препирательств выяснилось: Гена (так звали парня) еще летом на отды-

хе, на море, случайно встретил своего армейского знакомого. Лето, отпуск, свобода, хорошая компания... Решили продолжать дружбу. Регулярно перезванивались. И наконец, Артём (тот самый приятель) пригласил Гену вместе встретить Новый год. Очень уговаривал, мол, хорошая компания собирается. Весело будет. Гена и решился. Шампанского, вон, на всякий случай пару бутылок прихватил. И еще кое-чего. Того, что в весёлой компании никогда лишним не бывает. Приехал, и прямо с поезда — сюда. Да и некуда больше, в этом городе у него никого знакомых нет. А дверь не открывают. И на звонки Тёмка не отвечает теперь. «Аппарат абонента выключен», — только и слышит вот уже полчаса.

— Да уж, влипли вы, Гена, — посочувствовала ему Даша. — И что теперь делать будете?

— Что... — горько усмехнулся тот. — Похоже, меня развели. Да ладно. Поеду сейчас на вокзал, переночую, а завтра обратно. Думаю, билеты будут, вряд ли первого января много желающих на поездах раскатывать.

— Новогоднюю ночь — на вокзале? — ужаснулась Даша.

Гена вздохнул:

— Другого-то выхода все равно нет.

Даше стало его ужасно жалко. Это вопиющее безобразие, если человек проведет самую волшебную, самую удивительную ночь, словно он... брошенная никому не нужная вещь, вот!

В порыве сострадания она схватила Гену за рукав:

— А пошли ко мне!

И тут же осеклась: а Даня? А как же их многообещающая ночь? Вот кто её за язык тянул? Но не идти же теперь на попятный!

Но Гена покачал головой:

— Спасибо, Даша. Вы очень добрая, да я же понимаю, что у вас свои планы.

Он помолчал, а потом смущенно улыбнулся:

— Единственно, что я попрошу... Простите, но если вы разрешите... Мне очень хочется кое-что посетить. До вокзала не дотерплю, — он снова улыбнулся и развел руками.

Даша понимающе кивнула:

— Ладно, а потом я вас хотя бы чаем горячим напою.

И снова подумала: «А Даня? Что я ему скажу? Ладно, скажу, как есть. Поймёт же он меня».

— Раздевайтесь, Гена, проходите. Удобства — там. Можете взять жёлтое полотенце, оно совершенно чистое.

Он помог Даше снять пальто. Девушка стащила берет, и оказалось, что под ним что-то наверхено. Конечно, Геннадий прекрасно знал про бигуди и видел их. У мамы, например. Но у той бы-

ли железные полые цилиндрики, а на этой голове красовалось нечто космическое: сиреневые, розовые, жёлтые поролоновые палочки, изогнутые при этом то петлями, то витками спиралей. Так что Гена совсем не уверен был в их названии и назначении. Может, это украшение такое. Кто их знает, этих девчонок. Но в любом случае, с этими забавными женскими штучками на голове Даша вдруг оказалась очень милой, по-домашнему уютной и такой красивой!

Даша достала раздобытый с таким трудом майфонеz, пошла на кухню, и тут же зазвонил телефон. Даня. Вот и отлично, сейчас подготовит его.

— Дашуня, ты не пугайся и не расстраивайся, сейчас уже всё в порядке. Снимки сделали, гипс наложили, лечат. Вот только я очень тебя подвёл, прости! Придется тебе одной Новый год встречать. Они меня не выпускают, да и вообще, я лежу на вытяжке. Сколько пролежу, не знаю. Сказали — посмотрят.

— Даня, подожди! Ничего не понимаю! Какая вытяжка? Кто не выпускает?

Всё оказалось очень просто: Даня упал и сломал ногу. Скорая, больница. И вот теперь он там и лежит.

— Даня, я немедленно еду к тебе!

— Нет, Дашуня. Во-первых, транспорт сейчас ходит уже плохо, а на такси небезопасно, праздник же. Нет гарантии, что водитель тебе попадется абсолютно трезвый. Во-вторых, и ни к че-

му. Тебя не пустят, уже поздно. А спуститься я не смогу, говорю же: лежу на вытяжке пока. Да и вообще, меня так всяким накачали, что уже просто вырубаюсь. Вот позвоню тебе и засну сразу.

Даша еще немного посокрушалась, даже всплакнула, поздравила с наступающим, пожелала скорейшего выздоровления, пообещала прийти завтра, как только начнутся приёмные часы, спросила, что принести...

Врал Даня! Беспардонно врал!

Нет, то, что он упал и дальнейшие последствия – все это было правдой. Но вот что касается сна... сна у него не было ни в одном глазу. Какой уж тут сон, когда медсестричка, устраивавшая его в палате, оказалась твоей первой любовью.

Обычная история: весь последний школьный год была сумасшедшая любовь. А на выпускном вечере – бессмысленная ссора. В которой каждый считал себя оскорблённым до глубины души. Несколько лет они, оба по раздельности, старательно пытались забыть друг друга. Но Оля не выдержала. Разузнала у его друзей, где теперь живет Даня, приехала, устроилась на работу (медсёстры всегда нужны!), сняла жильё. Но никак не решалась объявиться. Дала себе слово, что в новом году – обязательно!

Как же она была изумлена, когда увидела Даню на каталке в собственном отделении...

Оля развернула кипучую деятельность: пошла к старшей и вызвалась дежурить в новогоднюю

ночь. Прямо не уходя домой после своего закончившегося дежурства. Та была настолько радостно-ошарашена (три медсестры, которые должны были дежурить в эту ночь, буквально накануне взяли больничные и не вышли на работу), что даже согласилась на её условие: вновь поступившего пациента поместить в отдельную палату.

А дальше Даня забыл все: и свою глупую обиду, и эти несколько лет, и Дашу. Какая Даша, когда тут любимая Оля!

Что они делали в эту чудесную ночь? Не знаю. Вполне возможно, что даже и целовались.

Что ж, всё решилось само собой. Теперь не надо прогонять Гену. Пусть останется.

Даша машинально включила чайник, который уютно зашумел. Тут и ее гость сразу появился. Видимо, деликатно ждал в прихожей, когда она поговорит.

— Гена, теперь придется вам меня спасать. Мой парень в больницу попал. Так что перспектива такая: или я тут кукую одна, а вы то же самое делаете на вокзале, или мы вместе всё-таки нормально встретим праздник.

И жалобно протянула:

— Не бросайте меня, пожалуйста!

Гость явно обрадовался: его совсем не грела перспектива ночи на вокзале. Да и разве он мо-

жет бросить одну девушку, оказавшуюся в трудной ситуации! К тому же такую славную.

– Хорошо, давайте вместе. А утром я пойду.

– Спасибо, Гена! Вы хороший человек! Что бы я без вас делала! И предлагаю сразу чуточку выпить шампанского. На брудершафт. И стресс снять.

– Давайте! Давай! У меня есть отличное шампанское.

Даша повернулась к шкафчику за бокалами (из тех, что в комнате, будем под куранты пить), а Гена сходил за шампанским.

Даша споласкивала и протирала бокалы. Повернула к нему голову:

– Ой! А про оливье-то я забыла! Заправь его, пожалуйста, майонезом! Вон салатник на столе, майонез рядом.

Но Геннадий застыл над салатником с неоткрытым майонезом в руках. И недоумённо повернулся к ней:

– Даш, а где оливье?

Мужчины бывают очень странными. Не видеть того, что у тебя прямо перед носом!

Даша уже открыла рот, чтобы сказать «вот же, в салатнике», да так и осталась. Салатник оказался пуст. Только одинокий кубик маринованного огурчика на донышке, да оранжевые следы мор-

ковки на стенках намекали, что когда-то здесь явно что-то было. Возможно даже, что именно оливье.

Зато стол украшал затейливый узор из картофельных кубиков, под каждым из которых расплывалась маленькая лужица. Даша машинально ткнула в лужицу пальцем, понюхала. Потом так же машинально лизнула палец. Сладко.

Гена, глядя на Дашу, взял один кубик и тоже попробовал. Брови его заметно поднялись:

— А зачем сладкая картошка? Это новый десерт такой?

— Ага. Пирожное «картошка» знаешь? А тут, видишь, узором. Значит, торт.

— А почему на столе, а не на блюде?

— Это я просто переложить не успела. Да и не буду, пожалуй. Идея оказалась неудачной.

Даша взяла тарелку и ложку, сгребла «торт» со стола, выбросила в мусорное ведро. Пока она это делала, а потом вытирала стол от сиропа, стремительно думала: куда делся оливье? Как картошка выбралась из салатника, обвалялась в сахаре и разлегалась узором на столе?

И вообще, кто это натворил? Дома был один Котя, но он же на такое не способен! Списать все на полтергейста или Домового? Единственное объяснение, конечно, но ведь не скажешь этого Гене. Решит, что его новая знакомая умом тронутая. Уж лучше пусть думает, что это просто кули-

нарный эксперимент.

Да, но куда же делся оливье?

Выручил очередной фейерверк за окном, напомнил, что давно пора проводить Старый год.

Войдя в комнату, Даша быстро окинула стол взглядом. Кажется, всё в порядке, больше никаких сюрпризов. Надо признаться, что возня с канапе была не напрасной: очень уж они украшают стол. Темно-красные кубики перца перемигивались с жёлтыми сыра и зелеными огурцов и удачно подчёркивались перемежающимися чёрными маслинками. Да и закуска неплохая: легкая, и брать удобно.

Вот только... вокруг тарелки с её красивыми разноцветными прямо на столе были разложены канапе из маринованных огурчиков. На зубочистках. И огурчики явно имели происхождение из пропавшего оливье!

Вот и второй ингредиент нашелся...

Гене она снова решила ничего не говорить, пусть думает, что так и нужно. Только принесла из кухни чистую тарелку и переложила произведение неизвестного кулинара на неё. Геннадий, кажется, ничего не заметил. Потому что стоял возле ёлки и с удивлением рассматривал макушку.

— Даш, а смешно: звезда из морковки! Я правильно догадался, это ведь варёная морковка, да?

— Понимаешь, моя разбилась, вот я и нашла выход из положения. Я её слепила из того, что

было... — пробормотала Даша. А про себя отметила: «третий».

Потом присмотрелась к ёлке и нервно рассмеялась:

— А бусы из зелёного горошка ты заметил? Зацени, классно же?

(четвёртый...)

Куда подевались остальные два ингредиента пропавшего оливье, яйца и мясо, Даша никогда так и не узнала.

Гена посмотрел на бусы, улыбнулся, задумался. Снова улыбнулся:

— Проводим Старый год? У меня тост!

Открыл и разлил шампанское.

— Знаешь, Даша, говорят, что не бывает ничего просто так. Наверное, всё это было кем-то подстроено: этот розыгрыш с телефоном, и то, что твой парень в больницу угодил.

— Нет-нет, — спохватился он тут же, — я ему желаю выздоровления, и скорейшего! Но вот парнем он твоим больше не будет. Потому что я знаю: все это было для того, чтобы мы с тобой встретились. Чтобы я тебя встретил. Самую необычную девушку, которую я знаю. Которая из сочувствия предлагает первому встречному праздновать с ней Новый год. У которой на ёлке бусы из зелёного горошка, прямо на столе торт из варёной картошки, а на голове причёска с разно-

цветными палочками.

— Ой! — перебила Даша, ощутив свою голову. — Я забыла снять бигуди!

Она принялась было разматывать бигудину, но Гена остановил ее руку:

— Не снимай! Пусть так! Тебе очень идет!

И опять поднял бокал:

— Даша! Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Мышь осторожно выглянула из норки и увидела странную картину. Эти двое, Хозяйка и Этот, новенький, стоят посреди комнаты, обхватившись руками, и зачем-то трутся друг о друга лицами. Да не просто лицами, а прямо губами! И, кажется, ничего не замечают вокруг: вон за окном очередной салют бабахнул, а они даже ушами не повели.

Она быстро перебежала комнату и забралась в кресло, где дремал Котя. Спрятавшись в его пушистой рыжей шерсти, шепнула в ухо:

— Коть, а что это они делают?

— Монтаж, — лениво приоткрыл один глаз Котя.

Какой он все-таки умный! Такие мудреные слова знает!

— А что это: «монтаж»?

— Да в одном кино в телевизоре показывали. Сначала они вот так же стоят, а потом бэби появляется. Правда, я не знаю, что такое «бэби», но, наверное, что-то очень нужное. Потому что она сказала, что хочет, чтобы это самое «бэби» у нее было. А он ответил, что тогда нужен монтаж.

Котя немного перепутал, но простим ему. Человеки — существа совершенно непонятные!

Утро началось со звонка Геннадию. Звонил тот самый Артём. Долго извинялся, что вчера не отвечал: банально забыл зарядить телефон. А потом стал ругаться, что Генка мог бы и сам прийти, не барин! Адрес-то он скинул!

— Не знаю, какой ты мне кидал адрес, но там живут совершенно другие люди. Спасибо ещё, что не прогнали. Я сейчас у них.

— погоди, перезвоню, — озадачился приятель. И через минуту перезвонил со следующей порцией извинений: вместо корпуса 3 написал корпус 1.

— Выходит, я совсем рядом с тобой? — рассмеялся Гена.

— Ага! Давай, подруливай! У нас тут весело!

— Нет, спасибо. Мне тоже неплохо! — подмигнул Гена Даше, которая в ответ скорчила ему смешную гримаску.

— Ладно, с предками встретили, бежим теперь скорее на площадь, ребята уже звонили, ждут. Кстати, Гриш, как тебе мои предки? Не сильно тебя напрягали?

— Ничего так, Алисик, прикольные. Я думал, будет хуже. Какую классную историю Геннадий Петрович рассказал! Блеск! Бывает же такое!

— Да ладно! Бывает, скажешь тоже. Ерунда сплошная: тут тебе и сломанная нога, и старая любовь, и неправильный адрес, и выключившийся телефон, и как он в маму влюбился, увидев космические бигуди на голове вместо новогодней причёски! Это просто папина байка, которую он каждый Новый год упорно рассказывает. Мы-то уже её наизусть знаем, а тут нашел свежего слушателя.

— Почему байка? Твоя мама подтвердила, что всё так и было.

— Да она просто ему подыгрывает. Ты плохо знаешь мою маму. Она совершенно трезвомыслящий человек. И представить хотя бы одно то, чтобы впустила какого-то незнакомого парня к себе в квартиру, не говоря уже обо всём остальном... Сказки!

Валерия Логина

До конца снегопада

Словно первые снежинки, закружили нас в волшебном танце под названием «жизнь».

Каждый раз, когда проносятся воспоминания, я не могу сдержать улыбку. Она появляется вместе со слезами, которые невозможно остановить.

Всё началось в один холодный, ничем непримечательный зимний день. Как и всегда — спешные сборы, пробежка до автобусной остановки. День, унылый, как все предыдущие. Но именно он стал началом истории.

Имена здесь будут излишними. Они не важны в этой маленькой, но такой важной сердцу истории.

Это была всего одна встреча, но воспоминание о ней осталось навечно.

Вечер ничем не отличался от всех предыдущих: валил снег, пробки растянулись на километры. Пришлось идти домой пешком — иначе никак не успевала доделать доклад. Профессор ни за что не принял бы его позже, и полетела бы моя стипендия в тартарары. И, по великой моей удаче, прямо возле подъезда я поскользнулась на льду и

полетела в сугроб. Воздух вырвало из груди, а в ушах на секунду воцарилась оглушительная, ватная тишина.

Что удивительно, падение оказалось не таким уж и обидным. Оно открыло мне чудесный вид на падающий снег, который подсвечивали уличные фонари. Снежинки спускались, словно танцуя друг с другом — завораживающее зрелище. И пока я наслаждалась этой картиной, рядом прозвучал ироничный вопрос:

— Вам помочь или вы больше предпочитаете проводить время, изображая ледяную статую?

Кто-то нагло пытался нарушить мою снежную идиллию. Увы, всегда наступает момент, когда приходится возвращаться в реальность и бежать дальше.

Лишь на секунду я задержала взгляд на кружащихся хлопьях, а затем медленно повернула голову на голос. Передо мной стоял обычный парень, на вид — моего же возраста. Наклонив голову набок, он с лёгкой улыбкой ждал ответа.

Лёгкий вздох, и мой краткий ответ:

— Помощь не помешает. Я просто... засмотрелась.

Парень огляделся вокруг и ответил с лёгкой печалью в голосе:

— Эта красота доступна нам каждый день. Жаль, что мы не замечаем её, вечно куда-то спешим.

Его слова повисли в морозном воздухе, задев что-то глубоко внутри. Он протянул руку, и я взялась за неё. Его ладонь была тёплой на фоне моего оцепенения. Поднявшись, я уже собиралась кивнуть и пойти внутрь, спеша наверстать упущенное время, но что-то заставило меня замереть. Я взглянула ему в глаза. Это были не просто глаза. Это было тихое, почти стыдливое отражение всего, что я чувствовала сама: усталость от бега, признание этой внезапной тишины и лёгкий, почти невесомый восторг от падающего снега. В них не было ни насмешки, ни обычного любопытства. Было понимание. Молчаливое и абсолютное.

Мы простояли так, может быть, минуту, а может, пять. Не произнося ни слова. Говорили только шелест снега, далёкий гул города и этот странный, общий покой. Потом он улыбнулся — не иронично, а по-доброму, по-осеннему тепло.

— Знаете, — сказал он тихо, глядя куда-то поверх моей головы в снежную круговерть, — мне вдруг жутко не хочется «бежать». Даже вот сейчас. Совсем.

Я не ответила. Просто посмотрела на него, на его лицо, освещённое отсветом фонаря, и почувствовала, как внутри что-то сдаётся. Тот самый тугой узел тревоги и спешки развязался сам собой.

— У меня есть срочное задание, — сказала я, и слова прозвучали не как отговорка, а как констатация смешного факта. — Его нужно было сделать ещё вчера.

— А у меня, — он повёл плечами, — важное письмо, которое я обещал отправить сегодня. Видимо, мы оба страшные нарушители.

Он снова посмотрел на меня, и в его взгляде был уже не вопрос, а предложение. Тихий и смелый.

— Может, дадим себе один вечер? — спросила я, и сама удивилась своей решительности. — Один вечер не бежать никуда. Хотя бы до конца этого снегопада.

Он протянул руку уже не для помощи, а, чтобы принять решение.

— Давайте. До конца снегопада.

Мы не пошли в кафе. Мы просто бродили по опустевшим улицам, говорили обо всём и ни о чём. О книгах, о том, как странно пахнет воздух перед снегом, о глупых случаях из детства. Доклад и письмо терпеливо ждали в другом измерении, где время ещё текло. А здесь, в нашем маленьком пузыре из падающих хлопьев, его не было. Был только снег, тихий смех, пар от дыхания и удивительная лёгкость — как будто скинули с плеч тот самый невидимый рюкзак, в котором мы таскали все свои «надо» и «срочно».

Когда снегопад начал стихать, мы молча поняли, что время истекло. Вернулись к тому самому подъезду.

— Спасибо за этот вечер, — сказал он. — За то, что разрешили себе его. И мне за компанию.

— Это я должна благодарить. Вы нашли ледяную статую и... оттаяли её.

Мы обменялись улыбками — теперь уже без грусти, а с тихой, светлой благодарностью. Не было нужды в цифрах и соцсетях. Этот вечер был слишком настоящим, чтобы пытаться вписать его в виртуальную сетку. Мы просто разошлись в разные стороны, унося с собой одинаковое тепло.

Мы больше никогда не виделись. Этот вечер остался в прошлом, как самая яркая, самая необъяснимая и потому самая болезненная открытка из другой жизни. Иногда, глядя на первый снег, я ловлю себя на мысли, что ищу в толпе его силуэт. И улыбка, что приходит с этим воспоминанием, всегда — всегда! — оказывается солёной от слёз. Потому что нельзя дважды войти в одну и ту же метель.

Но этот единственный вечер научил меня главному: порой, чтобы обрести что-то навсегда в своей памяти, нужно смело отпустить это в реальности. И я благодарна нам обоим за ту смелость.

А когда в окно стучится декабрь и город начинает мигать гирляндами, я иногда думаю: а что, если это и было оно — то самое тихое, личное, подаренное мне новогоднее чудо? Чудо не из сказки, а из настоящей жизни. Чудо, которое пришло не с бородой и в красной шубе, а в обычной куртке, с ироничной улыбкой и протянутой рукой. Чтобы напомнить, что самое важное иногда случается не по плану. И что волшебство — это

просто момент, когда два одиноких человека решают перестать бежать и на минуту стать на одной стороне — против всего шумного, холодного и спешащего мира.

Валерия Сиян

Зимний подъём

В пещере ПОдаРОК именно зимой происходили события, вызывающие множество вопросов у всех, кто в своей жизни так или иначе сталкивался с этой пещерой.

Особенностью этого необычного места была его внешняя обычность, благодаря которой не представлялось возможным заподозрить какие-либо необычные явления.

В пещере жили люди, жизнь которых вертелась вокруг самой пещеры. Кроме неё, они ничего другого в своей жизни не видели и, следовательно, к чему-то другому не стремились, заиклившись только на том, что им уже давно известно. Однако пещера была коварна тем, что она затягивала в себя людей, которые, затянувшись, уже не были способны вырваться из её хватки. Пещера действовала искусно: очаровывала и пыталась произвести первый ВАУ-эффект, после которого людям хотелось приходить туда снова и снова, потому что они помнили о том самом первом впечатлении, которое пещера пыталась в их памяти сохранить. Однако, чем больше времени проходило, тем больше люди были поглощены этой пещерой, и тем меньше они были поглощены собой и своей жизнью. Именно в этом

и состояла цель пещеры — стать центром жизни каждого человека, чтобы они все забыли о самих себе, и свою жизнь и себя посвятили ей.

Для жителей пещеры *ПОдаРОК* стало нормой не думать о себе, своей жизни, своих желаниях, мечтаниях, целях, о своих отношениях и о своей семье. Для них абсолютно всем стала она — сама пещера, куда они возвращались вновь и вновь. Для чего они это делали? Почему предали себя и свою жизнь ради пещеры? Почему позволили ей заменить их всех собой? Почему так произошло?

Однажды в пещере появилось невиданное ранее лицо. Оно приковало внимание всех остальных людей к себе. Почему?

— Люди, очнитесь! — однажды обратилось невиданное ранее лицо. — Что вы делаете? — ему было очень больно от следующего зрелища: пещера, которая призвана быть местом жительства и местом открытия возможностей и условий для людей, каким-то непонятным образом стала тем, чем она быть не должна. Пещера стала могуществом, поработившим себе свободных людей, рождённых для счастья и созидания.

— Мы неправильно живём! Человек не должен жить так, как он живёт в наше время. Всё должно быть иначе! — у невиданного ранее лица из глаз текли слёзы, которые он был не в силах остановить. — Пещера должна служить людям, а не люди пещере!

К глубочайшему сожалению, его никто не понимал. Или, может, он обращался не к тем людям.

Не к тем, кто способен его понять. И чувствовало в себе это лицо мощный потенциал изменить положение вещей в мире. Как же может быть такое — что пещера поглощает судьбы людей! И, пока они находятся в неведении, она продолжает наращивать свою силу и мощь, а люди в это время молча гибнут, отдавая свою жизнь не на благо, как им кажется, а на нечто неопределённое, но явно удобное этой самой пещере.

Была у пещеры *ПОдаРОК* одна тайна, которая открывалась только зимой. Именно в зимнее время можно было забраться на гору, то самое место, которое было скрыто от глаз самой пещеры. Оттуда было видно все окрестности и всех людей. И тому, кто окажется на этой вершине, открывалась возможность достучаться до людей, открыть доступ в их сердца, потому что тем, кто оказывался на той горе, люди охотно верили. Однако там давно не было никого.

— Это мой шанс! — воодушевлённо размышляло невиданное ранее лицо. — Я смогу всё изменить, — мысли о том, что в его силах улучшить жизненные обстоятельства, направляли его вперёд. И замыслило лицо забраться на ту самую гору, с которой он сможет наконец-то обратиться абсолютно ко всем людям, чтобы они перестали служить пещере, а начали служить себе.

И началась подготовка невиданного ранее лица к подъёму вверх. Она продолжалась девять месяцев, но ему казалось, что эти месяцы тянулись целых девять лет.

— Да! Вот и пришла зимняя пора, декабрь, которого я ждал девять месяцев, — невиданное ранее лицо подошло вплотную к той заветной горе. — Сейчас начнётся мой подъём. Лифта здесь нет, как в других местах. Здесь есть только ты и только я, — взгляд лица был направлен вверх, обращённый на вершину горы, куда ему предстояло забраться.

И невиданное ранее лицо сделало первый шаг. Тут же началось сотрясение подножия земли, напоминающее землетрясение.

— Что происходит? — идущий всегда вперёд решил оглянуться назад. — О нет! Лучше бы я не оборачивался, — молниеносно пронеслась мысль в его голове.

— Куда ты? КУДА? — завопили тени позади невиданного ранее лица. — СТОЙ! Остановись! — всё никак не могли они утомониться и успокоиться, усиливая своими возгласами тряску подножия земли.

Невиданное ранее лицо не обращало внимание на голоса, решив сделать второй шаг, теперь ухватившись за ствол дерева одной рукой.

— Вернись! — ещё громче затрубили тени. — Мы живём в ПОдаРКЕ, и ты тоже будешь в ПОдаРКЕ! Возвращайся к нам! — призывы усилились. — Ты нужен нам здесь, здесь, рядом с нами! — громкие голоса резко начали утихать, и лицо наконец-то смогло немного расслабиться и сделать третий шаг — ухватившись за ствол дерева второй рукой.

— Мы тебя любим, — неожиданно ласковый и нежный голос услышало лицо позади себя. — Ты нам очень нужен, — с каждым новым словом голос становился нежнее и нежнее.

Невиданное ранее лицо внутреннее недоумевало, почему вдруг с того ни с сего оно услышало эти голоса, которые говорили именно все эти сказанные слова. Если он нужен там, то почему они начали говорить об этом только сейчас, когда он начал подниматься вверх? Почему ранее они молчали, позволяя себе часто и вовсе не обращать на него внимание? Однако их внимание тут же было полностью переключено с пещеры на него, делающего шаги по направлению к горе, которая выше пещеры. Почему так устроено в мире — внимание есть тогда, когда ты стремишься к горе? То есть в каждом из нас ценно именно стремление вверх, а не мы сами, как люди?

— Мы для тебя всё сделаем, — голос пытался ласкать слух лица. — Только вернись, и я обещаю, что всё будет по-другому. Ты только вернись! — голос был умоляющим и глубоким, завораживающим. Таким, что невиданное ранее лицо даже призадумалось на пути вверх о том, чтобы обернуться ещё раз.

— Не делай этого! — резко сверху на голову лица посыпались шишки. — Не слушай их! — лицо посмотрело наверх и увидело белочку. — Они специально это делают, хотят, чтобы ты не поднялся туда, — и белочка указала наверх. — Они привыкли жить там, в пещере, но у них нет того, что есть у тебя, они не могут принять того, что ты осмелил-

ся пойти против течения, — белочка стала говорить тише.

— В чём дело? Почему ты стала тише? — спросило лицо.

— Они рядом! — сказала белочка. — Я не боюсь людей и не боюсь пещеру, но ты — это другое дело. У тебя есть с ними связь, и это, наверное, больше минус, чем плюс.

— Почему? — стало непонятно, почему белочка так считает.

— Потому что ты уязвим и с лёгкостью можешь сделать то, чего они желают больше всего — вернуться к ним, в пещеру.

— И что же мне делать? — невиданное ранее лицо продолжало оставаться на третьем шаге, не торопясь сделать четвёртый.

— Ты уже проделал немаленький путь, — белочка тепло посмотрела на лицо. — Я не могу говорить, что тебе делать. Это тебе решать, герой. Всё, что я могу и хочу сказать, следующее: если ты сделал по собственному желанию уже три шага, то это уже подвиг, твой личный. Если ты хочешь сдаться — это твой выбор. Но ты уже видел, что есть в пещере, как там живут и какой там есть потолок, предел. И ты уже сам видишь, что можно по-другому, ведь почему они так переполошились и собрались все вместе вокруг тебя именно сейчас? Да потому что ты вышел на новую тропу, на которую вышел именно ты, а не они, и именно ты видишь другое направление, которое открыва-

ет новые пути. Они доступны для тебя, но не для них. Поэтому они призывают тебя вернуться туда, чтобы ты не выделялся, не выбрался отсюда, и был таким же, как они, — белочка грустно посмотрела на героя.

— Эти слова горько слышать, — признался герой с грустной улыбкой принятия на устах. — И признаюсь тебе, белочка, вот в чём: я не знаю, как мне лучше поступить.

Поднялся сильный ветер, от которого героя объял труднопереносимый холод вместе с дрожью, но благодаря этому ветру тени начало отбрасывать в разные стороны, как можно дальше от героя. Он решился обернуться ещё раз. И увидел, что теперь там нет никого.

— Белочка! Ты это видишь? — удивлённо обратился герой. — Никого нет! Все исчезли, — и он стал пристально всматриваться на ветку сверху, где некоторое время назад находилась белочка.

Ответа так и не последовало. Будто исчезла та, кто отвлёк внимание героя от теней сзади, пытавшихся потянуть его за собой назад. И теперь настал, по всей видимости, истинный решающий момент, когда нет тех, кто тянет назад, и когда нет тех, кто рьяно зовёт за собой вперёд.

— Забавно, — с принятием и в то же время всё ещё с ноткой удивления изрёк герой. — Пропали все, и есть только мы с тобой, ты да я, я да ты, — посмотрел герой вновь на вершину горы.

Вокруг вершины появился нимб, обрамлённый

цветочками. Простыми и чудными ромашками и роскошными элегантными розами классического красного цвета. Сочетание белого с красным, красного с белым.

— Это обоюдно, — внезапно пришло к герою озарение. — И ты меня избрала, и я тебя избрал, поэтому всё так: я тут, а ты меня встречаешь. Жизненная нить вела сюда, и я всё ещё здесь, потому что и сам хочу быть здесь, а ты встречаешь символами, потому что тоже хочешь, чтобы я здесь был.

— У горы есть голос свой, отличный от голоса пещеры. Пещера говорит голосами порабождённых ею людей, а гора говорит собственным особым гласом, выражающимся в символах, знаках и особенным призывом, поэтому большая часть не здесь, а в пещере, потому что привычна именно она — затягивающая пещера, а гора — непривычна, и к ней идут далеко не все.

Герой всё же забрался на вершину, которая с радостью ему помогла, потому что она долго его ждала. Это жизни секрет, который никому не предугадать — где кто будет и когда. Герой был невиданным ранее лицом, и не более того. И не подумал бы он раньше о том, что героем стать ему суждено.

В пещере пошла молва о загадочном времени — зима. Ведь именно в зимнее время происходят такие чудеса — можно оторваться от пещеры и пойти туда, где ты ни был никогда. И открыть там новую жизни тропу, которая направит тебя к себе

самому, где сможешь ты принять жизни важное решение — как же всё же тебе жить.

Люди с тех пор, как герой ушёл безвозвратно навсегда из пещеры, стали ждать прихода зимы. Теперь первое появление в новом году снега ассоциировалось с возможностью того, что кто-то захочет пойти по стопам ушедшего героя и забраться на ту самую гору, которая зимой открывает новую дорогу в совершенно другую жизнь.

Лия Нова

Сказка о том, как Зима полюбила

В самой сердцевине зимы, там, где время замирает в ожидании чуда, стоял зачарованный лес. Снег здесь был не просто белым, он переливался, как россыпь алмазов, а сосны, укутанные в искристые шали, тихо нашептывали старинные мелодии. В этом лесу жила Зима, волшебница, хранительница снега и тишины. Ее пальцы, касаясь ветвей, превращали иней в хрустальные узоры, а дыхание рождало на ветру нежные снежинки, каждая из которых была уникальна. Но, несмотря на всю свою магию, Зима была бесконечно одинока. Ее дворец изо льда сверкал холодной красотой, но в нём не было души.

А на опушке этого леса, там, где уже слышался смех из деревни, жил Светозар. Он не был волшебником. Он был создателем тепла. Светозар мастерил свечи, которые горели таким ярким и дружелюбным светом, что, казалось, могли растопить любую печаль. Его маленькая мастерская была наполнена ароматом корицы, имбиря и воска, а его сердце — мечтами о ком-то, с кем можно было бы разделить это тепло.

Каждое утро после снегопада Светозар выхо-

дил расчищать дорожку перед своим домом. Его щёки розовели от мороза, а дыхание превращалось в облачко пара. И каждое утро он издали наблюдал, как Зима беззвучно появлялась у своего ледяного жилища. Лёгким движением руки волшебница сметала снег с крыши, и тот опадал вниз хрустальным водопадом, не издав ни единого звука. Девушка была прекрасна, как сама зима, и так же недосягаема.

Однажды, набравшись смелости, Светозар, закончив с уборкой, помахал ей рукой и крикнул:

— Эй! Мороз сегодня что надо! Не хочешь согреться чаем?

Зима остановилась. Ее тёмные, глубокие, как зимняя ночь, глаза на мгновение встретились с взглядом Светозара. В них не было неприязни, только тихая, вековая усталость и стена холода и тоски. Она лишь едва заметно покачала головой, не сказав ни слова, развернулась и скрылась за дверью своего сверкающего дворца.

Светозар почувствовал, как его собственное тепло, всегда такое щедрое, наткнулось на неприступную ледяную глыбу. Он улыбнулся с легкой грустью, решив не навязываться. «Наверное, она просто не любит шум», — подумал юноша и отступил, унося с собой сожаление и немного поникшее сердце.

Так прошли дни. Они продолжали видеть друг друга по утрам — один, окружённый облаком тепла и старания, другая — ореолом тихой магии и одиночества. Но теперь Светозар лишь кивал

ей при встрече, не ожидая ответа. А Зима... Зима иногда задерживала взгляд на этом парне, чья улыбка была такой же яркой, как и его свечи. Ей было любопытно, юноша вызывал у нее интерес, но привычка к одиночеству была сильнее.

В канун Рождества случилась великая метель. Не обычная, а странная, пронизанная тревогой. Ветер выл так, будто хотел сорвать с неба все звёзды. Зима, чувствуя свою ответственность перед людьми в такой светлый для них праздник, вышла умирять стихию. Девушка шла сквозь снежную пелену, и лёд сковывал бушующий ветер, но сама она, уставшая и истощённая, споткнулась и упала на самом краю леса, прямо напротив избушки Светозара.

Юноша увидел в окно темнеющий силуэт на белом снегу. Не раздумывая, он выбежал наружу и привёл почти замерзшую волшебницу в свой дом. Он укутал Зиму в мягкий плед, растёр ей руки, которые были холодны, как мрамор, и собирался напоить горячим шоколадом с зефирками.

Зима открыла глаза и увидела не дворец из льда, а золотистое сияние десятков свечей. И в центре этого тепла — самое тёплое, что она когда-либо наблюдала: улыбку Светозара.

— Ты... не боишься меня? — прошептала Зима, и голос ее был похож на шелест заснеженных ветвей.

— Бояться? Как я могу бояться? Когда я нашёл тебя, ты была похожа на потерянную упавшую звезду, — весело ответил Светозар, и его глаза за-

искрились добротой. — Знаешь, мой дом теперь и твой дом.

И в сердце Зимы, вечно скованном льдом, что-то дрогнуло, словно первый луч солнца коснулся поверхности ледяного озера.

— Прости, — тихо произнесла волшебница, впервые обращаясь к нему. Ее голос всё ещё был тихим после долгого молчания. — За тот раз... с чаем.

Светозар широко улыбнулся.

— Ничего. У каждого бывают дни, когда хочется побыть в одиночестве. Но в Рождество... в Рождество никто не должен быть один.

Он произнёс это так просто и уверенно, что Зима ему поверила.

С этого вечера началась их история. История о том, как лёд учился смеяться громче, а пламя — гореть ровнее и теплее. Светозар научил Зиму радоваться простым вещам: смеху над треском поленьев в камине, теплу свежеиспечённого пирога, удовольствию от того, что даришь кому-то своё время и внимание. А Зима, в свою очередь, показывала Светозару свою магию. Она создала для него целый хоровод ледяных фигурок, которые танцевали под мерцание огоньков, и подарила ему тишину снегопада — такую глубокую и умиротворяющую, что в ней можно было услышать биение собственного сердца.

Они были полными противоположностями: лёд и пламя, тишина и музыка, снег и свеча. Но именно поэтому их души тянулись друг к другу, создавая идеальную гармонию.

В канун Нового года Светозар признался, глядя на то, как Зима украшает окно инеем в форме сердечек:

— Я всегда думал, что магия — это что-то громкое и яркое. Но теперь я понимаю, что она тихая. Как твой смех. Как это чувство, когда ты рядом.

Зима почувствовала, как в ее груди, там, где раньше всегда был вечный лёд, что-то окончательно растаяло, и на этом месте расцвёл целый сад из тёплых огоньков. Она взяла руку Светозара в свою.

— А я всегда думала, что тепло — это просто отсутствие холода, — сказала она. — Но оказалось, что это — равнодушный человек рядом. Твоя рука в моей. Это — дом.

В ту самую ночь, когда часы должны были пробить двенадцать, они вышли во двор. И тут Зима совершила самое большое чудо в своей жизни. Она не призвала метель и не покрыла землю льдом. Вместо этого волшебница подняла руки к небу, и с самых высоких звёзд начали медленно опускаться сияющие в свете луны снежинки. Но это были не просто снежинки. Каждая из них, коснувшись лучей, исходящих из окон дома Светозара, вспыхивала изнутри мягким золотистым сиянием. Это был падающий снег, сотканный из самого света — тёплый, как свечи Светозара, и

нежный, как прикосновение его рук.

С тех пор в зачарованном лесу всегда светились окна избушки и ледяного дворца, потому что теперь там жило пламя одного единственного чувства. А волшебники вокруг шептались, что самая сильная магия на свете — это не власть над снегом, льдом или пламенем, а та, что способна растопить одиночество и создать из двух разных половинок одну целую, вечную мелодию — мелодию, звучащую в унисон.

Иногда нужно отступить, дать другому время и пространство, чтобы потом найти друг друга в самом нужном месте и в самое нужное время — там, где заканчивается одиночество и начинается любовь.

Анна Лоншакова

Самоцветы любви

(Рождественская сказка)

Поссорились как-то Снеговая Туча и Северный Ветер. Из-за ерунды, конечно, как и все влюблённые. Бывает же, что нет настроения просто так, без причины. И всё вокруг кажется чужим, враждебным, даже самый близкий и родной. Вот и у них так вышло. Наговорили друг другу колючих, как сосульки, холодных слов. Осерчал Северный Ветер и умчался далеко-далеко от возлюбленной. А Туча надулась от обиды и закуталась в свою белую шаль.

Надуться надулась, да только после этого на всей земле не стало снега. Никакого. Даже прошлогоднего.

Тем временем в чертогах деда Мороза все готовились к Новому году и Рождеству. Стучали инструментом мастера, точили из самоцветов красивые украшения, бусы, готовили подарки.

— Хороши мои мастера, — довольно хлопал в ладоши Мороз, прохаживаясь по мастерским. — Какие цвета выбирают, какие узоры плетут! Диво!

— Дозволь слово молвить, отец-Мороз, — окликнул хозяина зимних чертогов один из мастеров. — Беда у нас.

— Что за беда? — нахмурился Мороз.

— Северный Ветер куда-то запропал. Являлся он обычно за несколько недель до праздников, раздувал снега, открывал скалы, добывали мы из них после этого самоцветы ясные. А тут ждем, а Ветра-то и нет.

— К Снеговой Туче вестников посылали?

— Гонит она всех от себя, отец-Мороз. Поссорилась с милым.

— Чай, то и пропал Ветер... — догадался Мороз. — Влюбленные они, хоть и зиме служат, а оба горячи да скоры на решения необдуманные. Что ж, придется мне самому к Туче на поклон идти.

— Как самому? — вытаращил глаза мастер. — Не много ли чести?

— Праздник скоро, — ответил Мороз. — Без Тучи не будет снега. А какой Новый год без него? А ещё неурожай. Поля голые останутся, снегом их не укроет. Погибнут посевы. И что тогда? Люди в любовь перестанут верить и всё, считай — пропала земля.

Мастер только рукой махнул и вернулся к работе.

Мороз призадумался. Без Ветра к Туче идти

глупо. Надо сначала возлюбленного снежной красавицы отыскать, а потом вместе к ней поспешать. Только где его искать? Ветер - парень вольный, хоть и семейный. Гуляет по белу свету, снега гоняет, со снежинками хоробыды водит, пургу да метель сестрами зовет, косы им путает, балуется. Но верный он, только одна для него любовь живая — милая Снеговая Туча.

— По следу копыта конского найду, — решил Мороз. — Кони всегда отыщут друг друга. Эй, кто там! Запрягайте вороного!

— Вороного, батюшка? — поспешил к Морозу конюший.

— Вороного. Рано саням полозья мазать, а коням белым подковы ковать. Дела еще есть важные. Влюбленных мирить да любовь на земле спасать, чтобы и дальше земля наша жила и богатствами славна была.

Не успел Мороз кафтан походный надеть, как вороной был уже под седлом. Только и смог хозяин Севера бусы дорогие за пазуху сунуть — Туче в подарок.

— Доброго пути, отец родной!

— И вам счастливо оставаться, дорогие мои. Берегите чертоги зимние, дела своего не оставляйте. Скоро оборочусь.

И Мороз поворотил коня в дорогу.

Долго ли коротко искал Мороз Северного Ветра, да только нигде не мог найти. И заехал он

отдохнуть на постоялый двор. Коня на привязи оставил, сена ему задал, а сам в просторный светлый терем вошел.

Навстречу Морозу вышла хозяйка. Румяная, красивая, коса до пояса, очи ясные, серые. Сердце живое, доброе, ласковое в груди бьется. Глянул на неё Мороз и оторопел. Судьба его стояла перед ним, суженая ненаглядная, которую он сам искал много-много лет, да только никому о том не говорил. Да и знал он, что земная девушка не поедет с ним жить на Север, сам он не живой и не мертвый, на границе миров кто с ним жить будет?

Хозяйка меж тем накрыла на стол, горячий сбитень поставила, самовар да чай на рябине, пирогов сладких с яблоками и шанег, ватрушек полное блюдо положила. Наелся Мороз до отвала.

— Благодарствую, свет-хозяюшка, — он встал и поклонился девице. — Знатные кушанья и ты сама, красавица.

— И тебе благодарность до земли и неба, гость дорогой, — в тон Морозу ответила хозяйка.

— Как звать тебя, девица?

— Настасья. Да только не девица я, а вдова. Выдали меня родители за старика, а он позапрошлой зимой к праотцам отошел, отмучался. Постоялый двор мне оставил. Крутилась сама, помощников вот только нынче весной набрала. Справляюсь. Тебя-то как в наши дебри занесло? Вижу, что барин ты. Конь у тебя чудный, сытый, холеный, и сам ты как на масле рос.

— Права ты, Настасья. Владею я роскошными чертогами, богат и знатен, да не чванлив и самоцветами в лицо не швыряю. По делу я в края ваши попал. Друга верного ищу, Северным Ветром его кличут. Скор на решения, горяч, лицом строг, кажется, что горделив, но сердцем верен. Ссора между ним и возлюбленной его пробежала, а я помирить их должен. Иначе не будет счастья по всей земле. Не видала ли такого?

— Как не видала, — рассмеялась Настасья. — Видала. Раскидал твой ветер всю солому с крыш, окна мне выбил, кур переполошил, какой день не несутся. Чуял ведь, что постные пироги? Знать злющий был, Ветер твой. Ну, если с любимой поругался, то и не мудрено.

— Пироги, теплом сердца твоего согретые, самые вкусные, что ел я за много-много лет. А на Ветер мой ты зла не держи, хозяйюшка. Я тебе починю всё и кур твоих к жизни верну.

На том и порешили. Три дня и три ночи Мороз поправлял крыши, вставлял окна, собирал пеприны, что Ветер раздул, да с курами спал, сказки им добрые рассказывал. На утро четвертого дня поблагодарил он Настасью за хлеб-соль да ночлег и пустился в путь, ничего больше не сказал. Только оставил на столе в тереме бусы самоцветные, что Туче в подарок от Ветра вёз. А еще оставил Мороз на постоялом дворе красавицы-Настасьи сердце свое доброе, мудрое, вечное.

Время шло. Много дорог и гор объездил на воином своем коне Мороз, ночи напролёт искал

он Северного Ветра. Конь на то и черный был выбран, чтобы по ночам поиск вести да люд добрый не пугать. Наконец, на краю света нашел конь след, а Мороз пропажу. Бросился ему в объятия Северный Ветер и горько зарыдал.

— Как ты меня нашел, отец родной? — воскликнул беглец. — От обиды на любимую я дорогу домой забыл. А ведь столько дел дома! Камни точить объятиями, холодом их обдывать, форму придавать, твоим мастерам пути тропить через горы... А я всё бросил из-за нрава своего дурного.

— Твоя беда — моя удача, — ответил Мороз. — Поехал я тебя искать, да и встретил судьбу свою. Только не пойдет она за меня, смертная дева. Моя бы воля, я бы сам к ней с Севера прилетел, да поставлен на службу любви создателем своим.

— Не узнаешь ты любви настоящей, пока будешь только думать о ней, а в сердце непустишь, — сказал Ветер. — Смотри, что я своей Туче в подарок везу?

И Ветер вытащил из-за пазухи самодельные бусы.

— Сам собрал, — сказал он. — Кривоваты, конечно, не то, что у твоих мастеров — гладкие и знатные. Но тоже с любовью и думой о моей милой.

— Красивые, — улыбнулся Мороз. — Я и сам Туче от тебя бусы вез из мастерской, да у Настасьи своей оставил. Там и сердце своё забыл. Да и ладно. Поехали домой. Зазноба твоя, чай, зажда-

лась совсем. Снег нужен земле. Беда иначе будет.

Поворотили они коней в обратный путь. Постоялый двор Настасьи объехали за много вёрст, так Мороз хотел уберечь себя от зова своего сердца. Северный Ветер только рукой махнул. Задумал он как дело повернуть. Но чуть позже.

Снеговая Туча увидела возлюбленного изда- лека. Бросилась она ему на встречу с радостным смехом, и закружились влюбленные в счастливом танце. В тот же миг повалил на землю белый пушистый снег, и воцарился покой в каждом уголке. Поля укрылись теплым одеялом и уснули до весны, согревая посевы. Ребятня высыпала на улицу — строить горки, лепить снежную бабу, играть в снежки, возводить крепости. То тут, то там слышалось веселое:

— Я — Царь горы!!!

С нежностью и теплом смотрел на дело рук своих Мороз, радовался за влюбленных, за землю, за возвращенный порядок. Вороной тихо перебирал ногами по облакам и уносил хозяина на Север, в зимние чертоги. Ветер смотрел им вслед.

— Послушай, — сказал он Туче. — Мы с тобой таких дел дурных натворили. Из-за нашей ссоры Мороз потерял своё сердце.

— Как это? — распахнула глаза Снеговая Туча.

— Пока он меня искал, встретил и полюбил земную девушку и сердце ей своё оставил.

— Вот беда! Как же теперь Мороз без сердца

будет? Надо вернуть!

— Надо. Поедешь со мной к Настасье?

— Поеду! И шаль ей красивую подарю.

Так и случилось. Два гонца любви помчались к Настасье на постоянный двор и поведали ей — как взаправду дело было и кто он — её неведомый гость. Испугалась поначалу Настасья, а потом собрала бусы и сердце гостя в сундучок дорожный, да и отправилась с Ветром и Тучей на Север, к Морозу. Ведь он запал ей в самую душу.

— Стар ведь я для тебя, Настасья, — обнял любимую Мороз. — Ты как про мужа мне покойного сказала, я и понял, что не быть тебе моей суженой, судьбой.

— Вечная любовь твоя, Мороз. Ты меня к жизни вернул, я от теплого сердца твоего и подарка чудного родилась заново.

Настасья заплакала.

— Полюбила тебя всем сердцем своим и хочу твою долю разделить на всё время, что мне отпущено.

Прожили Мороз и Настасья много-много лет в любви и согласии, да и теперь живут, счастье людям дарят. Северный Ветер и Снеговая Туча с тех пор ссорятся редко, любовь свою берегут, боятся любящих хозяина и хозяйку зимних чертогов разлучить. А мирит их чудесный танец. От

танца того по всей-всей земле идёт волшебный,
согретый любовью снег.

Светлана Вейр

Ёлка из звездной коры

Давным-давно, в самом сердце мира, там, где вершины гор скрыты за облаками, а снег хранит шепот ушедших времён, стояла деревушка под названием Лунёвка. Её жители жили тихо, скромно и дружно. В воздухе витало чувство тепла и заботы друг о друге. Дома в деревушке были из теплого дерева, крыши покрывали белоснежные шапки, из окон сочился мягкий янтарный свет. Но главным чудом было не то, что видели глаза, а то, что чувствовало сердце. В центре Лунёвки росло Древо Желаний. Все знали, что это дерево живое, оно дышит, слышит и помнит. Это была ёлка, которая весь год не отличалась внешним видом от других. Единственное, что её отличало, это невероятная высота. Но каждый год, только в ночь на Новый год, оно расцветало серебряными шариками света, такими хрупкими, что их боялись трогать даже ветер и роса. Из этих шариков мастера вырезали ёлочные игрушки. Каждая игрушка была тёплой внутри, как ладонь любимого человека, и могла исполнить одно искреннее желание. Но только если оно несло свет, а не тень.

Люди просили исцеления для больных, возвращение ушедших, мира между враждующими, и Древо дарило чудо. Но стоило кому-то поже-

лать власти, злобы, денег, игрушка тут же тускнела и теряла свои силы.

Долгие годы всё было так. Пока однажды Древо не застонало.

Кирилл первым это услышал. Он был юным лесником, худощавым, с глазами цвета мха после дождя и руками, привыкшими к коре, ветру. Он часто приходил к Древу, разговаривал с ним и то отвечало шелестом, знал каждую трещину на стволе, каждую шишку на ветке. А теперь оно молчало. Или того хуже, ёлка стонала. Корни оголились и потускнели. Кора потрескалась, как высохшая глина. Иголки почернели и начали осыпаться.

— Оно умирает. — прозвучал голос над ухом.

Кирилл не обернулся. Он знал этот голос, резкий, но не злой, как скрип двери в старом доме. На его плече сидела Карка, ворона-говорун с перьями, чёрными, как полночь перед рассветом, и глазами, в которых отражалась не только луна, но и все звёзды, что падали с неба.

— Почему? — спросил Кирилл, не отрывая взгляда от больного ствола.

— Мир перестал забывать, как желать по-доброму, — сказала Карка. — Люди просят игрушки о том, чтобы у других было меньше. А Древо не может жить на зависти. Оно питается светом, а света всё меньше, — она замолчала, а потом тише добавила. — Но есть надежда. Нужна Кора Воспоминаний с берега Звёздной реки. Только она

может вернуть ему память о том, как быть живым.

— Где эта река?

— Там, где кончаются сны и начинается память мира.

— Мы пойдём туда, — тихо сказал мальчик.

Так началось путешествие мальчика и вороны-говоруна.

Они шли сквозь Лес Без Времени, где часы останавливались, а тени путников шли вперёд, оглядываясь. Шли по Горам, Что Плачут, где снег был слёзами древних великанов. Карка летела впереди, чёрная точка на фоне белого неба, а Кирилл шёл следом, с посохом из ветки Древа в руке. Посох пульсировал, как сердце, и в тишине ночи подсказывал, куда ступать.

Однажды они попали в Долину Забытых Имен. Там, среди пепельных цветов, бродили тени, незлые, но пустые. Каждая шептала имя, которое больше никто не знал.

— Не слушай их, — предупредила Карка. — Иначе и твоё имя сотрётся.

Кирилл замотал уши шарфом и прошёл мимо. А ворона начала напевать старую мелодию, чтобы заглушить шёпот теней.

Потом был Мост Из Слёз, тонкий, как нить, сотканная из стеклянных капель. Под ним была бездна. Кирилл ступил на мост и провалился. Но успел ухватиться за лапу Карки и та подняла его

ввысь. Он висел над пропастью, дрожа, а ворона крикнула.

— Ты идёшь не ради себя! Значит, мост пропустит!

И действительно, пост вспыхнул и образовался вновь. Карка опустила Кирилла на твердую поверхность. Мальчик спокойно перешёл на другую сторону.

А потом пришла ночь без света, и вдруг, появилась Звёздная река. Она не текла, она падала с неба, как лента из жидких созвездий, и исчезала в земле, словно уходила в самые глубины памяти. Её «вода» — мерцающие воспоминания: первый смех, первое прости, первый поцелуй, первый шаг к мечте.

По берегам росли деревья с корой, похожей на чешую дракона, выкованную из лунного света. Это и была Кора Воспоминаний. Но у реки стоял Хранитель памяти, фигура без лица, сотканная из теней и звёздной пыли.

— Зачем вы здесь? — спросил он, и голос его раздался со всех сторон.

— Нам нужна кора, — сказал Кирилл дрожащим голосом. — Для Древа, что умирает. Не для себя. Для всех.

Хранитель долго смотрел на него, или, вернее, внутрь него. Потом коснулся его лба.

— Ты помнишь, как твоя бабушка пела тебе колыбельную, когда ты боялся грозы?

Кирилл кивнул. Глаза защипало от навернувшихся слёз.

— Эта память чистая. Возьми кору. Но знай, Древо исцелится только тогда, когда кто-то отдаст своё самое дорогое воспоминание.

Кирилл не колеблясь подошёл к дереву. Оно мягко отдало кусок коры. Он был тёплый, как солнце в декабре, и дрожал в его ладони, как живое сердце.

Обратный путь был лёгким, будто сама река шла с ним рядом, освещая тропу.

Когда они вернулись, было уже 31 декабря. Древо едва дышало, ветви повисли, как плечи уставшего старика. Кирилл прижал кору к стволу. И в этот миг — вспышка. Свет хлынул из земли, обвил ствол, поднялся к кроне, и расцвели шарики, не просто серебристые, а сияющие, как миниатюрные солнца. Корни ушли вглубь, ствол выпрямился, а воздух наполнился ароматом снега и чего-то древнего, доброго.

Но Кирилл пошатнулся. Он больше не помнил лицо своей бабушки. Не помнил её голос. Только знал, что она была, и очень любила его.

— Это и есть жертва, — прошептала Карка, садясь ему на плечо.

Но в эту новогоднюю ночь случилось нечто невероятное. Каждая игрушка, повешенная на Древо, исполняя желание, возвращал утраченное. Мальчик, пожелавший исцеления для соба-

ки, вдруг вспомнил, как она слизывала его слёзы, когда он плакал. Старушка, попросившая лишь немного тепла, услышала голос ушедшего мужа в треске поленьев. А у Кирилла, когда часы пробили полночь, в кармане оказался маленький свиток. На нём были ноты. И чуть ниже, карандашом, дрожащей рукой, написаны строка: «Спи, мой свет... пусть звёзды спрячут сны...». Он прижал свиток к груди и улыбнулся сквозь слёзы.

С тех пор Дерево Желаний не только дарит чудеса, оно возвращает память. Потому что самые сильные желания, это те, что рождены не жадностью, а любовью. И каждый год, в ночь на Новый год, жители Лунёвки собираются у Древа и не только вешают игрушки. Они делятся воспоминаниями, как дарами, как светом. И Дерево поёт. Тихо. Радостно. Вечная песнь света для тех, кто ещё умеет желать по-доброму.

А Карка живет теперь у Кирилла. По утрам она каркает ему на ухо, а по вечерам рассказывает сказки, те, что помнят только звёзды.

Теперь в Лунёвке говорят: если в новогоднюю ночь ты услышишь, как поёт ветер в хвое, знай, это дерево благодарит тебя за твоё чистое сердце.

И ещё: если ты когда-либо увидишь ворону, что не каркает, а напевает старую мелодию, не пугайся. Она, может быть, ведёт кого-то к Звёздной реке за Корой Воспоминаний.

Конец.

Евгения Жикитенко

Потерянный снег

Холода никак не хотели наступать, хотя до новогодних каникул оставалось всего две недели. На перемене ребята из 6 “Б” наперебой болтали о том, какие подарки хотят найти под елкой. Катька мечтала о новом телефоне, а Серега уже представлял огромный конструктор. Только Алена с грустью смотрела на серый пейзаж за окном.

— Какие же вы глупые, — вздохнула она. Голоса в классе затихли, ребята удивленно посмотрели на Алену. — Ну, чего смотрите? Как вам Дед Мороз подарки принесет? Снега нет, а сани по асфальту не едут.

— У него ж волшебные сани, с турбоприводом, даже летать могут! — возмутился Серега.

— А ты че их видел? — хмыкнула Алена. — Включай мозги: в Новый год всегда снег есть, хоть сантиметр.

Алена показала ребятам тоненький промежуток между большим и указательным пальцем. Од-

ноклассники испуганно округлили глаза и запричитали: “Как так?”, “Не будет подарков?”, “А как же конфеты?”.

— Чего вы ее слушаете? Как обычно сказки рассказывает, всегда подарки были и в этом году тоже будут, — сказала Катька, демонстративно села за свою парту и начала готовиться к уроку.

Начался урок. Учительница у доски объясняла школьникам о том, как правильно писать приставки “пре-” и “при-”, только никто ее не слушал.

Алена получила четыре записки, в которых одноклассники спрашивали не пошел ли снег. Серега под партой тайком обновлял прогноз погоды, а Катька недовольно поглядывала в окно.

На перемене одноклассники собрались вокруг парты Алены.

— Рассказывай, что знаешь, — строго спросила Катька. — Где нам искать снег?

— Пффф, про атмосферное давление и потоки воздуха лекцию прочитает? — расхохоталась Алена. — Никогда меня не слушаете, а тут прибежали. Может будете игнорировать как и раньше?

1

— Ты нам про эту чушь даже не заикайся, — Серега грозно облокотился ладонями на край стола. — Говори, что делать?

— Ладно, — Алена сгребла вещи в рюкзак и продолжила шепотом. — Мне бабка-ведьма рассказывала, что за вот той горой есть волшебный лес, в котором живут разные сказочные существа. Думаю, они нам смогут подсказать, где искать снег.

На улице было тихо, даже ветер прятался где-то. Алена, Серега и Катька молча шли по проселочной дороге, остальные ребята не решились идти с ними. “Трусы”, — только и сказал Серега на выходе из школы.

— Тут надо сделать привал, — сказала Алена, указывая на поваленное дерево у подножия горы. — Неизвестно, где еще удастся отдохнуть.

Она подошла к огромному стволу и вынула из рюкзака бутерброды, завернутые в целлофановый пакет. Серега сглотнул: он мог съесть бизона и все еще оставаться голодным, а тут целый час не ел — достижение похлеще пятерок.

Алена вытащила перекус, один бутерброд отдала Сереге, а второй разделила и предложила половину Катьке.

— Я не голодная, дома поем, у меня ма-ммам-мммм...

Алена просто сунула бутерброд в рот однокласснице и не стала ничего слушать. У Катьки в рюкзаке еще нашлась шоколадка, а вот у Сереги кроме книг и помятых тетрадей ничего не было — он делал запасы исключительно в желудок.

Тяжелые рюкзаки было решено оставить здесь: они лишь затрудняли движение. Троица двинулась в гору. Ребята, то и дело поскальзываясь на мокрых от тумана травинках, понемногу продвигались вперед. Через полчаса они вышли к опушке леса.

— Добрались, — вздохнула Алена.

Сергеа только присвистнул, а Катька достала из кармана телефон и проверила геолокацию.

— Тут вообще серое пятно на карте, будто засекреченное что-то, — сказала она.

2

— Будь я Дедом Морозом, тоже пряталась бы, — пожала плечами Алена.

— А то слушай круглый год: “Хочу то, хочу се...”

Троица еще немного постояла на опушке, не решаясь войти в гущу зеленых елей. Первой опомнилась Алена.

— Идете? Кроме меня на снег видимо всем наплевать, — сказала девочка и зашагала вперед. Сергей с Катькой переглянулись и решительно пошли следом.

Поначалу лес не отличался от других, в таком же бору Алена часто собирала с родителями мас-

лята. Спустия время деревья начали сгущался, а тропинка становилась все менее заметной. Внезапно из-за корней одной из елей выскочили три маленьких существа в валенках и цветных колпачках. Это были гномы, похожие на героев с открыток. Их перепуганный вид смутил школьников.

— Ой, ой, беда-беда! — запищал первый, хватая Алису за полу куртки.

— Пропа-ало все! — захныкал второй, утирая нос рукавом.

— Спит, не будится! — тараторил третий, указывая куда-то вглубь леса.

— Кто спит? Что пропало? Говорите толком! — потребовал Серега, но гномы лишь метались, перебивая друг друга обрывками фраз: «сила уходит!», «украли!», «посоха нет!» — и в панике разбежались, словно сухие листья на ветру.

— Чего украли? — переспросила Катька, брезгливо отряхиваясь. — Что за чушь? Мы вообще-то за снегом пришли.

— Это не чушь, — тихо сказала Алена. — Это подсказка. Они показали туда, пойдем.

Вскоре ребята вышла на огромную поляну, скрытую от глаз ветвями огромных елей. В ее центре стоял ледяной терем, но не таял, а лишь мягко светился изнутри голубоватым светом. Дверь, украшенная узором в виде снежинок, была приоткрыта.

Троица вошла внутрь и увидела беспорядок:

рассыпанные чертежи игрушек, опрокинутая чернильница, а в огромной резной кровати лежал...

Дед Мороз. Его кто-то бережно укрыл красной с белой опушкой шубой.

3

Могучая грудь едва вздымалась, длинная седая борода казалась безжизненной, а лицо было бледным.

— Он че... мертвый? — шёпотом спросил Серега, в ужасе отшатнувшись.

— Спит, — поправила Алена, подходя ближе. — Но нормальным сном я бы это не назвала. Посмотрите.

Она указала на пустой кованный держатель у изголовья кровати, явно предназначенный для чего-то длинного.

— Здесь должен быть его посох, без него магия угасает. Гномы кричали, что его украли.

За спинами ребят кто-то громко ухнул. Троица вздрогнула, Серега схватил печную дверцу и закрылся ей словно щитом.

— За меня, скорее, — крикнул он девочкам. Алена и Катька мигом юркнули за спину одноклассника. В комнате повисла звенящая тишина.

Серега недоверчиво опустил “щит” и оглядел-

ся — вокруг никого не было.

Только на полке сидела огромная потрепанная сова с одним светящимся глазом. Второй глаз был практически закрыт.

— Струхнули? — спросил низкий голос. Мальчик вновь вскинул вверх печную дверцу, защищаясь. — Простите, не хотела напугать. Я — Хранительница Леса, и только вы можете нам помочь вернуть Новогоднее волшебство в наш мир.

— В смысле волшебство? — крикнул Серега. — Мы подарки ищем.

— И снег, — пискнула Катька.

— Не будет без посоха ни подарков, ни снега, ни Нового года, — грустно отметила сова. — Вы посмотрите, и Деда Мороза скоро не будет. Уснет вечным сном...

Ребята подошли к мирно спящему Деду Морозу.

— Сила уходит без посоха, — констатировала Алена. — Как же мы найдем посох?

4

— Я знаю, что это сделал Боровичок, гном деда, — сказала Хранительница

Леса. — Он триста лет мастерил игрушки для детей. Кукол с лицами, словно живые, механиче-

ских птиц, что заводятся и поют как настоящие.

— Зачем ему это, если он с Дедом Морозом трудился? — спросила Катька.

— Не понимаешь? — ухнула сова. — Что просят дети сейчас? Телефоны, планшеты, конструкторы из магазина. Его игрушки оставались в мешках и возвращались сюда. Он решил: если его труд не ценят, то пусть не будет и праздника!

Девчонки ахнули, а Серега задумчиво почесал затылок.

— Он че, совсем? — возмутился мальчик. — Прогресс, все дела, надо подстраиваться под современный мир. Что мне с птицами его делать, а?

Алена ткнула Серегу в бок.

— А куда Боровичок ушел? — спросила Катька.

— Не знаю точно, он побежал на север в самую чащу, а потом Дед Мороз... — сова прикрыла лицо крыльями, словно оплакивала случившееся. — Я пыталась его догнать, но как только он вынес посох в Чащу Обид, то и мои силы начали таять.

— Ладно, пошли, — тихо сказала Алена. — Найдем этого гнома. Я знаю, что ему сказать.

— Я проведу вас до границы Чащи, — сказала Хранительница и попыталась взлететь, но только кубарем скатилась на пол. Катька бросилась поднимать сову.

— Вы, уважаемая Хранительница, подождите нас тут, мы скоро вернемся с гномом и посохом, — сказала Катька.

— Подождите, возьмите с собой волшебное перо, оно приведет вас к желаемому, — сказала сова и протянула ребятам переливающееся золотом перо.

Как только перо засияло в руках у Алены, сова закрыла глаза и обернулась каменной статуей. Серега отбросил в сторону печную дверцу:

— Ух, гном, вот я ему, прямо посохом!

5

Одноклассники вышли из дома и заперли дверь. Алена вытащила раскрыла ладонь с пером. Оно поднялось в полутора метрах от земли и двинулось вглубь чащи леса. Троица пошла за последней каплей волшебства

Хранительницы, оставляя позади себя сияющий терем Деда Мороза.

Деревья теперь стояли так близко, что ребятам приходилось идти друг за другом. Перо парило впереди, освещая крохотный участок дороги. Серега жаловался, что проголодался, девчонки посмеивались. Алена знала, что он совсем не голодный, а просто пытается их развлечь, чтобы никому не было страшно. Да и Катька больше не вредничала — она целенаправленно шла вперед. Всем им хотелось вернуть волшебство.

Внезапно тропа вывела их к глубокому оврагу, на дне которого шелестел тоненький ручеек. Перо полетело вдоль него и остановилось у небольшого озера.

— Чего встали-то? — спросил Серега.

— Может пришли? — Катька начала вертеть головой по сторонам.

— А там что, смотрите, светится, — Серега показал в сторону леса, а затем ринулся туда.

— Но там же ничего... — сказала Катька. — Ой, а там?

Девочка побежала в противоположную сторону.

— Вы куда, у нас дело вообще-то, — Алена кричала в след одноклассникам, не зная за кем пойти. — Бестолковые, ничего ведь не видно! Вы меня слушать вообще будете?

— Аленка, тут конструктор! Наверное, все уже без нас сделали! — раздался радостный крик Сереги справа.

— Точно, тут новенький телефончик, значит все решилось, мы можем забрать себе подарки! — пищала счастливая Катька.

— Да вы чего? Снега нет, посох мы не нашли, — кричала Алена, но в ответ слышала лишь радостный смех одноклассников.

— Глупые, правда? — прозвучало откуда-то

сверху. Алена подняла голову и увидела парящую корону над своей головой. — Посмотри, им лишь бы игрушки получить. Не понимают, зачем нужен баланс в мире.

6

Очарованная Алена увидела, как Дед Мороз с посохом в руках благодарит ее, как одноклассники восхищаются падающими снежинками и кричат:

“Спасибо, Алена! Зря мы тебе не верили! Ты была права!”, а учителя извиняются за то, что называли ее фантазеркой.

Только Серега и Катька в ее видении не радовались Аленкиной победе.

Обиженные они стояли в стороне.

“Неправильно это все. Они ведь тоже со мной были”, — подумала Аленка.

Она вспомнила, как Сережка защищал их в тереме Деда Мороза, а Катька помогала беспомощной сове.

— Но это же ты их привела, ты им все объяснила, только ты настоящая спасительница волшебства, — корона начала опускаться на голову Алене.

— Нет, мы вместе! Вместе его спасем! — крикнула Алена и схватила сияющее перо. Свет оза-

рил берег озера и корона над головой девочки исчезла. Алена побежала к Катьке и увидела, что та восхищенно разглядывает в руках еловую шишку.

— Катюха, да тебе родители еще кучу таких телефонов купят и не только в Новый год, — сказала Алена.

— Ну, да, мне вот прошлый на 1 сентября подарили, — Катька вынула из кармана куртки старый телефон и автоматически разблокировала. На экране появилась фотография Кати с мамой на школьной линейке. — Ой, мама, она же меня ждет сегодня елку наряжать.

Катька перевела удивленный взгляд на шишку и отбросила ее в сторону:

— Это что было-то? Гипноз?

— Хуже, магия, — сказала Алена. — Пошли Серегу спасти.

Серге сидел под елкой и обнимал муравейник, усыпанный сухой хвоей.

Катька подошла к нему и что-то шепнула ему на ухо. Серега перевел ошалелый взгляд с девченок на муравейник.

— Ты че, я не обнимался, это вообще не то, это..., — глаза у Сереги расширились и он стал бешено скакать, чтобы сбросить с себя насекомых.

После испытания троица почувствовали себя не просто одноклассниками, а настоящими друзьями. Перо в руке Алисы горело теперь ярче и уверенно вело их дальше, в самую гущу леса. Серега молча брел впереди.

— Что ты ему сказала? — спросила Алена.

— Что всем в школе расскажу, что он с конструктором обнимался, — сказала Катька.

Звуки становились все тише, пока ребята не погрузились в кромешную тишину. Перед черной иссохшей елью перо плавно опустилось на землю и перестало светиться. Все вокруг погрузилось во тьму.

— Ой, — пискнула Катька и достала из кармана телефон. Девочка включила фонарик и осветила вокруг себя.

— Нам туда, — указала Алена что-то копошащееся в корнях дерева.

Алена смело подошла к дереву и постучала по стволу. Гном в засаленном комбинезоне столяра копошился в мешке с подарками. На его лице застыло выражение глубокого удивления.

— Чего надо? — буркнул он.

— Это вы украли посох Деда Мороза? — выпалил Серега, заглядывая за спину гнома.

Там, среди сотен игрушек и стружки действи-

тельно лежал сверкающий ледяным сиянием посох.

— Украл? Я его спас! — вспыхнул Боровичок. — От ненужности! От забвения! Я триста лет вырезаю эти игрушки. Каждый винтик, каждое движение — душа вложена! А что вы что хотите? Пластиковые коробки с экранами! Деду Морозу только и приходится, что заказывать эти... эти гаджеты! Пусть уж лучше никакого Нового года, чем такой, где нет места настоящему мастерству.

Катька, которая все это время молча разглядывала игрушки, отодвинула возмущенного гнома в сторону и взяла в руки деревянную фею с прозрачными крылышками из слюды.

— Она... невероятная, — прошептала Катька. В ее голосе не было ни капли фальши. — У нее даже ресницы видны, а как крылья сверкают!

8

— Да? — Боровичок на мгновение смутился, но тут же нахмурился. — А под елкой ты все равно будешь искать телефон.

— Буду, — честно призналась Катька. — Но если бы я нашла еще и ее... я бы очень обрадовалась. Потому что телефон — это необходимость, его все равно раз в пару лет менять. А она... она останется навсегда.

В ее словах была такая неподдельная искренность, что даже Алена удивленно на нее посмо-

трела.

— Мы все хотим волшебства, — тихо начала Алена. — Но мы хотим не только красивые игрушки, но и нужные вещи. Сейчас без гаджетов никуда — даже в школе они нужны. Мы хотим, чтобы все было в гармонии: елка, снег, мандарины и Дед Мороз с подарками. А уж какие они будут, пусть он решает сам.

Сергея подошел к гному и ткнул пальцем в лежащего рядом механического дракона.

— Эй, а он... он огонь пускать может?

— Нет, — уныло сказал Боровичок. — Он просто машет крыльями и поворачивает голову. Прimitив.

— Прimitив?! — завопил Сергей. — Да это же гениально! У тебя тут целый парк юрского периода на шестеренках! Да этому любой пацан позавидует! Вот только зря ты их спрятал. Мы б в классе такую баталию устроили!

Боровичок молчал, глядя то на Катю, бережно держащую фею, то на горящие глаза Сергея, то на серьезное лицо Алисы.

— Деду Морозу без посоха плохо, — сказала Алена. — Он не просто подарки раздает, на нем все волшебство держится. А праздник проходит для всех, и для тех, кто хочет телефон, и для тех, кто мечтает о драконе на шестеренках. Или ты готов навсегда расстаться с такими восхищенными глазами.

Алена кивнула в сторону друзей. Гном тяжело вздохнул и взял посох.

— Я просто хотел, чтобы меня заметили, — прошептал он.

9

— Так давай заметим! — воскликнула Катка. — Пусть Дед Мороз к каждому подарку твою игрушку кладет. А я пост в соцсетях сделаю, чтобы больше человек о такой красоте узнало. Уверена, в следующем году еще устанешь игрушки мастерить.

Боровичок широко раскрыл глаза. Его обида начала таять, как иней на солнце.

— Ну что, наколдуем снег? — спросил Серега, протягивая руки к посоху.

— Посох — это ключ, — сказал Боровичок. — Он не создает снег, он дает сигнал зиме, что пора. Я его... на паузу поставил, словно вынул батарейку.

Только нам надо поспешить, через час посох погаснет и больше никогда...

Никогда не будет новогоднего волшебства...

Алена, Серега, Катка и Боровичок неслись сквозь пышные лапы елей к терему Деда Мороза. Время было на исходе. Гном, несший посох остановился.

— Не успеем, нужен волшебник! — пропищал Боровичок.

— У Алены бабка ведьмой была, — сказал Серега.

Боровичок сунул посох в руки Алене и отошел в сторону.

— Стукни три раза о землю и прикажи зиме начаться, — сказал гном.

— Пора, зима, приходи, — сказала Алена, расправила плечи и неуверенно постучала посохом о землю, но ничего не произошло.

— А может вместе? — неуверенно спросила Катька. Алена закивала, а Серега тут же подскочил к посоху и схватился за него.

— Пора, зима, приходи! — хором прокричали ребята, подкрепляя каждое слово ударом посоха.

Вначале ничего не произошло. Но через секунду с неба упала первая пушистая снежинка. Она приземлилась Катьке на нос. Потом вторая, третья. Тишину леса прорезал веселый, раскатистый смех друзей. Они радостно плясали под плавно опускающимися с неба снежинки.

— Получилось! — закричал Серега, подпрыгивая. — Бежим, он должен проснуться!

Они помчались к терему смеясь и поскальзываясь. Ворвавшись внутрь, они увидели, что Дед Мороз по-прежнему лежит, но на его щеках играл румянец.

— Место! Его место! — показала Катька на пустой кованный держатель у изголовья кровати.

Алена водрузила сверкающий посох на место. Раздался легкий, чистый звон, будто ударили по хрустальному колоколу. На кровати Дедушка Мороз глубоко, с придыханием, вздохнул. Он медленно открыл глаза и потянулся.

Взгляд Деда Мороза остановился на запыхавшихся, мокрых от снега школьниках.

— Ох, и выпался я, кажись... — пробасил он. — А где этот старый упрямец, Боровичок? Игрушки на полках пылятся, чертежи новые ждут.

В этот момент из-за ноги Сереги, который сам слегка попятился от громового голоса, выглянул испуганный и красный от смущения гном.

— Так-так-так, — вздохнул Дед Мороз вздохнул. — Знаю, что ты сделал.

Все мне Хранительница рассказала. Ладно уж. Обида, она как иней: пока солнышко не взойдет, крепка, а засияет — и нет ее. Солнышко-то, я гляжу, уже вошло.

Дед Мороз хитро подмигнул ребятам. Боровичок поднял на него глаза, полные благодарности и облегчения, кивнул как заведенный и, шлепая валенками, бросился к знакомой двери, уже бор-

моча что-то про «систему охлаждения на эльфийском мхе».

А Дед Мороз улыбнулся детям:

— А вам, отдельное спасибо. И отдельный, самый что ни на есть новогодний сюрприз. Но это... уже под елкой.

Тонких Дарья

Снежный городок

Мой папа никогда не рассказывал, что на том острове, усыпанном лесами. Но как только вода замерзала, он уходил туда на пару дней. Мама спрашивали его потом:

— Ну что?

— Все так же.

Но что там за “так же” такое, которое второй год заставляет папу уходить? Только однажды он сказал: вот подрастёшь, тогда и увидишь. Но когда я подросла на год, а потом еще на год, он забыл о своем обещании.

Маленький городок мой и в кармане затеряется. В нем только и есть этот островок, да пару школ, да дующие дымом трубы. Короткое лето и долгие зимы — вот как выглядит мое ожидание. Но спасают только зимы.

Какая разница, по чему рисует мороз: по окнам стеклянным или пластиковым. Мне хорошо за пластиковыми, смотреть как люди ходят, укутавшись в сто шуб, неповоротливые как гусеницы.

Особенно люблю сидеть у окна в сильные морозы и рисовать, греть ноги прямо под батареей, да вдыхать запах из кухни: мама варит куриный

бульон. Папа в это время на работе, на другом конце города строит новые дома. Впрочем, эти дома все на одно лицо. Сколько раз я просила его построить дом, хотя бы домик, по моему рисунку. Да, я рисую кривые дома, но они разноцветные и с окнами в виде снежинок. Но папа обещает-обещает, но обещания не выполняет. Говорит даже, что построит мне не дом, а целый город, но и тут врет: как же построить целый город в нашем городке?

Пока сидишь и рисуешь, может произойти что угодно. Вот, например, пойдёт человек, укутанный и перекутанный мимо нашего дома, да и поскользнется на гололеде. И вижу я, подняться у него не получается, а люди идут мимо, все в делах и заботах: кто-то печатает текст в телефоне, а кто-то спрятал наушник под шапку и ничего не слышит, ничего-ничего не замечает.

— Мама, — крикну я — тут человек упал.

— Что? Опять? Ты тогда последи за супом, а я вернусь скоро. — и спуститься вниз.

Я подойду к плите и буду еще пять минут наблюдать за растрепанной мамой, которая наскоро одевшись, поднимает какого-то дядю. После же, она забегает ко мне за чаем и поит незнакомца в прихожей.

— Спасибо. — слышу я хриплый голос незнакомца вместе с шорохом бумаги, а потом:

— Да какие деньги, будет с вас, вот вы лучше на эти деньги что-то от горла себе купите, как

врач говорю...

И она снова рассказывает незнакомым людям врачебные тайны, или же названия таблеток и порошков, которые могут помочь им справиться с болезнью. Когда же мама возвращается к кастрюле, то трогает мой лоб, смотрит горло и напоминает, что пора прополоскать горло фурацилином. А потом и предлагает противные таблетки, на них я морщусь нос:

— Ну мам, это такая гадость.

— Ну, Альбиночка, ты же обещала пить таблетки вместо ЛФК и закаливания, или не так это было?

— Так, да не так, — и мне приходится спасаться бегством.

Если есть еще что-то в нашем городке, то это больницы. Платные и бесплатные, моя мама работает в бесплатной педиатром. Я, наверное, не лучшая дочка мамы-педиатра, ведь болею очень часто, иммунитета у меня маленько, это даже называется как-то по-научному, но как, не помню. Поэтому так или иначе приходится пить мерзкие таблетки и порошки, а от слова “закаливание” — у меня мурашки. Поэтому мама не разрешает ездить с папой, смотреть как он строит. Пусть строит и скучные дома, но мне же интересно, как это. Я все же мечтаю, чтобы домики с моих рисунков стали настоящими и пытаюсь понять, как это сделать.

Гулять я стала намного меньше с того дня, как попыталась построить снежный дом. Я взяла свой

рисунок, начала подготавливать снег для кирпичей, место для фундамента и палки искать, чтобы в окна вставить для красоты. Но не прошло и часа, как сильно закашлялась. Папа был тогда дома и выходил, чтобы проверить меня, но я просила дать мне еще времени на постройку дома. Синие губы закрывала шарфом, да и кашель сдерживала, поэтому он и дал мне погулять еще, даже остался помочь. Вместе мы построили фундаменты и стали ровнять стены, у папы это все ловко получалось, но стоило мне кашлянуть...

— Кто это кашляет?

— Не я.

— Не ты? А ну пошли домой, перерыв.

Я плакала и упиралась, знала же, что больше не выйду гулять, но папа не слушал. Дома он потрогал мои ноги и обнаружил, что это не ноги, а две ледышки, а потом и мама увидела синие губы, потом и у меня самой началась такая слабость, что пришлось маме отпрашиваться с работы и кормить меня с ложечки. С того дня я только рисую и смотрю в окно. Все наблюдаю за улицей снаружи и вспоминаю тот островок.

Меня никуда не возят зимой уже как два года, но три года назад, я помню, что видела тот островок. Мы с папой приезжали на берег, это было нашей традицией, до того как я захворала: приезжать туда и скатываться с крутого склона.

Папа рассказывал, что давным-давно река текла шире, но потом убывать начала потихоньку и

в итоге образовалась чудесная горка для все желающих. Когда же река застывает, то выглядит каждый год одним длинным катком, или блеклой пустыней, или волшебным мостом. Да, особенно волшебным мостом, если говорить о переходе на противоположный берег, на островок.

Три года назад, я помню, как сейчас, папа перешел по застывшей реке. Тогда я была менее смелая, да и не знала, что года через три, мне и мечтать нельзя будет о поездке туда. Поэтому и отказалась перейти по льду, боялась. Но папа, наверное, все равно не разрешил бы мне пройти далеко по льду. Говорил, что мне еще нельзя ходить на тот остров, вот когда я вырасту, окрепну здоровьем... А может, папа и здесь меня обманул или вовсе, подшутил надо мной. Сказал прокатиться раз десять до его прихода с острова. Я прокатилась раз тридцать до того, как он весь раскрасневшийся вернулся оттуда и сказал:

— Ну, только дождись.

Устала я ждать. Только рисование спасает и люди, которых мама поит чаем. Гололед — гадкая штука, но постоянное всякого автобусного расписания или папиных обещаний. Если есть гололед — значит кто-нибудь на нем упадет. Это выдуманная пословица моего ожидания. Вот однажды, упал на гололеде интересный незнакомец.

Снова мама убежала вниз, а я уходила на кухню, уже не помешивать бульон, а смотреть как поднимается в духовке бисквитное тесто. Снова чёрный чай в кружке с надписью: “мой кофеёк” и

незнакомец, на этот раз в камуфляжной плотной куртке и с удочками. Конечно, я отвлеклась от бисквита, увидев этого необычного незнакомца. Захотелось узнать, куда он ходил и какую рыбу ловил. Я вспомнила сказку о щуке и мне показалось, что только в этот месяц зимы волшебные щуки и ловятся. А если и правда ловятся, то что мешает этому рыбаку отплатить маме не деньгами, а щуккой? А когда появилась бы у нас щука, то я сперва пожелала бы послушных детей маме в больницу, потом разноцветных домиков папе, ну и само-собой разумеется, крепкого здоровья мне.

— Ну, щук волшебных не ловил, но вот видал я такое чудо, на нашем островке то, близ него моя прорубь, там целый снежный городок.

— Что за глупости! — сказала мама не своим голосом — Не говорите такое моей дочке, так врать... — и взглянула на меня — Стыдно должно быть, а я еще вас чаем поила.

— Что вы, я не хотел — рыбак поправил удочки — я врать не привыкши, все по правде, все как оно есть.

— А я говорю, врете!

Рыбак не нашелся, что ответить на это. Встать ему помогли и чаем напоили, спорить ему совсем не хотелось с мамой, даже неудобно было как-то, потому он и поспешил уйти. Мы остались с мамой одни и она не хотела смотреть мне в глаза, даже горло забыла проверить.

— Доча, иди порисуй — попросила она как

обычно, но я еще долго думала, почему она так ответила бедному рыбаку.

Впрочем, я быстро отвлеклась от этого. Меня увлек мир фантазий, я придумала новый вид домика, а потом и решила добавить элементы из старого. Но потянулась посмотреть старые рисунки и не нашла. Посмотрела еще раз в шкафу, потом в другом шкафу — не было. Глянула на подоконнике, под кровать заглянула, спросила у мамы:

— Мама, ты не видела мои рисунки?

Но она не знала, или не хотела говорить, куда же они делись. Я очень расстроилась, нашла под другой кроватью только потерянную кисть от акварели и села за стул, водить ею по листу от скуки и печали. Получались загадочные снежинки, которых ни в одном снегопаде не найдено, хотя бы и разберешь их по крохотной частичке.

Позднее, приехал папа. Снова он пропадал на том острове, но в этот раз приехал особенно весел. И вот, на следующий же день, как будто кто-то наколдовал их, рисунки, все до единого, возвратились в альбом. Я робеть не стала, как есть спросила:

— Папа, не ты ли мои рисунки брал? И зачем?

Тут уже папа покраснелся и стал робеть, кашлять, у мамы леденцов от кашля просить... Но я его притворству, конечно, не поверила. Вспомнила к тому же про слова того рыбака и про реакцию мамы на них:

— Кстати, папа, а правда ли, что на том острове, какое-то чудо появилось? К нам рыбак приходил, рассказывал.

Папа с укоризной на маму глянул. А она ему:

— Ну что я могла поделаться? Ушибся человек на гололеде, ну я и помочь, а потом Альбина про щуку начала.

Папа, конечно, ничего не понял:

— Что, какая щука? Ну, ладно уж, видимо, пора.

— Ты уверен?

— Ну а что так долго тянуть, куда ещё? Только одень ее потеплее и сумку бы ей собрать, горячий термос, запасную пару варежек, шапку, тоже запасную, бутерброды...

И пока папа перечислял так, я сгорала от любопытства, как только он закончил, спросила:

— Мы на остров поедem, через реку перейдем?

— И на остров поедem, и через реку перейдем...

Дослушивать я не стала, а побежала собираться.

Папина машина двинулась в путь. Она подпрыгивала на кочках и мешала смотреть вперед, на дома в инее, на заснеженные детские площадки, на людей с горящими лицами и белыми бровями. Хотя рядом со мной лежало несколько за-

пасных курток, аптечка и целый пакет перчаток, я ежилась, смотря в окно. Оттирала его влажные узоры варежкой. Так было впереди, а позади виляли хвосты снега по зеркально-синей дороге к реке.

Наконец машина остановились у берега. Оставалось только выйти, спуститься с откоса и перейти замерзшую реку.

— А что же там? Все как рыбак говорил, да?

Отец не отвечал, снег под его тяжёлыми сапогами хрустел. Он помог мне выйти из машины и взвалил себе на спину пакеты, а в одну руку взял аптечку.

— Па, а лед крепкий? Я не боюсь, честно, это так. Так крепкий или нет?

Мы подошли к откосу и река, как занесенное снегом ущелье, открылась нам, справа налево, широкая и неподвижная, исчезающая далеко впереди. Город наш заканчивался раньше, чем пропадала из виду на горизонте река. Я могла увидеть и наш дом, в нем горел свет. Наверное, мама заранее готовит тазик для горячей воды, оставляет на видном месте второй градусник, ищет запасные пакетики фурацилина.

— Крепчайший, в декабре только такой лед и стоит....

— А что же там, что же? Как рыбак говорил?

— Так идем же, и ты сама все увидишь.

Переход через замерзшую реку очень пугал. В моем воображении подо льдом зимой обитает самый настоящий бестиарий: огромные белые киты, пираньи, кракены, сирены, и стоило мне ступить на лед, я впала в оцепенение.

— Плохо стало?

— Нет, пап, это я так. Лёд точно крепкий?

— Не бойся — рассмеялся он — никакие караси на дно не утащат.

Еще раз взглянув на лед, я вцепилась папе в руку и так мы перешли реку.

Когда идешь по замерзшей реки, то представляешь себя космонавтом в невесомости. Казалось бы, надежный мост с одной земли, на другую, но все равно видишь под толщей льда волнения и бурную реку, полную рыб и растений. Я прислушивалась к малейшему звуку льда, но ни один кит не пробил его, и не выбросился нас забрать. Только мой кашель и насморк, сдерживаемые несколькими шарфами, нарушали тишину.

Мы пришли на остров, густой, но заледенелый лес, кажется, из него вот-вот выбегут разукрашенных аборигены, в одних соломенных юбках. За плотным строем голых деревьев все же проглядывалось нечто блестящее всеми цветами: и розовым, и синим, и голубым, и зелеными — остатками лета. Я догадывалась, но не верила.

Мы прошли сквозь деревья и меня ослепило сверкание снега, всеми цветами переливались

снежные дома, совсем не как у нас. Здесь каждый дом создан по моим рисункам. Вот один: я его сразу узнала, моя первая попытка нарисовать дом, кривой, как ему и полагается. А вот еще один, бок о бок с тем: тогда я научилась рисовать окна в виде снежинок и в нем, точь-в-точь как на моем рисунке, глядели три, тонко слепленных окна. И еще одно: ростом в три или четыре моих роста, башня, сложенная из ледяных кирпичей, каждый из них — окрашенный и в то же время прозрачный, изнутри видна лестница. Когда смотришь на эту башню, глаз обманывается и вместо льда видит застывший в воздухе блестящий водопад. В отдалении отдыхали фундаменты, которые только предстояло залить, и построенные до половины башни поменьше и побольше. Множество снежных домов, разнообразнее их железобетонных собратьев в центре города, стояли на тихом островке здесь.

— Это твой снежный городок! Тут не все я успел сделать, но что сделал — дарю. А все из-за болтаивых рыбаков...

— А вот и правильно, что много болтаивых рыбаков! Так бы я никогда здесь не побывала. Да ведь и достроить мы можем и сейчас, пошли, пап?

— Пошли, тут где-то были ведра и лопаты — ответил он и мы приступили к делу.

Мы засыпали снег в формы, полировали стены и делали новую мебель из льда. Я бегала от одного конца городка к другому, все мне хотелось увидеть, все пощупать и в каждом доме побывать.

Редко рисунки оживают и встают перед тобой лицом к лицу, а здесь — ожили, и не один, и не два, а почти вся папка акварельный рисунков. Только на острове акварель насыщенная, со множеством тонких лессировок. Но она не ожила бы без мастерства моего папы, которому наверняка надое-ло строить одни и те же коробки для города.

Мы пробывали на острове почти весь день, я сменила несколько пар перчаток и даже одну куртку на другую. Кашель и насморк усиливались, несмотря на усилия их скрыть, и, к сожалению, пришлось уезжать. Складывались обратно и формы для кирпичей, и лопаты, и ведра, и лестницы, и многие-многие инструменты, которые папа привез сюда как профессионал своего дела.

— У меня совсем ничего не болит, я уже не кашляю — врала я, чтобы задержаться хотя бы на часик. Но папа помнил, как в прошлый раз ошибся, дав мне «еще часик». Так мы собрали все вещи в охапку и покинули остров.

Когда мы переходили реку, я беспрестанно оглядывалась, забыв про подводный бестиарий. Пропал мой снежный городок или нет? На месте, или же сном все было? И остров, и река, и снежный городок, родом из самых ярких акварелей, оставались на месте.

В теплой машине повернулся ключ, салон затрясся, завибрировал жаркий воздух и откос, ведущий к реке, стал стремительно удаляться в заднем окне. Я припала к окну. Папа говорил:

— Альбина, мы с мамой думали показать это к

концу зимы, в твой день рождения,

— Угу — я смотрела в заднее окно, белый остров был размером с поднос.

— Как раз хотели подарить тебе кое-что. Детей со слабым иммунитетом хорошо лечат, уж мама знает... Там много всего конечно: витамины, диета строгая, на ЛФК ходить, да закаливаться придется, но потом можно будет гулять, почти как раньше. Тогда я и хотел остров показать, а иначе, зачем мне было врать?

— Гулять? А мы сможем и на остров приехать?

— Ну конечно, только потерпеть придется.

Я повернулась обратно к окну так же быстро, как отвернулась, услышав слова папы про лечение. Остров был уже размером с орех, по заледенелой дороге снова свистели и вились хвосты скорой метели.

— Мой снежный городок — сказала я и уткнулась головой в сложенные руки — Папа, слушаешь? Я потерплю. И маме об этом пообещаю, что потерплю.

Мария Куликова

Мандариновая сказка

Бабушка и внучка сидели в холле научно-исследовательского центра. Вокруг никого не было, лишь две робосанитарки проехали мимо с лёгким жужжанием, да тучный врач прошагал к своему кабинету, оставив шлейф мужского парфюма.

— Посиди, пожалуйста, тут, — сказала бабушка внучке. — Я схожу на процедуру.

— Хорошо, бабуля, а я пока посмотрю в окно.

За окном шёл снег. На запотевшем стекле можно было рисовать пальцем, и девочка принялась старательно выводить домик, солнце с лучами-палочками и всё, на что хватало фантазии и места на окне.

— Присаживайтесь, — сказал доктор, когда бабушка зашла в кабинет. — У вас сегодня сканирование нейронов. Перед началом я должен вам напомнить, что процедура экспериментальная...

— Да, я всё помню. Ещё мне говорили, что это быстро, а то меня внучка в коридоре ждёт.

— Конечно. Сейчас робот-ассистент подсоединит электроды. Будет немного покалывать в висках. Десять секунд — и можно идти. Сегодня

изменений быть не должно, а завтра хорошо бы, чтобы кто-то был с вами рядом. — Доктор провёл рукой по своей гладкой лысине, как будто приглаживая невидимые волосы. — Оплата за добровольное участие в эксперименте прописана в договоре. Думаю, вы ознакомились.

— Оплату получит мой домашний робот.

— Да, прекрасно. Тогда приступим.

В кабинете были слышны только мерные щелчки прибора для считывания нейронов памяти. Когда-нибудь воспоминания бабушки проанализируют большие квантовые компьютеры, но сейчас она думала о внучке. А внучка думала о том, что у неё заканчивается место для рисования на окне.

Неподалёку от исследовательского центра в морозном воздухе звучали чарующие звуки флейты. Вечер наступил быстро. В четыре часа уже стемнело. Городские фонари светили тускло и находились на большом удалении друг от друга — да всё же какое-никакое спасение от мрака. Убрав флейту в чехол, уличный музыкант расправил затёкшую спину. В шапке скопилось совсем не много денег. На место в ночлежке хватит, а на ужин нет. Случались и более удачные дни, просто сегодня в городе было слишком ветрено и снежно, людей проходило мало. К тому же все по старинной традиции готовились встретить Новый год в своих домах. А музыканту встречать праздник было негде и не с кем. Он жил своей жизнью. Просыпаясь по утрам в ночлежке, он со-

бирал в заплечный мешок свой нехитрый скарб — складной стульчик, коврик, термос и флейту, — после чего шёл на улицу, неизменно под одну и ту же липу. Летом от неё исходил упоительный аромат, а зимой с её веток осыпался мягкими шапками снег. Каждое утро робот-дворник особо старательно чистил улицу в этом месте. И, встречая музыканта, всегда вежливо говорил: «Сцена готова, можно начинать».

На противоположной стороне улицы появились бабушка с девочкой. Девочка, завидев музыканта, дёрнула бабушку за рукав:

— Смотри скорее! Это тот самый! Давай подойдём к нему!

— Внученька, он ведь уже уходит.

— Ну, давай же, давай! Успеем. — Девочка рванулась через дорогу.

Музыкант действительно собирался уходить на поиск ночлега, как вдруг заметил девочку, бегущую прямо под колёса машины. Ему показалось, будто её расшитые снегирями валенки едва касаются земли, словно она порхала по снежинкам, как по луговым цветам. Не задумываясь, он бросился к ней, чтобы успеть выхватить с пути электромобиля. Через мгновение они оба лежали в куче снега, оставленной на обочине дорожным роботом.

— Девочка, ты зачем так делаешь? — отдышавшись, спросил музыкант.

— К вам бежала. Хотела успеть.

— Так и не добежать можно!

Подоспела испуганная бабушка. Она едва не лишилась чувств.

— Спасибо вам, добрый человек! Я не знаю, что на неё вдруг нашло.

— Я видела, как вы играли на флейте! — Девочка, не отрываясь, смотрела на музыканта.

— Ну, возможно.

— Под этой липой. Летом.

— Скорее всего.

— Я запомнила вашу музыку!

Музыкант встал, поднял на ноги девочку, заботливо стряхнул с неё снег. Бабушка сказала:

— Пойдёмте к нам. Угостим вас чаем.

— Что вы, это неудобно.

— Ой, давайте без церемоний. Тут пройти всего два шага.

Девочка взяла музыканта за руку:

— Пойдёмте, у бабушки очень вкусный чай. На травах!

— Что ж, — музыкант улыбнулся, — спасибо за приглашение.

И они втроём пошли по липовой аллее.

Музыкант не потерял интереса к жизни и, не смотря на отсутствие жилья, прилично выглядел. Его спасала музыка. Он играл под городской липой даже в самые суровые зимние дни. Некоторые считали, что у него волшебная флейта, всегда согревающая его. Но были и такие, кто верил, будто он продал душу, раз не боялся любой погоды.

Дом встретил теплом и уютом. Музыкант оставил у двери свой мешок, а флейту взял с собой. Девочка скинула шубку. Из-под шапки выпрыгнули озорные огненно-рыжие косички.

— Ух ты, какой лисёнок! — восхитился музыкант.

— Это я в бабушку такая, — девочка улыбнулась. — Она такая же рыжая-рыжая.

— Внучка шутит, — засмеялась бабушка. — Проходите, будьте как дома.

Как во всех современных домах, свет здесь включался по хлопку, а вода по щелчку. Музыкант, пока мыл руки, обратил внимание, что зубных щёток было только две.

— А как вас зовут? — спросила девочка, проворно усевшись за стол напротив музыканта.

— Музыкант.

— У вас же должно быть имя.

— Я променял его на возможность играть.

— Как можно променять имя на музыку? — удивилась бабушка. — Не понимаю. Впрочем, все разговоры после обеда! — Она разлила по тарелкам наваристую похлёбку и украсила всё резаным зелёным луком. Вся комната наполнилась ароматом заботы. Два рыжих ангела — маленький, юный, и взрослый, мудрый — излучали свет и любовь. Музыкант ощутил себя в сказке.

Затем девочка отвела музыканта в свою комнату. Показала любимые игрушки. Книги, которые прочитала сама. И окно, украшенное вырезанными картинками. Большую часть окна занимал снеговик с ведром на голове, а нарисованная ёлка была старательно по-детски раскрашена карандашами.

— У тебя есть карандаши? — удивился музыкант; ведь карандашей в городе не было, их давно отменили.

— Ага, есть.

— Где же ты их взяла?

— Это ещё из бабушкиного детства. Только я оранжевый потеряла. Хотела нарисовать нашего кота, а он никак не сидел спокойно. И пока я бегала за ним, обронила где-то.

— А где же кот? Что-то его не видно.

— Так он уличный. Но наш. — Девочка задумалась. — Не знаю, как объяснить. Он живёт на улице, но к нам приходит каждый день. Я его нашла, и бабушка разрешила оставить. А ему тут не

живётся, он на улицу убегает.

— Но возвращается?

— Да, всегда!

— Какой замечательный кот. И как же его зовут?

— Его зовут Кот.

— Просто «Кот»?

— Ну да. Уличный. Кот.

— А почему не Саймон или Феликс?

— У бабушки нет столько денег, чтобы дать коту имя.

— Я не знал, что за клички котам нужно платить, — музыкант очень удивился.

— Вот и мы не знали, а когда я назвала его Джинджиком, нам пришёл штраф.

В комнату заглянула бабушка.

— Чай готов. Пойдёмте. Скоро и пирог подъедет.

Музыкант обратил внимание, что в гостиной появилась ёлка. Обычно новогоднее настроение в домах создавалось из подручных материалов. А девочке очень повезло: бабушка сохранила свою старую полимерную ёлку. Она не позволила её отобрать и, главное, отстояла право украшать её на целых три дня в году! В большинстве домов

ёлки были нарисованные, их разрешалось вешать на стену только на три часа. К этому все привыкли. «Я ветеран! Моя внучка осталась сиротой по вине города, — решительно заявила бабушка судье. — Хоть какую-то радость оставьте ребёнку!» — «Три дня. И без гирлянды. Шарик только пластиковый. И можно украсить одно окно». Бабушка была рада. Но ей это стоило дорого — лишних седых волос, и стало чаще болеть сердце.

В своей жизни музыкант видел ёлку давным-давно. Задолго до того, как продал дом в попытке спасти семью от страшной болезни. И задолго до того, как променял имя на возможность играть на флейте. Всё осталось в прошлом. Он старался не вспоминать о том времени.

— Музыкант, смотри! — Девочка подбежала к окну. — Видишь оранжевый огонёк? Это наш домашний робот. Он везёт пирог!

— Здорово! А что за пирог?

— Бабушка сказала, что вкусный. И с сюрпризом.

В каждом доме был свой робот. Роботы доставляли продукты, сдавали мусор на переработку, сообщали в инстанции о нарушениях, выдавали штрафы и делали много всякой другой работы. Нельзя было сказать, плохие они или хорошие. Это были просто машины с искусственным интеллектом.

— Бабушка, бабушка! Пирог приехал! — захлопала в ладошки девочка.

Прежде чем появился робот, в дом прошмыгнул кот. Сигнальная лампочка робота перестала мигать.

— Добрый. Вечер. Доставка. Куда. Положить. Пирог.

— В гостиную проезжай и ставь всё на стол. Задержись ненадолго, праздник же.

— Благодарю. Надо. Вынести. Мусор. И. Найти. Электрика. Лампочка. Перегорела.

— Это успеется.

— Благодарю. Не. Хочу. Утомлять. Вас. Своим. Присутствием.

— Перестань. Ты же член нашей семьи. Вот тебе местечко.

— Благодарю. Тогда. Совсем. Недолго.

— Смотри, кто у нас в гостях! — похвасталась девочка робота. — Это Музыкант. У него есть флейта!

— Здравствуйте. Музыкант. Рад. Вас. Видеть.

— И тебе привет, друг.

— Меня. Никто. Не. Называл. Другом.

— Когда-то надо начинать, — музыкант улыбнулся и протянул роботу руку. — Давай дружить.

— Дружба. Это. Хорошо. Давай. Дружить.

Бабушка окинула взглядом гостиную и сказала.

— Сегодня самый необычный предновогодний вечер за многие годы моей жизни. Мне так радостно видеть вас здесь. И немного грустно, что некоторых нет рядом.

— Не. Надо. Плакать. Давление. Поднимется. В. Больницу. Не. Попасть. Сегодня.

— Ты прав, в праздничный день надо думать о хорошем. — Бабушка погладила робота по серебряной макушке. — К сегодняшнему празднику я сумела кое-что достать...

Все замерли в ожидании. В руках бабушки появился загадочный маленький контейнер.

— С Новым годом! — торжественно и радостно сказала она и выложила на середину стола мандарин.

— Это настоящий? — ахнула девочка.

— Настоящий, — подтвердил музыкант, бережно коснувшись яркой кожуры.

— Мандарин. Род. Цитрус. Семейство. Рутовые. Занесён. В. Оранжевую. Книгу. Редких. И. Дорогих. Растений, — сообщил робот.

— Он волшебный, — улыбаясь, сказала бабушка.

— Когда-то я был готов отдать за такой мандарин всё, что имел! — воскликнул музыкант. — Но у меня не получилось... А как вам удалось?

— Не думайте, я не сделала ничего плохого.
— Бабушка нарезала пирог, разложила кусочки на блюдца и разлила в чашки сдобренный сушёными травами чай. — Жизнь свою я на мандарин уж точно не променяла. — Она подвинула блюдце музыканту. — Совсем не важно, где я его взяла.

— Бабушка, а у нас дом не отберут за мандарин? — спросила девочка.

— Не отберут, моя хорошая. — Бабушка поставила чашки с чаем.

— Ну, пожалуй, я пойду, — засобирався музыкант.

— Нет-нет! Сегодня праздник, побудьте нашим гостем. Тем более внучка так вас любит.

— Но... волшебный мандарин... вы будете загадывать желания... я не должен вам мешать.

— Думаю, и на вас желаний хватит.

— Я. Вызвал. Электрика, — сообщил робот.
— Мне. Надо. Его. Встретить.

— Хорошо, только возвращайся, пожалуйста,
— сказала бабушка, — ещё посидим.

Робот удалился. На его место улёгся кот. Музыкант погладил кота за ухом. Как же хорошо ему было здесь! В уютном тёплом доме, где пахнет пирогом и пряными травами. Где мурчит улично-домашний кот. Где девочка так похожа на его дочь. Где есть всё то, о чём он почти позабыл.

— Бабушка, давай чистить мандарин! — запрыгала от нетерпения внучка.

— Подожди, моя хорошая. Снять кожуру нужно в полночь.

— А ждать ещё долго?

— Долго. Ты пока отдохни. Я разбужу тебя, когда придёт время.

Девочка свернулась комочком на большом старом кресле, и кот тут же перебрался к ней. Музыкант погладил её рыжие косички и сказал бабушке:

— Очень хорошая у вас внучка.

— Я вижу, что и вы очень хороший. Оставайтесь у нас. Вместе веселее.

— Мне нельзя жить в чужом доме.

— Не беда, мы что-нибудь придумаем.

Время шло. Девочка спала. Кот мурчал. Музыкант допил остывший чай. Бабушка, глядя на ёлку и вспоминая детские годы, тоже задремала. Когда незадолго до полуночи она открыла глаза, музыканта в комнате не было. Мандарин лежал на месте.

За дверью слышались весёлые голоса. Вошли робот и музыкант. В их руках переливалась огнями ёлочная гирлянда.

— Друг. Помог. Другу, — сообщил робот.

— Что случилось? — удивилась бабушка. — Где вы были? Откуда у вас эта гирлянда?

— Ваш робот помог мне её раздобыть.

— Электрик. Хороший. Человек, — сказал робот, мигая новенькой лампочкой. — У. Него. Была. Гирлянда. Он. Хотел. Музыку.

— погоди, дай мне сказать, — перебил его музыкант. — Я хочу вас отблагодарить. Вот нашёл ёлочные огни. Давайте же развесим их на ёлке!

— Огоньки! Ура! Огонёчки! — обрадовалась проснувшаяся девочка, а бабушка сказала: — Это очень приятно, однако гирлянда нам запрещена.

— Я договорился, теперь можно!

— Удивительное дело! — сказала бабушка и крепко обняла музыканта, а потом и робота.

Ёлка заиграла огнями. Бабушка снова нагрела чай. До Нового года оставались секунды. Как только часы на ратуши пробили полночь, внучка крикнула:

— Пора!

— Пора, — сказала бабушка, ловко сняла с мандарина кожуру, и воздух сразу же наполнился волшебным ароматом.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь! — девочка пересчитала мандариновые дольки. — Восемь! Как и мне будет восемь лет!

Каждому досталось по две дольки — два желания. На лицах сияли улыбки, робот радостно мигал новой лампочкой.

— Что ты хочешь загадать? — спросил музыкант девочку.

— Я хочу новый оранжевый карандаш и чтобы вы приходили к нам в гости всегда!

— А я хочу, чтобы ты всегда была такой же радостной, как сейчас, и не бегала сломя голову через дорогу.

— А я хочу, чтобы у моей девочки рядом всегда был кто-то, кроме меня, верный и добрый. И чтобы такой счастливый день ещё много-много раз повторился. — Бабушка пристально посмотрела на музыканта и успела отвернуться до того, как защипало в глазах.

— Ну, а ты? — спросили они робота-курьера.
— Какие у тебя желания?

— Благодарю. У. Меня. Всё. Есть.

— Загадывай скорее! — воскликнула девочка.
— Сегодня же Новый год!

— Желаю. Быть. Всегда. С. Вами. И. Желаю. Избежать. Переработки.

— Когда ты сломашься и тебя нельзя будет починить ни по гарантии, ни за деньги, мы сделаем из тебя светильник в гостиной, — пообещала бабушка, — будешь нас радовать.

Робот быстро-быстро замигал лампочкой.

— Лишь. Бы. Только. Не. Ведро. Для. Мусора.

— Какое же ты ведро? — Музыкант по-приятельски хлопнул робота по плечу. — Ты же наш друг!

Всем хотелось подольше побыть в огнях новогодней ёлки, и гирлянда остались гореть на всю ночь. Бабушка не знала, встретит ли она с любимой внучкой ещё один Новый год. Возможно, завтра она никого и ничего не вспомнит. А в камерке электрика среди вороха всякой всячины лежала флейта — самое дорогое, что было у музыканта до этого дня.

Мария Куликова

Он существует!

Домашний баловень, обычный рыжий кот пригрелся на Люсиных коленях. На такого глянешь и сразу поймёшь, что это не какой-то там Мурзик, не Пушок, а именно Барсик. Барсик делал вид, что вместе со всеми слушает песни с телевизионного экрана, а на самом деле тонким прищуром тайком зарился на серебристый дождик, переливающийся в огоньках ёлочной гирлянды. Как же хотелось на него наброситься и жевать, жевать, жевать! Но ведь отберут. Мама будет верещать, папа задаст тапком — никогда без тапка не обходилось. А Люся... Люся засмеётся, глядя, как из пасти вытягивают серебристую ниточку. Но потом обязательно его обнимет и пожалеет. Мама вернётся готовить салаты, папа поправит ёлку и сядет на диван... Нет, лучше немного подождать, и тогда уж...

Так было каждый Новый год — каждый раз один и тот же сценарий.

Однако в этот вечер маме вздумалось разобрать морозилку. Все салаты были нарезаны, курица с картошкой ещё запекались, румяные пироги отдыхали под полотенцем. Не бездельничать же теперь. Папа посмотрел на это с осуждением и сказал:

— Ну что тебе неймётся-то? Завтра разберёшь.

Мама возразила:

— Вот и нет. Завтра я ничего делать не захочу. А сегодня у меня энтузиазм.

— Я с дивана не встану, так и знай.

— Отдыхай. Мне Люся поможет. Да, Люся?

Люся закатила глаза, но решила не ссориться с мамой.

Первым делом мама выкинула из морозилки газетные свёртки с вяленой рыбой. Папа крикнул с дивана:

— Воблу не вздумай выбрасывать — это только кажется, что она старая.

Мама поджала губы и подмигнула Люсе, намекая, что папа о рыбе больше не вспомнит. Следом из снежной пещеры была извлечена говяжья кость, затем — множество всяких пакетиков. И как только всё это помещалось! Мама безо всякого сожаления выребла гору снежной наледи.

— Тут даже мороженое вытекло когда-то! — сокрушённо сказала мама.

— Мама, не выбрасывай этот снег! — попросила Люся. — Я снеговика слеплю.

— Тебе на улице снега мало, что ли?

— Ну мам! Это же наш снег — личный.

— Ой, лепи. Не ешь его только.

Папа снова не удержался:

— Ешь, ешь. Он же с мороженым. Я бы съел.

Но Люся не собиралась его есть. Через три минуты на разделочной доске появился миниатюрный снеговичок. Две спички стали ему руками. Головки спичек превратились в глаза. Люся взяла обрывок серебристого дождика и заботливо обмотала снеговику шею.

— Вот, мама, смотри! — сказала Люся.

— Чудный снеговик! Отправь его на балкон, не то растает.

Люся поспешила забрать снеговика со стола, чтобы с ним не случилось беды.

Обычно зимой, кроме папы, на балкон никто не выходил. Уборкой снега там занимался он, и в этом деле ему не было равных. Можно было спокойно выходить в тапочках.

Люся осмотрелась. Ещё недавно с козырька балкона свисали огромные сосульки. Но пару дней назад их счистили. Жаль. Люсе нравились эти ледяные гирлянды. В солнечное утро они сказочно сияли. А по вечерам в них красиво отражались разноцветные огоньки соседских окон.

Мороз щипал голые ноги, щеки и неприятно застывал в носу. Глядя с балкона на двор, Люся вздохнула — ей вспомнилось, как прекрасно было в прошлой зимой, когда в хоккейной короб-

ке прямо под окнами был залит настоящий каток. Там даже давали коньки на прокат. Это ли не чудо! Однако летом хоккейную коробку снесли, а на её месте залили асфальтом парковку. Люся очень любила кататься на коньках, но о своих собственных ей приходилось только мечтать...

Очнувшись от размышлений, она отломилла кончик единственной чудом уцелевшей сосульки и аккуратно приделала снеговiku ледяной носик.

— Не морковка, конечно, но тоже хорошо! Как тебя назвать-то, друг?

Тут на балкон просунулась голова папы:

— Люся, уши отморозишь. Иди уже домой.

— Стой тут, а я пошла греться, — сказала Люся снеговичку. В двери она оглянулась и прошептала: — Я придумала. Ты будешь Хрустальный Нос. Запомни, ты — Хрустальный Нос!

А вы знали, что новогодний снег — волшебный?

За час до полуночи начинают происходить чудеса. Если поймать предновогоднюю снежинку и загадать желание — оно непременно сбудется. А если волшебные снежинки попадут на свежеслепленных снеговиков — те сразу оживут!

С нашим снеговичком из холодильника так произошло. Только что он был просто горкой снежных комочков — и вот уже очнулся живым.

Покачался на разделочной доске из стороны в сторону, прокрутился влево и вправо, пошевелил спичечными руками и сказал:

— Хрустальный Нос. Надо же! Засмеют. Точно, засмеют!

Присмотревшись к своему ледяному носу, он расстроился ещё больше.

— Ох, Люся-Люся! За что же ты сотворила меня таким страшилой!

Тут налетел рой снежинок и поднял грустного снеговичка на воздух.

— Эй! — воскликнул Хрустальный Нос. — Куда вы меня?

Так уж с давних пор повелось, что ожившие снеговики отправляются в Царство Вечной Зимы. Там каждому из них назначается особое дело. Кто-то становится ветродуем, кто-то — снежным мельником. Кто-то управляет гололёдом, кто-то снегопадом, кто-то сосульками. Только вот в последнее время волшебных снеговиков стало мало. В иные года и зимы настоящей не дождёшься — некому снег по миру рассыпать, некому реки замораживать.

А ещё бывают снеговики-ювелиры. Они-то и создают волшебные снежинки. Не при каждом снегопаде можно увидеть уникально красивые звёздочки. Да, ювелиры стали большой редкостью. А всё потому, что в новогоднюю ночь мало людей решается выйти на улицу, чтобы под

бой курантов слепить снеговика из новогоднего снега — ведь именно этим снеговикам суждено стать волшебными ювелирами в Царстве Вечной Зимы.

На праздничном столе и половины не было съедено, а уже никому ничего не хотелось.

Папа с мамой сидели в обнимку на диване и смотрели главный новогодний фильм страны. Люся встала, подошла к ёлке, вытащила из неё пушистую зелёную мишуру.

— Я пошла гулять, — сказала она и исчезла в коридоре.

— Что значит «гулять»? — сказал папа. — На время посмотри.

— Так Новый год же! Хочу большого снеговика слепить. И вы приходите!

Дверь хлопнула. Мама сказала:

— А вот и хорошо! Подарки успеем под ёлку положить.

Чтобы успеть до прихода родителей, Люся сразу взялась за дело. Она старалась изо всех сил, и последний снежный ком стал головой снеговика ровно в тот момент, когда отовсюду послышались крики поздравлений, салюты и фейерверки. Люся обмотала шею снеговика блестящей зелёной мишурой. Тут и папа вышел из подъезда. Люся сказала ему:

— Папа, пап! Мне морковку надо. Я забыла.

Предусмотрительный папа достал из кармана морковь. Люся обняла снеговика и сказала:

— А тебя я назову Рыжий Нос. Братьями будете.

И стала носиться вокруг, громко припевая:

Рыжий, Рыжий,

Рыжий Нос!

Где твой брат

Хрустальный Нос?

Рыжий, Рыжий,

Рыжий Нос...

Вскоре Люся выдохлась и упала в сугроб. На создание снежного ангела у неё хватило только пары усталых движений руками и ногами. Папа сказал:

— Всё, пойдём. Дед Мороз, наверняка, уже подарки принёс.

Люся отряхнулась, посмотрела на папу и сказала:

— Я знаю. Видела в том году: подарки мама под ёлку кладёт.

Папа смутился:

— Ну... Так Дед Мороз передаёт их нам зара-

нее.

— Да ладно, пап, я уже большая. — Люся быстро слепила снежок, бросила в папу и побежала домой.

Тем временем Хрустальный Нос очутился в Царстве Вечной Зимы. Искрящиеся снежинки аккуратно опустили его на тканый коврик с изображением оленей, ёлок и новогодних шариков-фонариков. По окружности ледяного зала высились белые колонны, сияющие холодным светом. Вдалеке на огромном снежном троне восседал старик. Его длинная белая борода спадала поверх синего кафтана и змейкой стелилась у подножия трона. Камзол старика был украшен алмазами, сапфирами и серебром. Старик встал и двинулся в сторону новоприбывшего снеговика, ещё недавно бывшего обычным инеем в холодильнике. Стук хозяйского посоха при каждом шаге отдавался звоном сосулек под потолком.

— О-хо-хо! — сказал, приблизившись, старик.

— О-хо-хо!!! — разнеслось эхом.

— О-хо-хо, — пробормотал Хрустальный Нос и задрожал от страха.

Старик посадил крохотного снеговика на свою могучую ладонь.

— Экое чудо чудное! За всю жизнь таких не видывал. Знаю-знаю, слепила тебя Люся. Хорошая девочка. Ну, давай знакомиться. Я — Мороз,

правитель здешний. Для детишек — Дед Мороз. Что же ты молчишь?

— У меня это... нос смешной. Стыдно.

— Да что ты! У тебя замечательный нос! Хрустальный! — загудел Мороз. — Рад тебя видеть в моём Царстве. Давно я ждал такого, как ты. Будешь здесь сосульками заведовать, Хрустальный Нос! А то они совсем потускнели за сто лет. — Потом пригляделся, принюхался и спрашивает: — А ты что же, из мороженого сделан?

— Всего несколько капель ванильного пломбира во мне, а остальное — снег из морозилки.

— Тогда вот тебе моё новое задание, Хрустальный Нос. Будешь делать мне пломбир. На завтрак, обед и ужин, — мечтательно сказал Мороз.

Тут в ледяную тишину ворвался искрящийся смех волшебных снежинок.

— О-хо-хо! Никак ещё одного помощника мне несут?

Дед Мороз величественно огладил бороду и замер в ожидании. Сверху донеслись скандальные крики:

— Эй, всё! Хватит! Хватит, я говорю! Поставьте меня уже! Поставьте!

На узорчатый коврик гулко плюхнулся новый снеговик. Страхивая с себя последние снежинки и не подозревая, кто стоит за его спиной, он продолжал ворчать:

— Что за возмутительные манеры! Прилипли, понимаешь.... Жаловаться буду! Где тут жалобная... Ой! — Снеговик зацепился морковным носом за бороду Мороза. — Здрасьте. Э-э... Я тут это... Прошу прощения... Рыжий Нос, к вашим услугам, — промямлил снеговик и неуклюже поклонился.

— Здравствуй, здравствуй! — сказал Мороз. — Что-то больно уж ворчливые ювелиры нынче пошли. — Обошёл вокруг снеговика, поправил на нём шарфик из мишуры. — Да ты, я гляжу, тоже из-под заботливых ладошек Люси вышел. Ох, хорошая девочка!

— Очень хорошая, — подтвердил Хрустальный Нос.

Рыжий Нос оживился:

— Так вот ты какой, братишка! Люся сказала, что я твой брат. Хоть и большой, но младший.

Дед Мороз опять довольно зашумел:

— О-хо-хо! Люся-затейница! Порадовала, редких мне помощников сотворила. Славно-славно!

Поправил бороду, стукнул посохом и крикнул так громко, что одна сосулька отвалилась от гирлянды и разлетелась вдребезги по всему залу:

— Э-ге-гей! Сани мои! Поспешим к маленькой кудеснице! Э-ге-гей!

Примчались тут Морозовы сани, все покрытые золотом и серебром, украшенные самоцветами и

резными узорами — загляденье!

— Что стоите да глядите? — Дед Мороз довольно усмехнулся и скомандовал помощникам. — Залезайте быстрее!

Снеговики послушно забрались в сани, младший помог старшему.

Налетел тут рой волшебных снежинок, превратились снежинки в красавца-оленья. Взял в руки поводья Дед Мороз, и вихрем помчались сани.

Праздничный город сиял огнями, все дети уже спали. Сладко спала и Люся, обнимая Барсика. И снился ей новогодний сон. Ей снился огромный-преогромный каток — будто бы вся главная городская площадь была залита льдом, а вокруг — не дома, а ледяные горы и снежные холмы. Люся кружилась на коньках, а с ней рядом веселились оба её снеговика. Они едва держались на льду, то и дело падали и поднимались, смеялись и догоняли друг друга. Люся каталась прямо в пижаме, но в шапке и варежках, а на шее у неё развевалась зелёная мишура. Вдруг подул сильный ветер, и кто-то потормозил её за плечо. Люся попыталась открыть глаза, но веки были слишком тяжёлыми.

— Люся. Люся, очнись! О-хо-хо... хо-хо...

— Дедушка, вы же хотели узнать её главное желание.

«Дедушка? — удивилась Люся сквозь сон. — Какой дедушка?»

— Хотел — и узнал. Закрой-ка балкон, Рыжий Нос, а то девочка простудится.

«Рыжий Нос?» — подумала Люся и вновь попыталась открыть глаза. Как в тумане, она увидела перед собой старика с искристой бородой.

— Кто вы?

— О! Очнулась! — обрадовался старик. — Дед Мороз я, кто же ещё.

— Деда Мороза не существует.

— А куда же я делся, интересно? Всегда был, есть и буду.

Люся приподнялась и посмотрела на него с удивлением и недоверием.

— Так ты настоящий?

— Самый настоящий, — с улыбкой сказал Дед Мороз, — не сомневайся.

— А где Рыжий Нос? Я слышала, как ты разговаривал с ним.

— Он пошёл закрыть дверь балкона на кухне.

— Пойду посмотрю, — сказала Люся, — а ты, пожалуйста, никуда не уходи.

Пол под босыми ногами был непривычно холодным. Порывы ветра теребили тюль. У двери балкона пыхтел снеговик.

— Рыжий Нос, это ты? — Люся крепко обня-

ла его. — Это так здорово! А где же братец твой Хрустальный Нос?

— А он развешивает на домах гирлянды сосулек, — сказал Рыжий Нос. — Скоро вернётся.

Из Люсиной комнаты послышался храп. Рыжий Нос тронул за плечо задремавшего Деда Мороза. Тот вскочил с кровати, схватил посох, поправил шапку и торопливо сказал:

— Прилёг на минуту только. Проверил, хороша ли Люсина подушка.

— Скажи, Дед Мороз, — спросила Люся, заглядывая ему в глаза, — а подарки под ёлкой ты оставляешь, или мама с папой?

— Эти подарки, Люся, готовят твои родители.

— А зачем тогда они говорят, что это ты?

— Они хотят, чтобы ты верила в чудо.

— А я сегодня сказала им, что не верю в тебя.

— Но ты же видишь, вот он я. Можешь потрогать мою бороду.

Люся засмеялась, потрогала бороду и спросила:

— А почему же ты сам не даришь детям подарки? Ты же волшебник!

— Верно, Люся, я волшебник, — сказал Дед Мороз. — Однако волшебство — это не только подарки. Метель и снегопад, заснеженные дере-

вя, иголки и ветки, покрытые ледяной глазурью, гирлянды сосулек под крышами домов, пушистые сугробы, в которых так любят валяться дети,— всё, что заставляет тебя радоваться зимой, это ведь тоже волшебство. О-хо-хо! Волшебство бывает разное. И вот в чём дело, я пришёл к тебе не просто так, а потому что ты сама тоже совершила волшебство. — Видя удивление девочки, Дед Мороз продолжил. — Да-да! Ты подарила моему царству двух редчайших снеговиков. Хрустальный Нос теперь — распорядитель сосулек. Скажу тебе по секрету, мало кому придёт в голову сделать снеговiku нос-сосульку. Но лишь снеговики с таким носом могут справиться с сосульками в моём дворце.

— Надо же... Я ведь случайно придумала нос-сосульку.

— погоди! Хрустальный Нос ещё умеет делать шарики вкуснейшего пломбира!

— Правда?

— Вот видишь, что угодно может стать чудом.

— А Рыжий Нос? Он ведь самый обычный. И нос — морковка, как у всех, — сказала Люся.

— А Рыжий Нос вообще выше всех похвал! Знала бы ты, как трудно заполучить снеговика-ювелира.

— Ювелир — это тот, кто делает украшения?

— Верно. Видела аккуратные, словно из хрусталя, уникальные снежинки с тончайшими луча-

ми?

— Видела. Но редко.

— Правильно! — сказал Дед Мороз. — Их создают снеговики-ювелиры. Таких снеговиков можно слепить только в новогоднюю ночь, под бой курантов.

— Я не знала...

— В этом и волшебство. Не все догадываются, что сами являются волшебниками.

Дед Мороз сунул руку в свой мешок, казавшийся всё время пустым, и вытащил что-то ослепительно сверкающее. От яркого сияния Люся зажмурилась.

— Это тебе подарок, Люся. С Новым годом! Верь в чудеса!

С этими словами Дед Мороз поцеловал Люсю в макушку и исчез.

Утром Люся проснулась и пошла в кухню на шум кипящего чайника. Мама стояла в привычном фартуке и деревянной лопаткой восторженно указывала на великолепный вид за окном:

— Ты посмотри, что за чудеса! Вчера ни одной сосульки не было. А сегодня они на всех домах. Сейчас на градуснике минус двадцать. Неужели ночью было потепление?

Папа жевал вчерашний бутерброд с колбасой и ничего не ответил. Барсик спал у батареи, всем своим видом подтверждая, что на улице очень холодно.

— С Новым годом! — сказала Люся.

— С Новым годом, Люся! — сказала мама. — Ну как, приходил Дед Мороз?

— Конечно, приходил, — сказала Люся и, вдруг кое-что вспомнив, выбежала из кухни.

— Что это она? — удивился папа.

Мама только пожала плечами и перевернула подгорающий блин.

Люся посмотрела под подушкой, заглянула под кровать. Ведь ей же не приснилось! Ведь Дед Мороз приходил на самом деле!

Под ёлкой лежали подарки. Люся развернула первый — книга. Книгу «Мамина помощница. Уроки кулинарии для девочек» могла подарить только мама. Во втором свёртке лежал выжигатель. Люся как-то сходила на пару занятий по выжиганию в местном доме детского творчества. Она тогда сделала небольшую картину с котиком — вылитый Барсик. Ей понравилось, но не настолько, чтобы мечтать о приборе для выжигания. Эх, папа...

Но где же подарок от настоящего Деда Мороза?

Люся села на пол и расплакалась. Плачущая в

новогоднее утро девочка в пижаме — это настоящий крах всякого волшебства. Мама бросила последний блин и побежала в комнату, крикнув папе: «Выключи газ!».

— Успокойся, Люся, — сказала мама, вытирая ей лицо фартуком. — Скажи, что произошло? Плохи подарки?

— Он был здесь... Был... Я его видела!

— Кто был, доченька?

— Дед Мороз. И снеговики были. Мои снеговики. И подарок был. А теперь ничего нет!

— Люся, тебе приснилось, наверное!

— Не приснилось! Спорим, моего снеговика больше нет на балконе...

Люся с красными глазами и опухшим носом побежала на кухню. Балконная дверь так резко распахнулась, что Люся чуть не упала. Хорошо, папа вовремя подскочил и удержал её. Они вместе вышли на балкон.

— Вот, смотрите же, — воскликнула Люся, — снеговика нет! — Тут она увидела гирлянды сосулек. — Это мой снеговик сделал!

Перила были присыпаны свежим снегом. Папа взял щепотку, понюхал и лизнул.

— Это же пломбир!

Мама надела Люсе шапку и накинула на плечи

куртку. Втроём они долго стояли и удивлялись тому, как чудесно преобразился за ночь их двор. Вся детская площадка была одним сплошным катком. Его окружала стена сугробов. Возможно, и они были из пломбира. На льду уже каталось несколько детей.

Неожиданно в другом углу балкона Люся заметила красивую коробку. На крышке были нарисованы белые фигурные коньки, и стояла печать из крошечных серебряных снежинок с надписью «Верь в чудеса!» Люся схватила подарок, прижала к себе и радостно воскликнула:

— Он существует! Существует!

Ирина Князева

Рождественское чудо

Эта история случилась прошлой зимой, в канун Рождества. Мне надоели шумные праздники большого города, и, распрощавшись с многочисленными друзьями, плотно упаковав вещи в чемодан и бросив его на заднее сиденье машины, я поспешила навестить родителей.

Путь лежал в небольшой городок в 70 километрах езды от нашего «миллионника». С облегчением и нескрываемым удовольствием я покидала переполненные людьми и автомобилями улицы. Преодолев последнюю километровую пробку моя машина, наконец, выехала на трассу.

Начало смеркаться. Город остался далеко позади, и все вокруг утонуло в серой мгле. Низкое, темное небо затянули тяжелые облака. Вдали они, казалось, спускались прямо на землю. На лобовое стекло упали первые снежинки, а потом небо, словно раскололось, облака расползлись, и начался настоящий снегопад.

Меня обволакивали ощущения уединения и тишины навевали

И вот уже сквозь его пелену с трудом удавалось рассмотреть дорогу. На меня навалились уедине-

ние и тишина — мысли блуждали... Еще до новогодних праздников я решила разорвать слишком долгие и бесполезные отношения, которые так и не переросли во что-то более серьезное. Грустно было признавать, что два года я потратила впустую на того, с кем мы не стали по-настоящему родными...

Я на секунду отвлеклась от дороги — внезапно машину занесло. От резкого нажатия на тормоз, автомобиль закрутило и швырнуло на обочину трассы, мотор заглох. Переведя дух, я поняла, что со мной все в порядке. Машина тоже оказалась цела, но колеса намертво застряли в сугробе. Достав телефон, я обнаружила, что связи нет и со злостью запихнула его обратно в карман пальто. Села в машину, вновь попыталась тронуться с места, но все напрасно. Бесполезными оказались и все мои попытки освободить колеса из снега. Оглядевшись, метрах в ста у дороги я увидела светящуюся вывеску кафе и уже собиралась отправиться за помощью, как вдруг рядом остановился внедорожник. Из машины вышел молодой человек и предложил помощь.

Когда мой «Хендай» наконец-то удалось выволить из снежного плена, я совсем окоченела. Сергей, так звали спасителя, предложил угостить меня чашечкой кофе. Мы добрались до кафе и уютно устроились за дальним столиком. Было шесть вечера. Говорили обо всем и в то же время ни о чем. Сергей оказался очень интересным и веселым собеседником. Он попросил мой номер телефона, а потом мы попрощались. Когда я отъезжала от кафе, он смотрел мне вслед и махал ру-

кой. А меня не покидало странное, но приятное ощущение — в душе исчезла гнетущая пустота.

Добравшись до дома, я крепко обняла родителей. О дорожном происшествии я умолчала. Остаток вечера пролетел незаметно: мама болтала без умолку, а папа читал книгу, уютно расположившись в кресле у камина. В половине двенадцатого, валясь с ног от усталости, я добралась до постели и решила завести будильник на телефоне, но его в сумке не оказалось. Не было мобильного и в пальто. Пришлось одеться и выйти к машине — поиски по всему салону ни к чему не привели. И тут меня осенило — сотовый, скорее всего, выпал из кармана, когда я пыталась вызвать машину из снега.

Новый телефон я купила лишь после новогодних праздников, когда приехала домой. Затем восстановила сим-карту и вернулась к привычной жизни. Вот только все чаще я вспоминала моего случайного знакомого, его взъерошенные темные волосы, голубые глаза и смешной вязаный свитер с оленями — подарок мамы.

Подсознательно я ждала от него звонка, но телефон предательски молчал. Так прошла зима, затем весна, отпылало лето, которое сменилось прохладой осени, и вновь наступила зима.

Новый 2026 год я встретила с родителями. Праздничные дни, как и полагается, были веселыми и яркими, но на душе тяжким грузом лежала тоска. Той ночью я долго не могла уснуть, вспоминая прошлогоднюю встречу с Сергеем и

гадаю, где он сейчас, чем занят и вспоминает ли обо мне? А когда наконец удалось сомкнуть глаза, мне приснился он. Сергей стоял у придорожного кафе и смотрел на дорогу. Во сне я отчетливо услышала знакомый голос. «Я жду тебя», — сказал он, и я проснулась. Это было утро 6 января — канун Рождества.

Весь день меня не покидали глупые мысли, но к вечеру они перестали казаться глупыми, и я села за руль. До конца не осознавая, что делаю, я гнала машину по трассе. «Снегопада нет», — промелькнуло в голове, и я нажала на тормоз. По другую сторону дороги мигала вывеска — «Здесь вас ждут». Неужели у кафе было именно такое название? Этого я вспомнить не могла. Закрыв машину, я посмотрела на часы — было ровно шесть.

Неуверенным шагом я перешла дорогу и вцепилась в ручку входной двери. «Не будь дурой. Это невозможно!» — твердил внутренний голос, но сердце подсказывало другое.

На улице было шумно. Отовсюду доносилось: «С Рождеством!» Я вошла внутрь. Почти все места были заняты посетителями. Взгляд мой скользнул в дальний угол. За столиком сидел Сергей. Наши глаза встретились... Он резко встал и двинулся мне навстречу.

Через туман в голове я старалась понять смысл его слов. Любимый голос шептал: «Я звонил, но телефон был выключен. Подумал, что неправильно записал твой номер или, что ты просто не хочешь общаться... Я очень скучал, все это время

думал о тебе, пытался разыскать...»

Так мы и стояли, он обнимал меня, а я пыталась унять от счастья мчащееся галопом сердце и думала: «Это чудо, это настоящее рождественское чудо!»

Ирина Князева

Счастье – рядом

Эта история случилась со мной в канун Рождества.

В то время я руководил крупной фирмой, и на праздники у меня совсем не оставалось времени. Рождественский вечер я проводил в кабинете, зарывшись в документы.

Едва освободившись, я взял в руки телефон и набрал номер отца. Долго смотрел на светящийся экран, собираясь с духом, но так и не нажал кнопку вызова...

С родителями я не общался уже несколько лет — мы в пух и прах разругались. Уже точно и не помнил, из-за чего именно произошел тот скандал с отцом, да только тогда, уходя, я хлопнул дверью со словами «У тебя больше нет сына».

Сначала я был зол и уверен в своей правоте. Спустя два месяца остыл, но упрямство не позволяло извиниться. Не стал звонить я и маме, которая в этой ситуации полностью приняла позицию отца.

Пролетали месяцы...

Я устало потер глаза, и взглянул на настенные

часы — было почти девять вечера. На улице подывала метель. Почему-то вспомнилось детство.

...Новогодние каникулы у нас тогда были самыми счастливыми днями. Мы с друзьями часто устраивали зимние сражения во дворе, а после бежали в дом, где мама, всегда нарядная и веселая, ждала нас с чаем и пирожками.

Отец, долгие годы заведовавший местным лесничеством, всю жизнь отдал сохранению местных хвойных ландшафтов, и в то время трудился над диссертацией. Но, несмотря на занятость, он обязательно спускался к нам и рассказывал что-нибудь интересное...

Территорию леса он всю обходяв вдоль и поперек. Вот и травил разные байки. Отец садился на диван в гостиной, напускал важный вид, и, заговорчески взглянув в мою сторону, начинал свой рассказ.

Истории то мы, в общем, все знали, но каждый раз отец добавлял все новые и новые детали. Голос его был тихим, создавая особую атмосферу. Пацаны слушали его с открытыми ртами, затаив дыхание. А я — я гордился им! Он был для меня самым лучшим отцом в мире.

Когда я поступил в колледж, то обязательно приезжал домой на Рождество. После праздничного ужина мы с отцом шли в его кабинет в библиотеку, где гоняли обычно несколько партий в шахматы. Мама в это время устраивалась в любимом кресле у камина с какой-нибудь книжкой. Эти тихие вечера, которые, конечно же, случались не

только на праздники, заполняли мое сердце теплотой.

Почему все пошло не так? Когда мы с отцом отдалились друг от друга?

Вот об этом я и думал, сидя в кресле в своем большом и пустом кабинете...

...А потом уже гнал машину к родительскому дому. Заехав во двор, я сразу понял, что что-то не так. В окнах вместо привычного света гирлянд было темно. Я вылез из машины и чуть ли не покалено провалился в рыхлый снег. Кое-как добравшись до крыльца, я поднялся на верхнюю ступеньку. Входная дверь была приоткрыта — я легонько подтолкнул ее вперед. Под скрип старых петель я зашел в темный и холодный дом.

Ни запахов вкусной маминой еды, ни привычных звуков тихой музыки. Не было даже елки.

В гостиной, в тусклом свете от горящих в камине дров, я увидел маму. Она сидела в «своем» кресле, спиной ко мне, в абсолютной, звенящей тишине. Руки ее мирно покоились на подлокотниках. Усилием воли я заставил себя сделать несколько шагов. Подошел и, положив руку ей на плечо, легонько коснулся халата.

— Мам, — тихо выдавил я из себя.

Ответа не последовало.

Я почувствовал, как внутри все похолодело, к горлу подкатил нервный ком. Я подошел ближе, присел у ее ног и легонько взял за руку. Мама

сильно изменилась — постарела, а некогда веселые глаза ее заполняла тоска. Меня она не замечала, о чем-то думала, устремив пустой взгляд в никуда.

Наверху внезапно раздался скрип половиц, переклюкая мое внимание.

— Папа! — громко позвал я.

Резко подскочив на ноги я быстрым шагом направился к лестнице. В полной темноте поднялся на второй этаж и поспешил в библиотеку. Внутри царил полумрак. В комнату свет проникал лишь от большого окна. Здесь, вдали от города, январское небо казалось особенно глубоким и чистым. Яркая и холодная луна освещала большой письменный стол. На краю его, совершенно чистая, стояла любимая отцовская пепельница — запаха сигар не чувствовалось. Сама библиотека тоже была пуста.

И тут я осознал — папы не стало... Как это произошло, когда, и почему я ничего об этом не знаю?

Я бросился вниз, к маме, но и ее кресло оказалось пустым. Мне захотелось закричать от отчаянья. Я схватил со стола вазу и со злостью швырнул ее в стену. Тысячи хрустальных осколков стали искрами и разлетелись в разные стороны... Камин внезапно погас, погружая гостиную во мрак.

И — тут я ПРОСНУЛСЯ.

...Я все так же сидел в кресле своего кабинета,

за своим письменным столом. Стрелки часов показывали чуть больше полуночи.

Не буду говорить, что больше в ту ночь мне так и не удалось сомкнуть глаз. Не стану рассказывать, какие черные, как сама ночь, мысли витали в голове в те часы, какие самоуничижительные слова подбирал для себя, каясь за свою гордыню и дурость...

Едва дождавшись утра, я поспешил в магазин за рождественскими подарками. А потом, минуя городские пробки, мчался в родительский дом...

Застыв на пороге, я нажал кнопку звонка. Через несколько секунд дверь отворила мама. Она, ничего не сказала, а лишь обняла. На лестнице в гостиной стоял отец.

— Папа... — начал было я.

Но он не дал мне закончить, лукаво сощурил глаза и сказал:

— Ну что, сын, партийку в шахматы? А то я уж думал, что опять придется играть с матерью, а она ничего в шахматах не смыслит.

Мы обнялись и по-доброму рассмеялись.

Я снова оказался в кругу самых дорогих мне людей. И понял, что по-настоящему счастлив и что счастье — всегда рядом!

Даяна Райт

Новогодний пассажир

Последний рабочий день года всегда находил Андрея врасплох. Казалось, весь декабрь он неся по коридорам чужих задач, не замечая, как календарь сощуренными глазами подбирается к тридцать первому. Люди вокруг уже давно растворялись в мандариновом тумане, уходили по домам с пакетами, где звенели бутылки и шуршали подарки, а он продолжал вбивать цифры в таблицы, будто от них зависел порядок вселенной.

На телефоне высветилось имя жены. Он почти машинально взял трубку, чувствуя, как холодной волной накатывает знакомое чувство вины, всегда возникающее в такие вечера.

— Мы почти всё приготовили, — сказала Лена уставшим, но мягким голосом. — Мальчишки заждались. Ты когда будешь?

Андрей взглянул на календарь пустой, будто насмешка над его собственными оправданиями.

— Мне нужно отвезти документы клиенту. Один выезд, и я свободен. Успею к курантам, — Андрей изо всех сил старался говорить так, чтоб его голос звучал уверенно.

Лена замолчала, и тишина между ними стала

толще снега за окном.

— Хорошо. Позвони, если задержишься.

— Не задержусь, — Андрей выдохнул, понимая, что ложь сквозила из каждого слова.

Положив трубку, он застегнул пальто, будто надевая на себя ещё один слой обязательств, и вышел из офиса. Снег падал густо, ровно, будто город кто-то посыпал сахарной пудрой. Фонари отражались в стекле машин, пробки мерцали красными хвостами огней, но здесь, во дворе, было тихо.

Андрей дошёл до трамвая и зашёл внутрь. В вагоне хранилось тепло, полумрак и редкие пассажиры. На заднем сиденье, у окна, он заметил пожилую женщину с букетом зимних цветов — хризантемы, еловые ветки, пара алых гвоздик. Она держала их обеими руками, будто что-то слишком хрупкое.

Трамвай тронулся, и Андрей, не зная почему, сел напротив.

Женщина посмотрела на него коротким тёплым взглядом, от которого становилось спокойнее.

— Последний рейс, — произнесла женщина скрипучим голосом. — Всегда самый тихий. Слышно, как город дышит.

— Для кого-то последний, — ответил Андрей с привычным безразличием на лице. — А для кого-то рабочий.

— Работы всегда много. А вот ночей — не так уж и много. Я каждый год еду сюда ровно тридцать первого. Навестить дом, в котором мы жили. Я приношу цветы... тому, кого уже нет.

Андрей удивился спокойствию незнакомки. В её старческом голосе не было ни тени жалобы, только простое признание того, на что нельзя повлиять.

— Тяжело так? Возвращаться? — спросил Андрей осторожно.

— Тяжело жить так, будто ничего не было, — женщина покачала головой. — Возвращаться не тяжело. Это честно. Человек жив, пока его помнят. Даже если цветы оставляют у двери чужие люди.

Трамвай медленно катился сквозь снежный город: яркие витрины, елочные базары, пустые остановки. Андрей смотрел на всё это и неожиданно остро вспоминал: дома сейчас накрыт стол, дети спорят, кто будет ставить свечи, а жена держит телефон в руках, надеясь услышать шаги в коридоре.

— Вы торопитесь? — спросила женщина, глядя на портфель в руках мужчины. — Кажется, у вас тоже есть кого навещать.

Он хотел произнести привычное «работа важнее», но слова почему-то застряли.

— Есть... — голос Андрея стих. — Жена и двое сыновей.

— Тогда не опаздывайте. Иногда человеку даётся всего несколько настоящих Новых годов. Остальные — просто смена даты.

Трамвай медленно замедлил ход.

— Мне выходить, — медленным и неторопливым движением женщина поднялась со своего места. — Моя остановка уже здесь. А ваша?

Андрей посмотрел на маршрут. До нужного квартала ещё четыре остановки. До дома... совсем другой путь. И внезапно, впервые за многие годы, он услышал свой собственный голос:

— Моя тоже здесь.

Старушка улыбнулась, словно не сомневалась в его ответе. Они вышли вместе. Снег падал плотнее, окутывая пространство белой пеленой. Женщина перешла улицу, поднялась к подъезду старого дома и аккуратно поставила букет у двери. Пальцами коснулась стены. Она сделала это нежно, как касаются плеча дорогого человека.

— Дом — это те, кто ждут, — прошептала женщина, поворачиваясь к Андрею лицом. — Даже если им приходится ждать слишком часто.

Незнакомка ушла, растворяясь в сумерках. Андрей стоял неподвижно, пока его не отвлек звук санок, скользящих по снегу. Он повернул голову. Молодой отец тянул санки, а на них сидела маленькая девочка в пушистом капюшоне.

— Пап, быстрее! Новый год же! Он нас дожждёт? — спросила девчушка, наклоняясь вперёд.

— Новый год терпеливый, — ответил отец. — А вот вы — нет. И правильно. Всех денег не заработаешь, а праздник без семьи — это просто цифры в календаре.

Девочка засмеялась, а Андрей почувствовал, как внутри что-то сдвинулось. Словно лёд треснул.

Он достал телефон. Посмотрел на экран. Сообщения коллег — десятки. От Лены — ничего. И всё же Андрей впервые осознал: она ждёт. И каждый год ждала.

Он развернулся и направился не к деловому кварталу, а к дому. Туда, где его ждали.

Пальцы сами набрали номер. Лена ответила не сразу, будто тоже пыталась поверить в это.

— Ты у клиента? Успел добраться вовремя?

— Нет. — Андрей выдохнул в трубку тёплым паром. — Я в трамвае. Еду домой.

Тишина в трубке была мягкой, почти светлой.

— Домой? — переспросила Лена.

— Да. Скажи... что купить к столу? Через час я буду дома.

Он услышал короткий игривый смешок, тот, который когда-то любил больше всего.

— Возьми то, что хочешь сам. Главное — приезжай.

— Тогда привезу самое нужное, — на лице мужчины впервые за долгое время появилась живая улыбка. — Себя.

Андрей отключился и шагнул в сторону магазина. Взял торт, мандарины, как когда-то в молодости. Вышел на улицу, где снег теперь казался светлее, чем раньше.

До дома он дошёл за пять минут до боя курантов.

Андрей открыл дверь медленно, с необъяснимым трепетом в сердце. С порога пахло выпечкой, елью и чем-то очень тёплым, что не продают ни в одном магазине. Лена стояла в дверях кухни, держа полотенце в руках. Мальчишки выбежали навстречу.

Впервые за много лет Андрей почувствовал: именно в этот Новый год он пришёл туда, где должен был быть всё это время.

Бендрышева Маргарита

40 075

— Как же неохота вставать по будильнику, когда за окном так темно и холодно! — Нюта перевернулась на другой бок и поджала ноги. — Полежу еще немного. Одна радость, до нового года осталось совсем чуть-чуть, и сегодня последний день четверти.

Однако понежиться не получилось. На звук будильника прибежала кошка, вскочила на постель и принялась настойчиво тереться теплым пушистым лбом о Нютину щеку, не давая задремать. Нюта поднялась и, как была в пижаме, побрела на кухню. Свет в квартире еще никто не включал, и только падающий из-за приоткрытой кухонной двери желтый луч словно волшебный меч рассекал утреннюю темь.

На кухне спорили мама и бабушка. Вернее, слышен был только недовольный голос бабушки, а мама как всегда лишь пыталась дать слабый отпор.

— ...вот, я же говорила, нельзя за такого замуж выходить... Ну и где теперь твой «прэлэстный» Сереженька? Семейю бросил и рад без памяти! А ты так и тянешь одна... Мы-то с отцом тебя и одевали, и развивали, и на море возили, а у тебя Анечка куда поедет? Раз в год с классом в цирк?

Нюта привыкла к этим речам. Папа ушел, когда ей было три года, помнила она его смутно, так, какая-то высокая фигура, и печали от его отсутствия не испытывала. Да чего печалиться-то? Они же нормально живут! В классе у кого есть папы, у кого нет, все по-разному. И вообще неизвестно, как бы жилось им тут, в их небольшой квартире с еще одним человеком. А так — у них с мамой по комнатке, и бабушка в проходной. Она еще так смешно их квартиру «штаны» называет!

В последний день перед каникулами уроков уже не было. На классном часе раздали дневники и поздравили с наступающим, младшие школьники отправились в актовый зал на елку, старшие побыстрее разбежались по домам, а вот для шестиклассников нашлось дело. Библиотекарь предложила желающим помочь в разборке библиотечных книг, и Нюта с подружкой Наташей вызвались.

Задача оказалась пустяковой — рассортировать стопки старых учебников. Те, которые еще можно будет подклеить, отложить в одну сторону, совсем уже растрепанные — в другую. Девчонки взялись за работу, заодно перелистывая учебники — ведь даже сухая школьная наука становится приятной, когда не нависает над тобой утомительной необходимостью, а развлекает ни к чему не обязывающими картинками и табличками на книжных страницах.

Нюта наугад распахнула очередной учебник и

увидела небольшой листок в клеточку с набором цифр: 4 0 0 7 5.

— Интересно, что это?

— Ну-ка покажи, - взяла листок Наташа. — А, ерунда какая-то...

— А, может, это чей-то телефон? Сорок ноль семьдесят пять...

— Не, не очень похоже.

— А, может, это пароль какой-нибудь? Сорок тыщ семьдесят пять...

— Ага, от сейфа в банке... Да ну...Вон, видишь, кто-то ручку расписывал, — Наташа ткнула в густые завитушки от шарикового стержня и вернула листок. — Просто мусор, выкинь. Вот я, — перешла она на шепот и приблизилась к Нюте, — знаешь почему сегодня решила книги разбирать?

— Нет, — заинтересовалась Нюта.

— В прошлый раз мы тоже тут возились, и мне, представляешь, в одном учебнике 500 рублей попались!

— Да ты что! Врешь!

— Правда-правда! Одной бумажкой! Кто-то забыл.

— Везет тебе! — позавидовала Нюта.

— Вот я и подумала, а вдруг опять повезет? Но

ТОЛЬКО ЧТО-ТО ПОКА НИЧЕГО...

Ближе к вечеру мама позвала Нюту прогуляться в торговый центр:

— Пойдем что-нибудь вкусненькое вместе к новому году выберем.

Нюта с удовольствием согласилась. Их огромный торговый центр сверкал новогодней иллюминацией, все залы были празднично украшены, аниматоры в костюмах медведей и зайцев раздавали рекламные листовки, звучала музыка, народ выбирал подарки, покупал мандарины, конфеты и прочую радостную снедь. На втором этаже возле офиса турфирмы «Экватор», где вместо елки стояла пластиковая пальма, обмотанная мишурой, толпились зеваки. Там шла акция.

— Давай поглядим, что там у них, — Нюта потянула маму в направлении пальмы.

Наряженная Снегурочкой девушка только-только заканчивала раздавать чупа-чупсы малышне, семенящей по жаркому помещению в толстых зимних комбезах, пока мамыши держали курточки и шапки. Вперед, поправляя колпак Санта Клауса, выдвинулся представитель турфирмы:

— А сейчас мы с вами разыграем главный приз! Прошу вас, уважаемые дамы и господа, встанем в полукруг, чтобы я видел вас, а вы меня. Так, так...

— Мама, пойдем поиграем!

— Да ну, Нюта...

Но Нюта уже встретила в линию, и мама вынужденно шагнула следом и встала у нее за спиной, положив Нюте руку на плечо.

— Итак, дамы и господа, — сделал торжественную паузу менеджер в колпаке, — наш главный приз — поездка на неделю в Египет на двоих!

— О-о-о! — выдохнул полукруг.

— А получит поездку тот, кто правильно ответит на два вопроса. Выв готовы? Вопрос первый: как называется наша фирма?

— «Экватор»! — крикнул полукруг.

— Какие молодцы! Второй вопрос посложнее, но я не сомневаюсь, что наш замечательный приз найдет достойного победителя! Итак... Какова длина экватора в километрах?

Что-то торкнуло Нюту изнутри. Не зная, но предугадывая правильный ответ, она выступила вперед и гордо и четко сказала:

— Сорок тыщ семьдесят пять!

— Совершенно верно! — воскликнул менеджер. — Как же тебя зовут? Ты здесь одна?

— Я — Нюта! И я с мамой! Мама!

Мать немного смущенно шагнула к Нюте.

— Поздравляю! — провозгласил менеджер. — Вот они, победители! Заслуженные аплодисмен-

ты! Мама с дочкой едут в Египет в новогодний тур от замечательной турфирмы «Экватор»! И пусть кто-то еще попробует усомниться в нашем школьном образовании! Bravo!

— Мама, — улыбаясь, сказала Нюта, — а ведь мы с тобой увидим море!

Миля ЭЖ

Босс

Папка ждал эти зимние каникулы, как никогда раньше. Отец пообещал свозить в горы и научить кататься на лыжах. Папка представлял себя несущимся на бешеной скорости с самой вершины горы.

Он даже тренировался держать равновесие. Недалеко от школы ребята раскатали узкую и длинную ледяную дорожку. Папка после уроков, бросив рюкзак на снег, катался на льду, разгоняясь как можно сильнее.

Сначала стоя, потом чуть присев с отведенными назад руками, подражая лыжникам. По вечерам он теперь смотрел спортивный канал и старался запомнить движения спортсменов.

В школе на перемене Папка бегал зигзагом между другими учениками. Его друг и одноклассник Ромка сначала с недоумением наблюдал эту картину. Потом, как настоящий друг, присоединился и только к концу перемены спросил:

— Зуб, а зачем мы так бегаем?

Зубом Папку называли из-за фамилии – Зубарев. Он не обижался. Вполне себе нормальное прозвище. Не то, что у Вовки – «косой» или у Ле-

ны — «зайка». Точнее — «заика», потому что она, когда волнуется — заикается. Но после того, как их отругала классная руководительница, стали называть Ленку — «зайкой». Всем понятно было значение прозвища, а для учительских ушей звучало благопристойно.

Так вот, Ромка спросил:

— Зуб, а зачем мы так бегаем?

На что Пашка ответил, тяжело дыша:

— Ты — не знаю, а я тренируюсь.

— Чему тренируешься?

— Объезжать препятствия на лыжах

— Что? — не понял Ромка, — на каких лыжах?

— На настоящих, как у спортсменов. Мы с папой в горы поедem. Будем там на лыжах кататься.

— Везет тебе Зуб, а мы, наверное, к бабушке в деревню поедem. Буду там, как всегда, на санках кататься и в снежки играть с сопливым соседом Васькой.

— А ты попроси родителей купить тебе лыжи. Скажи им, что ты уже не маленький на саночках кататься.

— Точно! Ты — гений, Паха. Попрошу, чтобы на Новый год мне лыжи подарили.

— Деду Морозу закажешь? — ухмыляясь, спросил Пашка.

— Ага! — засмеялся Ромка, вспоминая свой недавний разговор с мамой, которая советовала ему написать письмо Деду Морозу.

Так вышло, что Пашка «заразил» лыжами не только своего друга Ромку, но и других ребят из класса. Даже Ленка Майкут — самая худая девочка в классе с ножками — спичками и такими же тонкими косичками и та «заказала» Деду Морозу лыжи.

Пашка засыпал и просыпался с одной мыслью: «Скорей бы в горы». Оставались считанные дни, когда все его планы рухнули. Отца неожиданно отправили в командировку. Он говорил, что постарается вернуться пораньше, но Пашка не слушал его. Он стоял возле окна и рисовал на запотевшем стекле звезды, но они расплывались до неузнаваемости от слез, стоявших в глазах.

Пашка кусал губы и, сопел сдерживаясь, чтобы не зареветь. Уезжая, отец сказал Пашке, что если у него не получится вернуться из командировки до Нового года, то он обязательно пришлет вместо себя заместителя.

— Не нужен мне никто, — буркнул Пашка и даже не посмотрел в сторону отца, стоявшего возле входной двери.

Отец уехал. Пашка сидел целыми днями дома и смотрел в окно, наблюдая, как на землю падает большими хлопьями снег.

«И как мне теперь на улицу выходить? Ребята спросят про лыжи, а я им что скажу? Нет у меня

никаких лыж и, не будет».

Когда позвонил отец и сказал маме, что не придет на Новый год, Пашка даже не огорчился. Он не хотел видеть отца. Да и какой может праздник, если все твои планы рухнули? Никакой.

Вечером 31 декабря в дверь неожиданно позвонили. «Отец приехал», — промелькнула мысль в Папкиной голове. Он радостно побежал открывать дверь, позабыв про обиду. Прямо перед дверью стоял большой картонный коробок с надписью «Заместитель». Он раскачивался из стороны в сторону. Внутри кто-то громко и часто дышал.

Пашка осторожно приоткрыл крышку и не поверил своим глазам. В ящике сидел черный щенок. Он смешно щурился от яркого света и неуверенно повил хвостиком.

К Пашке подошла мама и погладила его по голове.

— Ну что? Как назовешь? — хитро улыбаясь, спросила она.

— Боссом, — серьезно ответил Пашка.

С этого дня он опять стал гулять на улице. Только теперь с Боссом. Ромка иногда выходил на улицу с лыжами, но увидев Папку с щенком, присоединялся к ним и гулял, взгромоздив лыжи на плечо.

— Эх! Надо было мне у Деда Мороза собаку просить. Сейчас бы вместе гуляли, — тяжело вздыхал Ромка.

— А мы и так вместе гуляем, — отвечал Папка, прищурившись, поглядывая на Босса. «Скорей бы уже папа приехал», — думал он, ловя себя на мысли, что очень сильно соскучился за ним и давным-давно не обижается.

Миля ЭЖ

Желание

Папка считал себя достаточно взрослым, чтобы верить в Деда Мороза. Как-никак стукнуло семь. Но где-то в глубине души он все же надеялся, что желания, загаданные в новогоднюю ночь, сбываются.

Раньше, когда Папка был по — младше он писал письма Деду Морозу. Сам или мама писала под его диктовку. А потом под елкой обнаруживались: долгожданный пистолет с лазерным прицелом или ярко — красная пожарная машина с открывающимися дверцами.

В этом же году на вопрос родителей будет ли он писать письмо, Папка усмехнулся и, сказал:

— Не буду, потому что Деда Мороза не существует.

А для себя решил: «Вот загадаю свое желание в новогоднюю ночь и посмотрю, как оно исполнится». Как родители не старались разузнать у Папки его желание, он не признался. Отмахивался от них, говоря:

— Я уже взрослый и в Деда Мороза не верю.

Наконец наступил долгожданный день — 31 де-

кабря. С самого раннего утра в доме пахло вареной свеклой и селедкой, а еще зеленым луком и солеными огурцами. Мама «колдовала» на кухне и никого туда не пускала.

Пашке с отцом было поручено навести порядок в доме, а именно: пропылесосить и вытереть пыль. А еще спрятать в шкафы все лишнее с журнального стола и кресел, потому что придут гости.

Папка ничего не имел против прихода своего крестного — дяди Саши и его жены — тети Светы, но их дочка — Аня, ему категорически не нравилась. Она была старше Папки всего-то навсего на полгода, но строила из себя такую взрослую и всезнающую, что Папка ее недолюбливал. Но она прилагалась к дяде Саше, а ради него он был готов потерпеть заумные Анькины речи и ее учительский тон. К тому же крестный всегда приносил Пашке классные подарки, а еще здоровался, как со взрослым — за руку. Ладонь у дяди Саши огромная и горячая. Да и сам он большой, как богатырь из сказки.

Пашке даже иногда в голову приходила мысль: «Вот бы мне такого папу». Вы только не подумайте, что он не любил своего папу Вову. Любил и очень сильно. Но папа Вова он ростом с маму и очень худой. Во всем соглашался с мамой и если она что-то запрещала Пашке, то и папа тоже это запрещал. А Пашке очень-очень хотелось, чтобы папа за него заступался. Ну, хотя бы из мужской солидарности.

Вот дядя Саша своей Аньке все разрешает. Он в их семье главный. Это сразу видно. Везет же этой противной Аньке.

Пашка иногда встречал ее в школьном коридоре или в столовой и делал вид будто не замечает, увлекшись разговором с одноклассником или видом из окна. Зато Анька его всегда видела, не могла пройти мимо, чтобы не толкнуть его со всей силы, а уж силы у нее хоть отбавляй, потому что она в своего папу пошла. Такая же большая.

Мало того, что толкнет, так еще обязательно обзовет: «Привет, хилый» или «Привет, доходяга». Пашка лишь вслед ей бормотал, потирая ушибленное плечо:

— А ты Анька — слониха.

Говорил так, чтобы никто не услышал, потому что мама и учителя запрещают обзывать девочек. Тем более, что Анька не просто девочка, а дочка дяди Саши.

Пашка тяжело вздыхая вытирал пыль с полок. Он уже морально готовился к приходу Аньки, лишь бы получилось задуманное: проверить сбываются ли желания, просто загаданные в новогоднюю ночь без отправления письма Деду Морозу или нет.

Пашка давно мечтал о немецкой овчарке. Почему именно немецкой? Да потому что знал по фильмам насколько это умные собаки. Родителям он несколько раз намекал, что очень хочет иметь собаку. На что мама говорила, что от собак грязь,

вонь и блохи, а папа ее, поддерживал, как всегда. Еще и про лишаи вспомнил.

«А вот если собака появится сама — волшебным образом, то им придется смириться», — так думал Пашка.

Гости пришли ближе к полуночи. Дядя Саша прямо с порога хитро улыбаясь, протянул Пашке длинный и увесистый коробок. Анька театрально присела и сказала:

— Здравствуй, Павлик.

«Вот же зараза», — подумал Пашка, но ответил, кривляясь:

— Здравствуйте, Анна. — и побежал в свою комнату распаковывать подарок.

В коробке оказался радиоуправляемый вертолет. Пашка осторожно, одним пальчиком потрогал винт и, погладил гладкий, ярко-синий с красной полосой бок вертолета.

В комнату вошла Анька:

— Ну, что, хилый? Никак не налюбуйешься?

Пашка ничего не ответил. Быстро закрыл коробку и, запихнул ее в шкаф.

— Что-то ты — Зубарев, совсем не растешь, — начала Анька, расхаживая по комнате и поправляя накрученные локоны. — Знаешь, на кого ты похож? На кузнечика.

— А ты Анька похожа на корову, — само собой вырвалось у Пашка изо рта. От неожиданности он даже глаза зажмурил и, прикрыл рот ладошкой.

— Яаааа? — громко закричала Анька. — На корову? А ты... А ты..., — запнулась она. — А ты на тощего червяка!

— А ты на бочку с медом, — осмелел Пашка и даже выставил одну ногу вперед.

— Ах так! А у тебя нос картошкой! — крикнула Анька, указывая пальцем на Пашкин нос.

— А у тебя, как помидор.

— А у тебя уши лопухие, как у Чебурашки.

— А у тебя ноги кривые, — сказал Пашка и тут же пожалел, увидев, как Анька уставилась на свои ноги, приподняв подол платья, а в ее глазах блеснули слезы. Он уже хотел сказать: «Прости», как она зло усмехнувшись, обозвала его:

— Уткочерехрюн! Вот ты кто!

— А ты — Акулокрокослон! — крикнул Пашка и в это момент за окном загрохотало и небо озарилось разноцветным салютом, а из телевизора раздался первый удар курантов. Он хотел схватиться за дверную ручку, чтобы бежать на улицу и загадывать желание, как вдруг с его телом что-то стало происходить: рот с носом вытянулись в утиный клюв, туловище заковало в тяжелый панцирь, а вместо рук и ног появились поросячьи копытца.

Пашка громко крикнул и, повернулся к Аньке, но вместо нее над ним возвышалось чудовище: слон у которого вместо хобота была зубастая пасть крокодила, а из спины торчал акулий плавник. Оно грозно рычало, широко раскрыв пасть, так что были видны его желтые и острые зубы. Чудовище переставляло свои толстые ноги, норовя затоптать Пашку.

Он от страха упал на пол и, пытался спрятать как можно глубже в панцирь свою утиную голову и пороссячий копытца. А когда акулорокрослон наступил на него огромной тяжелой ногой и Пашке стало тяжело дышать, то он заревел в голос.

Куранты продолжали быть. Из соседней комнаты доносились радостные возгласы родителей, поздравления, а в детской одно чудовище пыталось затоптать другое.

— Папа, Анечка, вы где? Идите к столу! — крикнула Пашкина мама.

В эту самую секунду утиный клюв исчез вместе с панцирем и пороссячьими ножками. Пашка поднялся с пола, размазывая слезы по щекам. Рядом с ним стояла раскрасневшаяся и лохматая Анька. Она тяжело дышала, как будто только что пробежала три километра на уроке физкультуры.

Родители хором кричали:

— Семь! Восемь!

Пашка рванул ручку двери и побежал на улицу.

— Девять! Десять!

Он выскочил на снег прямо в носках.

— Одиннадцать!

— Я хочу собаку! Не...

Не успел он сказать: «немецкую овчарку», как из дома выбежали родители, крича: С новым годом!

Они загнали Пашку одеваться, не смотря на то, что сами выскочили кто в чем.

В его комнате сидела притихшая Анька. В этот момент она показалась Пашке не такой уж и большой, а обыкновенной девчонкой. «На самом деле это я — маленький и худой», — подумал Пашка.

— Прости меня, Аня, — тихо сказал он.

— И ты меня, — ответила Анька, шмыгая носом. Она хотела что-то еще добавить, но неожиданно взвизгнула, как поросенок и запрыгнула на Пашкину кровать.

В приоткрытую дверь детской комнаты влетел черный лохматый клубок и закатился под елку.

— Что это? — спросила Анька плаксивым голосом.

— Не знаю, — прошептал Пашка, осторожно забираясь на кровать.

В дверной проем с трудом протиснулся дядя Сапа. Он широко улыбался и подмигнув, пробасил:

— Ну, где он?

— Кто? — спросили в один голос Пашка с Аней.

— Кто? Кто? Щенок! — радостно крикнул дядя Саша.

Пашка молча показал пальцем под елку. Дядя Саша, присев и засунув руки глубоко под ветки ели, вытащил черного лохматого щенка. Тот жалобно заскулил, вытаращив испуганные глаза и завилал быстро-быстро тоненьким хвостиком.

В комнату вошли веселые Пашкины родители и тетя Света. Мама смеясь, стала рассказывать, как не известно откуда во двор заскочил щенок и помчался напрямик в открытые двери дома.

Пашкин папа предположил, что щенка напугал салют и он от кого-то сбежал, потому что на бездомного совсем не похож. Чистый и упитанный.

А дядя Саша, глядя на очумевшего от счастья Пашку, стоявшего в обнимку с щенком сказал:

— Ребята, щенок сам пришел к вам в дом в год Собаки! Это к добру! Понимаете?

Пашкины родители переглянулись и возражать против таких доводов не стали. А Пашка с тех самых пор верит, что желания, загаданные в новогоднюю ночь сбываются.

Елена Зыкова

Сказочные приключения фермеров Ивановых в Норвегии

Жили в одной российской деревушке со скромным названием Чудилово муж с женой, Василий и Марина Ивановы.

Василий – крепкий и сильный, мастер на все руки, а красавица Марина – отличная хозяйшка, у которой любое дело спорится, да ещё и с добрым сердцем. Жили они, не тужили, хозяйство вели, трёх детей воспитывали. Всё у них было хорошо, но у Марины была мечта, как водится, несбыточная.

И вот однажды, когда зима начала укрывать поля белым одеялом, а мороз разрисовывал окна узорами невиданной красоты, прилетела к ним весть. Нет, не на метле и не на ковре-самолёте, а через интернет, который был в деревне, хоть и с перебоями.

«Международная ассоциация фермеров», на которую была подписана в социальной сети Марина, объявила конкурс «Рождественские и новогодние традиции в мире». Суть его была проста: надо прислать видео, где фермеры из всех уголков планеты показывают, как они готовятся к Рожде-

ству и Новому году, какие у них традиции, и как они любят свою землю. Главный приз — поездка на Рождество в Норвегию, на настоящую норвежскую ферму!

Марина, недолго думая, решила участвовать. Василий, конечно, как всегда долго бурчал:

— Да зачем нам эта Норвегия? Чего мы там не видели? У нас в России свои праздники!

— Да, ничегошеньки, Васенька, мы там не видели! Хочу посмотреть, как люди в другой стране живут, да как хозяйство ведут. Опыт перенять хочу! — громко заявила Марина. — Вдруг наши блины, пироги и пряники медовые им понравятся? И захотят они узнать про наши традиции и русскую душу? А я бы про их фьорды узнала! Давно об этом мечтаю! Ведь должно мне пригодиться когда-нибудь моё знание языков. Не зря же я училась на филологическом факультете! Я столько языков знаю, включая норвежский!

Сняли они видео. Василий показал сначала весь дом, потом — как снег с крыши чистит, свиноферму, рассказал о кормах и об уходе за свиньями. А Марина, напевая русскую песню, пекла рождественские пряники в виде снеговиков и ёлочек. Показали они и свою корову Зорьку, и петуха Петю с его гаремом из восьми куриц. Украсили они дом и сарайки мишурой, да снежинками, которые сами вырезали. Сшила Марина костюм Снегурочки для себя, а Василию — Деда Мороза. Пришлось поставить им любимую искусственную ёлку ещё в ноябре, нарядили её и позвали

соседских детишек. Устроили им целое представление. Сняли всё это на видео и отправили на конкурс.

И, конечно, Марина не забыла там рассказать про свои любимые рождественские и новогодние традиции. И вот, когда уже и надежда почти угасла, пришло электронное письмо с гербом, где красовался олень и снежинка. А в письме написано: «Уважаемые Василий и Марина Ивановы! Примите наши поздравления! Ваше видео покорило сердца экспертов конкурса искренностью и теплотой. Вы – победители конкурса «Рождественские и новогодние традиции в мире». Приглашаем вас встретить Рождество на ферме семьи Ольсенов в Норвегии! Свяжитесь с организаторами конкурса, чтобы они купили вам билеты».

Разволновались супруги Ивановы, написали организаторам, те им билеты выслали. Впопыхах собрали чемоданы, попрощались с детьми, с Зорькой и Петькой, оставили ферму под присмотром взрослых детей, а сами отправились в долгий путь.

Прибыли они в Норвегию, сначала в Осло, потом пересели на самолёт до Тромсё, а там их встретили фермер Нильс Ольсен. Он держал в руках в зале прибытия табличку с их именами, поэтому они быстро нашли его. Он, улыбаясь во весь рот, пожал руки супругам. В уголках его голубых глаз предательски расплзлась сеть мелких морщинок, среди светлых волос просвечивала возрастная проплешина, которую он пытался скрыть, зачесав набок прядь волос. Ему было яв-

но за пятьдесят.

На новеньком внедорожнике, который вёл улыбчивый Нильс, они направились к ферме, рассматривая в окна автомобиля снежные просторы.

— Вау, красота какая! Северное сияние! — воскликнула Марина, когда зелёные и фиолетовые полосы света засверкали на небе, переливаясь, извиваясь и меняя форму с невероятной скоростью.

Когда Ивановы приехали на место, то оказалось, что там не свиноферма, как они думали раньше, а самая настоящая оленья ферма! Олени, тихо фыркая, щипали ягель из-под снега. Вокруг них были разбросаны остатки сена.

Ивановы сразу прочувствовали уютную атмосферу наступающего праздника. Первое, что бросилось им в глаза, когда они приблизились к дому — это обилие света и гирлянд во дворе.

Супруги Ольсен разместили Ивановых в своём уютном деревянном домике, где пахло хвоей и корицей. Белокурая и голубоглазая красавица Ингрид очень удивилась, когда Марина заговорила с ней на норвежском, хоть и с сильным акцентом, но супруги Ольсен всё поняли. Ингрид рассказала об их ферме, которую обещала показать на следующий день.

Ольсены и их соседи красиво украсили дома к Рождеству. Гирлянды украшали не только окна, но и фасады домов, крыши, деревья во дворе. На окнах висели рождественские звёзды из бумаги.

По всему дому Ольсенов стояли свечи: на подоконниках, на столах, в канделябрах. Ингрид зажгла часть из них, и это придало дому особую атмосферу уюта и спокойствия.

Зелёные еловые ветки украшали дверные проёмы, перила лестницы и огромный камин, в котором приятно потрескивали дрова. Аромат свежей хвои и дров в камине наполнял дом праздничным духом. На камине сидели несколько ярких игрушечных гномов в красных колпаках.

— Какие интересные гномы! А почему без глаз?
— спросил Василий хозяйку, рассматривая их.

Марина теперь была переводчиком и передала рассказ Ингрид Василию:

— Наши гномы — ниссе, всегда так изображаются. Потому что по норвежским преданиям они скрывают свои треугольные зрачки, чтобы люди их не узнали, поэтому ниссе натягивают колпаки до самого носа. Эти маленькие, бородатые существа с красными колпаками — настоящие хранители домашнего очага. Они помогают норвежцам по хозяйству. Их фигурки можно встретить в наших домах повсюду: на полках, на столах, в качестве украшений на ёлках. Они приносят удачу и защищают дом.

— Какая красивая у вас ёлка, — восхищалась Марина, рассматривая зелёную красавицу, стоящую в углу гостиной.

— Да, мы все украшаем ёлку. Видите, на ней кроме шаров и гирлянд есть самодельные украшения.

А ещё мы кладём в шары записки с нашими желаниями. Мы очень любим Рождество. В Норвегии Рождество – это время, когда люди замедляются, чтобы провести его с близкими, насладиться простыми радостями жизни и почувствовать магию праздника. А украшения в доме создают эту магию и волшебство.

Стены гостиной украшали обои с норвежскими узорами, а на огромном столе стояла ваза с еловыми ветками. Василий и Марина прекрасно чувствовали себя в этом уютном домике. Ингрид угостила их на ужин блюдами норвежской кухни и напоила чаем с клюквой и корицей. Потом им выделили небольшую, но уютную спальню с огромной кроватью и красивым дубовым шкафом до самого потолка.

За разговором выяснилось, что мама Нильса была саамкой. Поэтому он так любит оленей и суровую природу севера Норвегии. Последние десять лет супруги Ольсен держат оленью ферму.

Ивановы устали после дороги и рано легли спать. Но среди ночи они проснулись от каких-то звуков в комнате. За окном светила яркая луна и мелькали зелёные полосы северного сияния, поэтому, присмотревшись, Марина увидела какое-то движение возле прикроватной тумбочки.

– Мышь! – испуганно сказала она мужу.

Василий включил фонарик на смартфоне и направил его на тумбу.

– Эй, аккуратнее со светом! Уберите его! – ус-

лышали они писклявый голосок.

– Ниссе? – удивлённо спросила Марина.

Василий только хлопал глазами, иностранных языков он не знал.

– Да, ниссе. Можете называть меня просто Эриком. В этой комнате давно никто не живёт. Раньше здесь жил Бьорн, сын хозяев, но он уехал учиться в Осло. Мы с ним друзья. Я ищу здесь свои тёплые носки, которые куда-то прибрала Ингрид. Вы меня не выдавайте ей, я общался только с Бьорном. Договорились?

– Хорошо, Эрик, договорились, – ответила Марина.

– Вот они! – радостно пропищал гном, увидев длинные красные гольфы в чёрную полоску. – На чердаке очень холодно. Я там живу. В этом году морозно! Взять ещё что ли свитер Бьорна? Он ему не нужен. А мне пригодится!

Взяв всё необходимое, гном приоткрыл дверь в спальню и аккуратно вышел в коридор.

Марина и Василий долго не могли уснуть, обсуждая увиденное чудо.

– Ты уверена, что это была не галлюцинация? Может нам дали что-то такое за ужином, что нам теперь видятся человечки?

– Да нет же, Вася! Это точно был ниссе!

– Не верю!

– Ну и не верь. А я верю в ниссе! Чудеса случаются! Наша поездка сюда разве не чудо? Давай уже спать. Завтра нас обещали покатать на санях! Вставать рано!

Утром планы Ивановых немного поменялись. Оказалось, что у них есть программа проживания и осмотра достопримечательностей Норвегии, которую выдали супругам Ольсенам организаторы конкурса. В этот день Ивановы должны были прокатиться на санях с оленьей упряжкой в окрестностях ближайшего города Тромсё и узнать всё о жизни саамов. Тур включал посещение саамских деревень, где можно отведать блюда их кухни, погрузиться в культуру, охоту, оленеводство и рыбалку. Пришлось Марине позвонить в фирму и узнать всё о туре.

Утром за завтраком Ингрид сказала Марине:

– Этот декабрь выдался особенно снежным. Вы точно поедете в тур? Боюсь, что может начаться метель, и вы увязнете в снегу.

– Ингрид, мы доверяем организаторам. Они сказали, что обо всём позаботились. Нам не о чем беспокоиться.

– Хорошо, но у меня как-то на сердце неспокойно, – поглядывая в окно, сообщила хозяйка дома. – Боюсь, что сегодня будет метель...

– Спасибо, Ингрид, я думаю, что всё будет хорошо. Душа просит приключений. А где искать приключения, как не с саамами, на санях с оленями, да ещё и в преддверии Рождества и Нового

года?

Так Василий и Марина оказались возле Тромсё, полные энтузиазма и жажды приключений. Ольсенам пришлось одолжить им свою тёплую одежду для такого путешествия.

— Вы готовы к настоящему северному колориту? — бодро спросил гид Йохан, широкоплечий мужчина с бородой, напоминающей снежный сугроб, и глазами цвета северного неба.

— Готовы! Только бы не превратиться в сосульки! — отозвалась Марина, пряча лицо в шарф.

— Не волнуйтесь, у нас тут всё продумано! — заверил Йохан, указывая на стадо величественных оленей.

Олени были прекрасны: рога, словно ветви древних деревьев, шерсть, густая и пушистая и большие умные глаза.

Василия и Марину с другими путешественниками рассадили по саням, укутали в тёплые шкуры, и тогда сани тронулись. Лес вокруг казался туристам сказочным.

— Деревья у нас более низкорослые и приземистые, чем обычно. Мы находимся на севере Норвегии, — рассказывал гид, — они словно прогнулись под тяжестью снега и ветра.

Ивановы с интересом рассматривали ветви деревьев, покрытые снегом и инеем, словно опутанные кружевными узорами.

— Дальше, за лесом, начинается настоящая тундра — бескрайняя, снежная равнина, где ветер гуляет на свободе, рисуя на снегу причудливые узоры, — продолжил рассказ гид.

— Красота-то какая! — восхищалась Марина, пытаясь сфотографировать смартфоном ускользающую красоту.

— Марин, у нас почти также. Стоило сюда ехать? Как там дома дети да Зорька с Петькой? — буркнул Василий, который всегда был домоседом.

— Да молчи ты уже! Лишь бы на диване тебе лежать да с коровой и петухом обниматься!

Через какое-то время Йохан остановил оленей.

— Так, друзья, небольшая остановка. Сейчас мы немного отойдем от тропы, чтобы показать вам кое-что особенное, — сказал он, и его глаза хитро блеснули.

Люди пошли за ним, проваливаясь в снег по колено. Лес становился всё гуще, а деревья — всё причудливее. И вдруг, из-за огромного, покрытого мхом камня, они увидели конусообразную палатку, сделанную из шкур.

— Это лавву — жилище саамов. Форма лавву идеально подходит для сурового северного климата: она устойчива к ветру и хорошо сохраняет тепло. Внутри неё вы увидите очаг, дым от которого выходит через отверстие наверху. Очаг создает уютную атмосферу, даже когда снаружи бушует метель. Внутри лавву украшена традици-

онными узорами и предметами быта. Можете походить пока рядом с жилищем минут пятнадцать, тут есть домашние олени. Для нас в лавву готовят угощение, поэтому подождём нужного по программе тура времени.

Марина увидела красивого оленя и пошла за ним, Василий плёлся позади с мужчиной-россиянином, который приехал сюда в тур.

Марина подошла близко к оленю и протянула руку, чтобы его погладить, но тот опять устремился в лес. Марина кинулась за ним.

— Куда ты, Марина? Нам надо уже к саамам! — позвал её муж.

Но она бежала за оленем. Василий с Игорем пустились за ней.

Через пару минут олень мелькнул за деревом и исчез, как будто провалился сквозь землю. Мужчины подбежали к Марине.

— Ну, ты даёшь! Ты зачем за оленем побежала? — раздражённо спросил Василий. — Мне кажется, что мы заблудились!

Они втроём стали осматриваться по сторонам.

— Ну вот же следы! По ним и выйдем назад! Следопыты! — возмущённо воскликнула женщина.

Но тут, внезапно, налетел ураганный ветер, который сдул снег с веток и не давал путникам идти.

— Смотрите, следы задувает! — в панике крикнул Игорь.

Несколько минут буря крутила снег так, что людям пришлось держаться за деревья, чтобы их не унесло в лес.

Спустя несколько минут буря резко стихла, как будто её и не было. Все следы замело. Люди были в отчаянии. Но тут из-за дерева снова появился олень и пристально посмотрел на них. Потом развернулся и пошёл в лес, оглядываясь на туристов, как будто призывая идти за ним.

— Давайте посмотрим, куда он нас зовёт! — предложила Марина, растирая замёрзшие руки.

— Хватит делать глупости! Ты нас погубишь! — закричал Василий.

Олень встал и посмотрел на них.

— Мне кажется, что он зовёт меня за собой! — направившись в сторону оленя, крикнула женщина.

Игорь пошёл за ней, Василий, махнув рукой, отправился следом.

Метров через сто они увидели стянутый льдом водоём и красивые сани, которые наполовину провалились в полынью. Возле них прыгал маленький человечек, издали похожий на ребёнка.

— Видите! Здесь нужна наша помощь! Умный олень звал нас сюда!

Когда туристы подошли ближе, то увидели, что этот человечек — гном с бородой, одетый в красную шапку и тёплый кафтан.

— Похож на этого, как его... вчера Ингрид рассказывала... Ну, скажи, Василий! — ткнув локтём в бок мужа, сказала растерявшаяся Марина.

— Ну, этот... Юлениссе вроде? — припомнил муж.

— Да! Точно! Юлениссе!

Они не заметили, как сзади к ним подобрался олень и громко крикнул:

— Да помогите же вы ему! Я же для этого вас звал!

— Что? Вы слышали это? Он умеет говорить? — округлив глаза, испуганно спросила Марина, глядя на своих спутников.

— Да! — ответили они хором.

— У нас что? Массовая галлюцинация? — спросила Марина.

— Похоже на то, — ответил ей Игорь. — Говорят, такое бывает от северного сияния...

— Помогите! — пропищал гном по-норвежски.

Марина кинулась к саням, а за ней и мужчины.

— Марина, близко к воде не подходи! Это опасно! Сейчас мы что-нибудь придумаем! — крикнул ей вслед муж.

Марина встала на берегу в недоумении. Она не знала, чем может помочь гному...

Игорь, как оказалось, работал инженером и обладал знаниями по физике и смекалкой:

— А что, если использовать поваленные деревья как рычаги?

— Рычаги-то мы можем сделать. Но нам нужна крепкая верёвка. Где её взять? — спросил Василий, почёсывая голову.

Марина повернулась к Юлениссе и спросила его, нет ли у него случайно верёвки. Тот что-то залепетал в ответ и полез в свой огромный мешок, который ему удалось выхватить из затонувших саней. Достав оттуда моток крепкой верёвки, он ещё долго лопотал, рассказывая что-то Марине.

— Говорит, что нам повезло. Один мальчик загадал желание, чтобы Юлениссе пробрался в дом с мешком подарков через дымоход, поэтому он прихватил верёвку, — объяснила Марина.

Мужчины привязали к рогам оленя, который представился Олафом, верёвку и сходили в лес за двумя крепкими брёвнами, которые привезли к полынье с помощью оленя. Потом они привязали сани к Олафу и сказали ему тянуть их на счёт «три». Сами же взяли по бревну и подпихнули их в щель между дном повозки и полозьями: Игорь с одной стороны, а Василий с другой.

— Давай, Олаф! Раз, два, три! — скомандовал

Игорь.

Олаф резко дёрнулся, а мужчины налегли на рычаги, и сани сдвинулись.

– Ура! Получилось! – радостно закричала Марина.

Их спасательная операция удалась! Счастливый Юлениссе прыгал от счастья рядом с женщиной.

– Вы заблудились? – спросил он Марину, когда немного успокоился. – Я выведу вас к вашей группе туристов. Мне и самому надо навестить саамов, чтобы отдать им подарки и просушить сани.

Все с радостью согласились и встали в сани, присесть в них никто не решился, ведь они были мокрыми, и их сиденья от мороза превратились в лёд.

Вскоре они подъехали к лавву, где гид уже пытался организовать их поиски, хотя прошёл всего лишь час, как их потеряли из виду.

– Ну и приключение у нас получилось, – пробормотал Игорь.

– Зато будет, что рассказать дома! Представляете, как это будет звучать! – рассмеялась Марина. – Мы заблудились в норвежском лесу и нас спас сказочный Юлениссе с говорящим оленем! А перед этим мы спасли его сани!

Они отогрелись в хижине, внутри которой было тепло и уютно, горел очаг, освещающий стены и

создавая неповторимую атмосферу. Им предложили отведать традиционные саамские блюда – копченую оленину и рыбу. Горячий чай помог им согреться и насладиться вкусом арктической кухни. Затем группа поехала дальше по маршруту.

День возле Тромсё во время полярной ночи – это продолжение сумерек. Солнце не поднялось над горизонтом, но его лучи, преломляясь в атмосфере, создали удивительные световые эффекты. Небо окрасилось в розоватые и зеленоватые тона, а солнечные столбы – вертикальные световые колонны, пронзающие небо, придали арктическому небу волшеббно-мистический вид.

– Как же здесь сказочно красиво! – восхищалась Марина вместе с другими туристами.

Василий, Марина и Игорь договорились, что никому не расскажут про приключение с Юлениссе и Олафом.

– Никто же в это не поверит! Будут над нами смеяться! А мне не нужна такая слава в моей фирме! – заявил Игорь.

– Так и над нами смеяться будут! Пусть это будет нашей маленькой тайной, – согласился Василий, который всегда был скептиком.

Этим вечером Ивановы вернулись в дом Ольсенов с горящими глазами и полные впечатлений. Они вместе поужинали и украсили дом венками.

Ингрид рассказала Марине:

— Мы начинаем готовиться к Рождеству заранее, за 4 недели. В первое из четырех воскресений месяца в период ожидания Рождества на подоконниках ставятся специальные рождественские светильники из семи поднимающихся лесенкой свечек и развешиваются в окнах гирлянды в форме звезды. Это убранство сразу создает праздничное настроение.

— А когда вы отмечаете Рождество? — поинтересовалась Марина, поправляя мишуру на ёлке.

— Само празднование Рождества в семейном кругу происходит вечером 24 декабря, в Сочельник. В этот день все норвежцы обмениваются подарками, семьи собираются на рождественский обед или ужин. В некоторых семьях есть традиция — смотреть рождественские, новогодние фильмы в канун Рождества по телевизору. Многие проводят выходные дома, некоторые отправляются в отпуск или за город, — рассказала Ингрид.

На следующий день Ивановы утром осмотрели оленью ферму, которая им очень понравилась. А вечером вместе с Ольсенами отметили Рождество. Они подарили друг другу небольшие подарки. Ивановы специально привезли из России сувениры.

На ужин Ингрид приготовила свиные рёбрышки под хрустящей корочкой, сельдь, картофельное пюре и различные соусы. На десерт был рисовый пудинг с взбитыми сливками и ягодным соусом и имбирное печенье.

Не обошлось застолье и без смешных исто-

рий. Женщины поужинали и разошлись по своим комнатам, чтобы отдохнуть, а потом с новыми силами смотреть ночной фейерверк. Нильс и Василий долго отмечали праздник, выпивая национальный напиток — аквавит, который наливали в маленькие рюмки — шоты.

Василий, привыкший к изобилию новогоднего стола в России, через три часа празднования с Нильсом, пошёл на кухню, чтобы поискать закуски, ведь на праздничном столе еда уже закончилась. На тумбе в коридоре он увидел миску с рисовой кашей.

«Наверное, Ингрид забыла поставить на стол», — подумал Василий и отнёс её в гостиную.

Весёлый Нильс с радостью съел предложенную Василием кашу, запивая очередной рюмкой аквавита. Потом они всё-таки решили отдохнуть, чтобы ночью запускать фейерверки. Василий поставил будильник на одиннадцать тридцать вечера. Марина уже мирно посапывала в кровати.

В начале двенадцатого в доме раздался страшный грохот. Василий с Мариной проснулись от испуга, сердца их гулко бились.

— Что происходит? Кто-то раньше запустил фейерверк? — глядя на время на смартфоне, спросила Марина. — Что это за грохот?

— Я знаю не больше твоего, Марина. Как я испугался!

Они включили свет и вышли из комнаты. Из

гостиной на первом этаже раздавались возбуждённые голоса Ольсенов.

Ивановы спустились и увидели, что стол разгромлен. Какая-то посуда лежит на полу, рюмки разбиты.

— Что произошло? — спросила Марина у Ингрид.

— Не знаю, Марина. Мы слышали грохот и спустились. Застали такую картину...

— Кто это мог сделать? Мы у вас уже третий день, животных я не видела. Может, у вас есть кот?

— Нет у нас дома никаких животных. Но, кажется, я догадываюсь... Много лет назад у нас уже был такой случай, когда наш маленький сын Бьорн съел кашу, которую я поставила для ниссе в Рождественскую ночь. Где каша, Нильс? Она на месте? Я оставила её в коридоре на тумбочке.

Марина перевела рассказ мужу, и тут у Василия от удивления округлились глаза, и он сказал:

— Прости, Ингрид. Я думал, что ты забыла поставить кашу на стол. Когда у нас с Нильсом закончилась еда, я принёс кашу на стол. Мы её съели!

— Ах, вон оно что, Вася! Ты, похоже, разозлил ниссе и меня! — рассердилась Марина. — Прости его, Ингрид, дурака такого! — раздражённо сказала Марина, показав мужу кулак.

— Да не знали мы! Разве ж мы специально?

Вкусная была каша с маслом! — облизываясь, сказал Василий.

Ингрид с мужем дружно рассмеялись.

— Хорошо, что это был не кошачий корм! — следуя всеобщему настроению, засмеялась Марина.

Последним засмеялся Василий. Они дружно пошли во двор пускать фейерверки и смотреть на соседские, а потом убрали осколки посуды с пола. Ингрид пошла на кухню, чтобы сварить рисовую кашу. Потом поставила на тумбочку в коридоре целую кастрюльку каши, щедро сдобренной сливочным маслом, и наказала мужчинам, чтобы они её не ели.

Вот так весело и необычно отметили Ивановы Рождество в Норвегии. А через два дня полетели на Родину, где их ждали любимые дети и хозяйство, по которому они очень скучали... А ещё дома их ждал любимый и такой понятный праздник — Новый год! На котором за столом соберётся большая семья Ивановых с дальними родственниками. На столе будут стоять много разных вкусных блюд...

— В гостях хорошо, а дома всё-таки лучше! — с улыбкой на лице произнёс Василий, когда самолёт поднялся в небе над Осло.

— А я рада, что мы побывали в Норвегии. И столица мне очень понравилась! — восторженно заявила Марина, рассматривая красный колпак, который непонятно как оказался в её сумке. — до-

мой уже страсть как хочется!

Из колпака женщине на ладошку выпал маленький игрушечный ниссе в таких же гольфах, как нашёл тогда гном в тумбочке...

— Эрик, — улыбнувшись, прошептала женщина и прижала гнома к груди.

Содержание

Предисловие.....	3
Кристина Арт. Станция «Первое января».....	4
Тершукова Елена. Оливье наоборот.....	52
Валерия Логина. До конца снегопада.....	74
Валерия Сиян. Зимний подъём	80
Лия Нова. Сказка о том, как Зима полюби- ла.....	89
Анна Лоншакова. Самоцветы любви. (Рожде- ственная сказка).....	95
Светлана Вейр. Ёлка из звездной коры.....	104
Тонких Дарья. Снежный городок.....	129
Мария Куликова. Мандариновая сказка.....	142
Мария Куликова. Он существует!.....	157

Ирина Князева. Рождественское чудо.....	175
Ирина Князева. Счастье – рядом.....	180
Даяна Райт. Новогодний пассажир.....	185
Бендрышева Маргарита. 40 075.....	191
Лилия Ёж. Босс.....	197
Лилия Ёж. Желание.....	202
Елена Зыкова. Сказочные приключения фермеров Ивановых в Норвегии.....	210

Sinteza
literary association